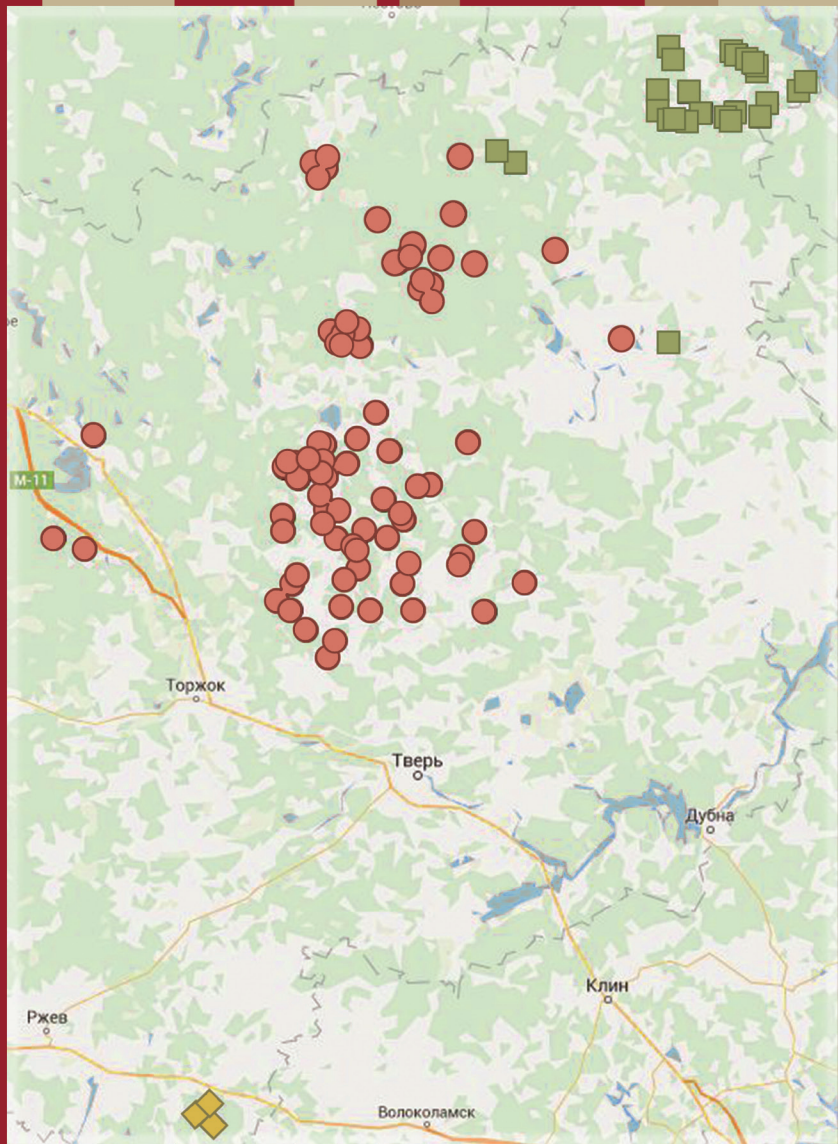




И. П. Новак
Тверские диалекты карельского языка:
Фонетика. Фонология

И. П. Новак
Тверские диалекты
карельского языка:
Фонетика. Фонология

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

И. П. Новак

**ТВЕРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА:
ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ**

Петрозаводск
2016

УДК 811.511.112
ББК 81.2-67
Н72

Научный редактор:
доктор филологических наук, профессор И. И. Муллонен

Рецензенты:
кандидат филологических наук Е. В. Захарова,
кандидат педагогических наук, доцент Л. Г. Громова

И. П. Новак

Н72 Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология.
Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 226 с.

ISBN 978-5-9274-0740-8

Монография посвящена исследованию фонетической и фонологической систем группы тверских диалектов собственно карельского наречия карельского языка: толмачевского, весьегонского и держанского, с целью выявления основных маркирующих их диалектных черт, уточнения диалектных границ, а также последующей выработки ряда научно обоснованных рекомендаций для развивающегося на их основе варианта новописьменного карельского языка. Для иллюстрации отдельных говоров всех тверских диалектов карельского языка в исследовании приводятся пятнадцать текстов образцов речи, записанных в 1958–2016 гг. сотрудниками сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН в местах компактного проживания карелов Лесного, Максатихинского, Спировского, Лихославльского, Рамешковского, Весьегонского, Краснохолмского и Зубцовского районов Тверской области.

Работа адресована специалистам финно-угроведов, а также всем интересующимся проблемами фонетики, фонологии и диалектологии карельского языка.

УДК 811.511.112
ББК 81.2-67

*Монография подготовлена в рамках гранта
Президента Российской Федерации для государственной поддержки
молодых российских ученых – кандидатов наук в области знания
«Общественные и гуманитарные науки» МК-3594.2015.6
«Исследование грамматической системы диалектов карельского языка
центральной России»*

ISBN 978-5-9274-0740-8

© Новак И. П., 2016
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2016
© Карельский научный центр РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	10
Краткий исторический экскурс	10
Тверские диалекты карельского языка	16
История исследования фонетической системы тверских диалектов карельского языка	23
Глава 1. Фонетическая система тверских диалектов карельского языка	28
1.1. Вокализм	28
1.1.1. Краткие гласные	29
1.1.2. Лабиализация гласных	31
1.1.3. Долгие гласные	33
1.1.4. Дифтонги	37
1.1.4.1. Восходящие дифтонги	38
1.1.4.2. Нисходящие дифтонги	44
1.1.5. Трифтонги	51
1.1.6. Апокопа и синкопа	52
1.1.7. Сингармонизм	55
1.2. Консонантизм	57
1.2.1. Артикуляционная характеристика согласных	57
1.2.2. Дистрибуция согласных <i>š, ž / s, z</i>	65
1.2.3. Геминаты	70
1.2.4. Сочетания согласных	73
1.2.5. Палатализация	76
1.2.5.1. Позиционная палатализация	78
1.2.5.2. Фонетически необусловленная палатализация	87
1.3. Структура слога и слова	88
1.4. Ударение	92
Глава 2. Фонологическая система тверских диалектов карельского языка	93
2.1. Чередования гласных	93
2.1.1. Изменения гласных компонентов ударного слога	93

2.1.2. Чередования конечных гласных лексической основы слова	94
2.1.3. Чередования гласных в словоизменительной основе слова	98
2.2. Альтернация согласных	101
2.2.1. Количественное чередование ступеней согласных	103
2.2.2. Качественное чередование ступеней согласных	104
2.2.3. Морфологическая составляющая альтернации согласных	109
Глава 3. Фонетическая адаптация заимствованной из русского языка лексики	117
3.1. Фонетические изменения в системе гласных звуков	120
3.2. Фонетические изменения в системе согласных звуков	123
3.3. Фонетические изменения конца слова	125
Заключение	128
Образцы тверской карельской диалектной речи	137
Литература	192
Источники	197
Сокращения	198
Список информантов	200
Приложения	202

ПРЕДИСЛОВИЕ

К карельским диалектам центральной России или, как еще принято их называть, периферийным диалектам карельского языка относятся говоры субэтноса карельского народа, проживающего на протяжении четырех столетий на территориях современных Тверской, Ленинградской и до недавнего времени Новгородской областей. История формирования данной группы связана с военным противостоянием России и Швеции XVI–XVIII вв., результатом которого стал массовый исход корелы с исторической родины – северо-западного Приладожья, на новгородские земли.

Основываясь на территориальных и языковых критериях, исследователи выделяют пять периферийных диалектов, относящихся к южнокарельской группе собственно карельского наречия карельского языка: тихвинский (Тихвинский и Бокситогорский районы Ленинградской области), валдайский (Валдайский район Новгородской области), толмачевский (Лихославльский, Спировский, Максатихинский, Рамешковский, Бежецкий районы Тверской области), весьегонский (Весьегонский район и сопредельные территории Сандовского, Молоковского и Краснохолмского районов Тверской области) и держанский (группа деревень Зубцовского района Тверской области). Валдайский и держанский диалекты являются к настоящему моменту исчезнувшими.

Карельские диалекты Тверской области (толмачевский, весьегонский, держанский), выступившие объектом настоящего исследования, принято объединять в группу тверских (калининских) карельских диалектов. В лингвистических источниках относительно их можно встретить также употребление термина «тверское наречие карельского языка».

Стремительное сокращение численности коренного карельского населения региона (со 150 тыс. чел. в начале XX в. до

современных 7 тыс.¹, из которых лишь треть владеет карельским языком) заставляет принимать все возможные меры для сохранения и развития национальной культуры и карельского языка. Задача осложняется отсутствием комплексных исследований грамматической системы тверских карельских диалектов, столь необходимой в процессе выработки орфографических правил и норм новописьменного языка, основанного на тверском карельском наречии. Поэтому целью настоящего исследования является анализ обнаруживающих значительные отличия фонетической и фонологической систем тверских карельских диалектов, выявление основных диалектных маркеров, уточнение диалектных границ, а также выработка ряда научно обоснованных рекомендаций для развивающегося на их основе новописьменного языка.

Теоретической основой работы послужили опубликованные и рукописные труды российских, эстонских и финляндских исследователей, посвященные описанию отдельных диалектов или грамматических явлений карельского языка. Исследование основано на фактическом материале, собранном из образцов речи тверских карелов, записанных большей частью в середине прошлого века, диалектных словарей карельского языка, осуществленных автором расшифровок магнитофонных записей, хранящихся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также непосредственно в ходе полевой работы 2010–2016 гг. в Спировском, Лихославльском и Весьегонском районах Тверской области.

Работа состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения. Во введении дается краткий обзор истории формирования и изучения тверских диалектов карельского языка.

¹ По неофициальным данным численность тверских карелов значительно выше официальных показателей. Здесь необходимо учитывать тот факт, что далеко не все представители национальности в силу определенных причин записываются карелами. Кроме того, официальные данные позволяют судить лишь о карелах, проживающих на традиционных территориях, в то время как в результате внутренних миграций многие из них переселились в другие регионы Российской Федерации. Так, например, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в г. Санкт-Петербурге проживает почти 1400 карелов, в г. Москве – 358, из которых 166 чел. говорят на карельском языке, в Московской области – 272 карела.

В соответствии с тем, что звуковую сторону языка можно рассматривать в акустико-артикуляторном и функционально-языковом аспектах, в фонетике различают собственно фонетику и фонологию. Собственно фонетика исследует материальную сторону своего объекта: работу произносительного аппарата, акустическую характеристику звуковых явлений и восприятие их носителями языка [ЛЭС: 554]. Фонология же (функциональная фонетика) изучает структурные и функциональные закономерности звукового строя. Предметом фонологии являются различия и тождество звуковых элементов языка, значимых в плане выполнения ими трех функций – дистинктивной (различительной, связанной с опознаванием и отождествлением слов и морфем), делимитативной (разграничительной, связанной с сигнализацией границ слов и морфем), кульминативной (закрывающейся в обеспечении целостности и выделенности слова) [ЛЭС: 555]. В связи с этим основной материал разделен на две главы, описывающие фонетическую и фонологическую системы тверских диалектов карельского языка. Анализу фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики посвящена третья глава настоящего исследования. В процессе анализа учитываются, главным образом, пространственные характеристики описываемых явлений, однако, для объяснения формирования выявленных диалектных маркеров некоторое внимание уделяется также истории их развития.

В заключении обобщаются основные результаты исследования фонетической и фонологической систем тверских карельских диалектов.

Для иллюстрации тверских диалектов карельского языка приводятся пятнадцать текстов образцов речи, записанных в разные годы сотрудниками сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН и хранящиеся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Образцы речи собраны от респондентов 1875–1959 гг. рождения в 1958–2016 гг. в местах компактного проживания карелов Лесного, Максатихинского, Спировского, Лихославльского, Рамешковского, Краснохолмского, Весьегонского и Зубцовского районов Тверской области. Четырнадцать из предложенных текстов представляют собой бытовые рассказы, также приводится один фольклорный текст (сказка). Большая часть из предложенных текстов расшифрована

автором исследования. В работе над текстами № 3, 8, 9, 11, 14 были использованы материалы, предоставленные А. В. Пунжиной. Текст № 13, а также перевод к нему принадлежат авторству К. В. Маньжина. Перевод остальных текстов выполнен автором исследования.

В использованных в ходе исследования печатных источниках примеров употребляются различные системы и правила транскрипции, поэтому, с целью унификации в рамках данной работы, за основу взята несколько упрощенная финно-угорская транскрипция. Для обозначения переднерядного лабиального гласного верхнего подъема принят символ *y*. Долгие гласные и геминаты обозначены двумя одинаковыми графемами (*uu*, *yy*, *ii*, *tt*, *kk*, *pp*, *čč* и т. д.), полудолготы держанского диалекта не выделяются. Такие важные фонетические диалектные моменты как употребление полугласного *w*, а также случаи ассимиляции и вокализации даются как в первоисточнике и отражаются в авторских расшифровках. Это, однако, не касается позиционно обусловленного назализированного варианта фонемы *n* [*ŋ*], одинаково представленного во всех описываемых диалектах.

Тверские диалекты карельского языка выделяются на фоне остальных обильной палатализацией, которую в образцах речи принято обозначать довольно подробно. В рамках настоящей работы решено снизить количество знаков смягчения с целью облегчения восприятия материала. Символом апострофа [*ʼ*] с правой стороны от графемы отмечается позиционно необусловленная палатализация (в положении перед гласными заднего ряда и в абсолютном конце слова) переднеязычных согласных (*d*, *l*, *n*, *r*, *s*, *z*, *t*). Из позиционно обусловленных решено опускать знаки палатализации в положении перед переднерядными гласными *ä*, *ö*, *y*, поскольку здесь регулярно происходит смягчение, однако, обозначать палатализацию в положении перед мягкими согласными и перед гласными *i*, *e*, представленными в исследуемых диалектах переднерядными и среднерядными аллофонами, по-разному влияющими на артикуляцию впереди стоящего согласного.

Слияние слов в потоке речи не выделяется. Паузы, в зависимости от долготы, отмечены запятыми и точками.

Для демонстрации грамматических особенностей карельского языка перевод примеров и текстов образцов речи максимально приближен к оригиналу. В круглых скобках, где это необходимо, дается буквальный перевод или пояснение.

В качестве приложения к исследованию приведены карта «Наречия и диалекты карельского языка», диаграмма «Динамика численности карельского населения Тверской области», карта и таблица «Расселение карелов в Тверской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.», карта и таблица «Говоры тверских диалектов карельского языка», где отмечены населенные пункты, в которых были собраны диалектные материалы, использованные в ходе исследования, а также диалектные карты распространения отдельных фонетических явлений, основанные, главным образом, на заполненных «Программах по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Краткий исторический экскурс

Тверские карельские диалекты являются наследниками древнекарельского языка, сформировавшегося на Карельском перешейке в начале второго тысячелетия н.э. из восточного и северного диалектов прибалтийско-финского языка-основы [см. Itkonen 1983: 349–353]. Решающее влияние на формирование современных карельских наречий и диалектов оказали исторические события, а именно военное противостояние России и Швеции XVI–XVIII вв., в результате которого поток карелов с исторической родины хлынул на территорию современной Карелии, а также на новгородские и тверские земли [см. Кочкуркина 1987: 66–67].

Исследователь истории переселения тверских карелов А. Н. Головкин отмечает, что первые переселенцы-карелы вышли на Бежецкий верх из Выборгской Карелии еще в 1353 г. [Tverin Karjalaiset: 4]. Письменное же упоминание о первых карельских переселенцах на Тверскую землю относится к 1564 г. [Головкин 2001: 282]. В 1558 г. разразилась Ливонская война, в результате которой Швецией был захвачен Корельский уезд, что привело к оттоку части местного населения на Новгородские земли. По результатам Плюсского перемирия 1583 г. за Швецией закрепились Корельский уезд и Ижорская земля, после чего волна переселения карелов, в том числе и на Верхневолжье, усилилась. В 1595 г., согласно Тязинскому мирному договору, захваченные земли были возвращены Москве, это позволило части беженцев вернуться в Приладожье [Головкин 2001: 19].

В XVII в. военные действия продолжились. Согласно Столбовскому мирному договору 1617 г., Швеция вновь получила земли Корельского уезда, что вызвало новую волну переселений карелов. Основными причинами переселения историки называют тяжелое экономическое положение, обремененное высокими налогами, и голод [Laasonen 2005: 152]. Нередко беженцев возвращали обратно из дипломатических соображений. До 1636 г. Корельский уезд по приблизительным подсчетам покинуло около 2 тыс. семей, а к 1650 г. около 25 тыс. человек [Virtaranta 1961: 33].

Новая война 1656–1658 гг. вызвала крупнейшую волну уже организованного переселения, родные земли тогда покинуло более 4 тыс. семей (процент оставшегося местного населения не достигал и 10 %), на их место пришли выходцы из Саво и Выборгской Карелии. Правительство Алексея Михайловича засылало в Корельский уезд вербовщиков, которые привлекали карелов для переселения на дворцовые земли. Для расселения карелов были выделены обширные территории в Бежецком, Новгородском, Угличском, Тверском и Ярославльском уездах [см. Воскресенская 1997: 38]. На Бежецкий верх переселилось около 20 тыс. карелов [см. Virtaranta 1961: 35–36; Салохеймо 1995: 458–464], Верхневолжье было выбрано не случайно. Польско-литовская интервенция, неурожайные годы и чума XVI–XVII вв. оказались губительными для северной части Верхнего Поволжья. Деревни Бежецкого верха сжигались или оставались без населения. Крупным землевладельцам – государству, монастырям и частным лицам, обеспечивавшим Москву хлебом и другими необходимыми товарами, требовались земледельцы и плательщики дани, поэтому Москва была готова заплатить за то, чтобы шведская сторона разрешила перешедшим карелам постоянно проживать на территории Московского государства. Всем переселенцам были выделены дополнительные льготы: они могли сами выбирать участки для поселения, получали готовые дома, на 10 лет освобождались от повинностей, каждой семье выдавалось по 10 рублей (цена коровы составляла на тот момент 1 рубль). Еще одной немаловажной причиной переселения на территорию центральной России было то, что близ границы угроза возвращения оставалась довольно высокой [см. Салохеймо 1995: 457; Орлов 1995: 467].

Согласно данным приписных книг, на тверские земли пришли переселенцы из всех погостов Корельского уезда, однако большинство из Сакульского погоста (Сакула – совр. п. Громово Ленинградской обл.) и Ровдужского (Рауту – совр. п. Сосново Ленинградской обл.) [Головкин 2000: 9–15]. Так, согласно архивным источникам, в 1660 г. Карпичка Юрьев и его сын Петручка свидетельствовали о том, что в 1636 г. вышли из Липери (приход на востоке Финляндии в провинции Северная Карелия) и после долгих скитаний оказались первыми переселенцами на том месте, где

сейчас находится с. Толмачи (Лихославльский район Тверской области) [Virtaranta 1961: 31].

Переселение проходило через Олонецкий перешеек, далее через Тихвин и Валдай. Особо охотно принимали переселенцев монастыри, например, Тихвинский и Иверский, где в итоге осела часть карелов и сформировались соответственно их тихвинская и валдайская группы [Virtaranta 1961: 41]. Остальные двигались южнее, на территории современных Тверской, Московской, Смоленской, Калужской, Владимирской, Ярославской и даже Тамбовской областей. Некоторые группы карелов с течением времени подверглись ассимиляции и исчезли.

Довольно часто семьи переселялись с места на место в поисках лучших условий для жизни. Имеются данные о переселении в Тверскую Карелию выходцев из Средней Карелии, например, населения целой д. Сельги (совр. Паданское сельское поселение Медвежьегорского района) [см. Virtaranta 1961: 42–44].

Последняя волна переселения была вызвана результатами Северной войны 1700–1721 гг., когда Россия освободила выход к Балтийскому морю и вернула утраченные ранее земли, в результате чего у оставшихся в Корельском уезде карелов появилась возможность воссоединиться с родными [Карелы Карельской АССР 1983: 38–62]. Неудивительно, что сами карелы намного лучше сохранили воспоминания именно об этой волне. На вопрос исследователей о том, когда их предки пришли на территорию Тверской области, они чаще всего отвечают: «При Петре I» [см., напр., ОКР: 14]. Переселение шло в те же места, что и в середине XVII в. Так создавались очаги карельских поселений. Н. С. Воскресенская отмечает, что «они находились вблизи торговых путей, шедших из Московского государства в Карелию. Первый шел на Москву через Новгород, Валдай, Торжок. Второй соединял Карелию с притоками Северной Двины, проходя через Бежецк и Череповец» [Воскресенская 1997: 39].

Таким образом, массовое переселение карелов на тверские земли длилось на протяжении полутора веков. Они довольно компактно заселили значительную часть территории Тверской области [Головкин 2000: 9–15]. Отдельными островками были представлены лишь карельские поселения Зубцовского (держанские карелы)

и Осташковского (историками отмечается бывшее наличие в последнем четырех карельских деревень), а также Кашинского, Старицкого и Бежецкого уездов.

Быстрые темпы прироста населения региона говорят о том, что карелы достаточно комфортно чувствовали себя на новой родине. В 1859 г. в Верхневолжье насчитывалось более 93 тыс. карелов. В начале XX в. их численность стремительно увеличивалась. В «Списке карельских селений Московской области», составленном А. Н. Вершинским, говорится более чем о 150 тыс. карелов, проживающих в 1083 населенных пунктах (Максатихинский район – 29 тыс. чел., Толмачевский район – 27 тыс. чел., Рамешковский район – 25 тыс. чел., Лихославльский район – 23 тыс. чел., Весьегонский район – 13 тыс. чел., Спировский район – 11 тыс. чел. и др.) [Вершинский 1932]. Как отмечает исследователь истории тверской карельской письменности Л. Г. Громова, карельский язык конца XIX в. не испытывал сильного влияния со стороны русского языка. Это было обусловлено особым укладом жизни карелов на тверских землях, когда карельский язык оставался основным средством общения и выполнял все необходимые для жизни сообщества функции, кроме общения с властями и ведения торговли. Помимо этого, немаловажным является и тот факт, что после переселения в Россию верхневолжские карелы имели малое количество контактов с близкородственными языками, благодаря чему «язык тверских карелов сохранил архаичные черты древнего карельского диалекта» [Громова 2011: 127].

Первые тексты на тверском диалекте карельского языка (на кириллице) появились в XIX столетии: перевод «Евангелия от Матфея» (1820 г.) и рукописный перевод «Евангелия от Марка» Г. Е. Введенского и М. А. Золотинского, двуязычный букварь «Родное карельское» А. Толмачевской (1887 г.) [см. Gromova 2009: 136–138]. Стремительный рост населения в начале XX в. вызвал потребность в карельской письменности. Так в 1931 г. в Тверской Карелии был создан собственный литературный карельский язык на основе толмачевского диалекта. Работой над алфавитом на латинской графической основе занимались А. А. Милорадова, Н. А. Яковлев, В. И. Лыткин. На основе нового алфавита стали издаваться учебники, грамматики, словари. В феврале 1931 г. вышел

первый номер карелоязычной газеты «Kolhozoin puoleh», в 1935 г. увидела свет газета «Karielan toži». Одним из первых вышел учебник карельского языка для начальной школы в двух частях «Karielan kielen učebnikka» (1933, 1934), первая часть была подготовлена А. А. Милорадовой и П. П. Смирновым, вторая – А. А. Беляковым и Д. В. Бубрихом. В учебнике были зафиксированы основные нормы младописьменного языка. В общей сложности было издано более 100 книг [см. Gromova 2009: 138].

В июле 1937 г. вышло постановление об образовании Карельского национального округа. Одновременно, в силу политических причин, было решено вернуться к алфавиту на кириллической основе. За два года свет увидели еще 222 книги на карельском языке. Спрос на учебную карелоязычную литературу был высоким: с 1932 по 1938 гг. карельскому языку обучалось более 13 тыс. учеников в 181 школе области [Gromova 2009: 138].

В феврале 1939 г., спустя 20 месяцев после создания, Карельский национальный округ был ликвидирован, что сопровождалось многочисленными арестами активистов карельского движения [Орлов 1995: 476]. Начался период забвения тверских карелов, была уничтожена практически вся ранее изданная литература, карельский язык продолжал существовать лишь в устной форме в сельской местности.

Численность карелов начала резко сокращаться: к 1959 г. до 59 тыс., к 1989 г. до 23 тыс. [Головкин 2001: 225–226], к 2002 г. до 14 тыс. человек (прил. 2), причинами чего историки называют национальную политику, репрессии, последствия Советско-финской и Великой Отечественной войн, массовые вербовки тверских карелов в Карельскую АССР, а также на комсомольские стройки и поднятие целинных земель, индустриализацию, урбанизацию, внутренние миграции, разрушение системы сельских поселений, ассимиляционные процессы. М. М. Орлов отмечает, что значительную роль здесь сыграла также ликвидация в 1956 г. наиболее густонаселенных карелами Новокарельского района с центром в с. Толмачи и Козловского района с центром в с. Козлово [Орлов 1995: 476].

Следует отметить, что реальная ситуация несколько отличается от официальных данных. Так еще в 1990 г. доцент Тверского государственного университета В. А. Виноградов отмечал, что численность

карелов в Тверской области на тот момент составляла около 80 тыс. человек, т. е. почти в 4 раза больше официальной цифры [Virtaranta 1992: 12], т. е. по тем или иным понятным причинам карелы довольно часто записывались русскими. Этот факт нельзя не учитывать и при анализе данных последней переписи населения 2010 г., согласно которой в Тверской области проживает 7394 карела, карельским языком владеет 2455 человек, родным карельский язык считают 2750 человек. Основная часть тверских карелов сосредоточена в г. Твери (1119 чел.), Лихославльском (2462 чел.), Спировском (978 чел.), Рамешковском (903 чел.), Максатихинском (881 чел.) и Калининском (332 чел.) районах (прил. 3). По возрастным группам карельское население Тверской области делится следующим образом: 109 чел. моложе трудоспособного возраста, 3284 – трудоспособного возраста, 4001 – старше трудоспособного возраста. Средний возраст карелов, по данным на 2010 г., составил 59,5 лет [см. Итоги].

Приведенные цифры говорят сами за себя. Однако уже на протяжении 25 лет в Тверской области делается все возможное для сохранения карельского языка и культуры. Так в октябре 1990 г. в Твери состоялась учредительная конференция карельского народа, по итогам которой, с целью возрождения национальной культуры было создано областное «Общество культуры тверских карел» (с 1997 г. «Национально-культурная автономия»), основные усилия которого были направлены, в том числе, на возрождение карельской письменности на основе латинской графики. Началось издание учебных пособий (карельский букварь «Bukvari» М. М. Орлова в 1992 г., книга для чтения «Ağmaš šana» З. А. Туричевой в 1998 г., мультимедийный диск и книга Л. Г. Громовой «Aiga paissa i lugie karielakši» в 2000 и 2002 гг., пособие «Miun enžimäzet šada šanua karielakši» в 2013 г., созданное коллективом авторов) и художественной литературы. Было введено преподавание карельского языка в школах, для чего в Лихославльском педагогическом училище и в Тверском государственном университете была организована подготовка учителей карельского языка. С сентября 1996 г. раз стала выходить двуязычная газета «Karielan šana», на местных радио и телевидении появились передачи, посвященные карельскому языку и культуре (до 2005 г.) [см. Головкин 2000; Карелы в центре России 2009; Gromova 2009: 138; Tverin karjalaiset 2006].

На данный момент преподавание карельского языка ведется только в МОУ СОШ п. Козлово (Спировский район), имеются попытки создания «языкового гнезда». В г. Твери организованы пользующиеся популярностью курсы карельского языка для всех желающих. Проблемами сохранения и возрождения языка и культуры занимаются «Тверская региональная общественная организация национально-культурная автономия тверских карел», 11 районных автономий (Спировская, Лихославльская, Рамешковская, Максатихинская, Весьегонская, Зубцовская, Молоковская, Сонковская, Лесная, Сандовская, Тверская городская), а также молодежное отделение. Пропаганде карельского языка и культуры способствуют ежегодные фестивали, на которых выступают действующие в районах и в г. Твери фольклорные коллективы, а также карельские национальные праздники и мастер-классы. С развитием компьютерных технологий обширной площадкой для этого стал интернет. В социальных сетях функционирует несколько групп, объединяющих тверских карелов. Здесь есть возможность не просто общаться на родном языке, но и изучать его, знакомиться с карельским фольклором и литературой.

Тверские диалекты карельского языка

Тверские диалекты обнаруживают следующие фонетические, морфологические и лексические черты, позволяющие относить их к собственно карельскому наречию карельского языка¹, а не

¹ В процессе диалектного членения карельского языка принято использовать иерархию «наречие–диалект–говор», ставшую к концу XX в. доминирующей в прибалтийско-финском языкознании. Согласно данной иерархии, наречие – наиболее крупная единица диалектного членения языка, совокупность диалектов, объединенных общими признаками. Диалект (территориальный) – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной общностью. Диалект всегда противопоставлен другому диалекту или другим диалектам, объединяясь с ними целым рядом общих языковых черт. Территориальные диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике [ЛЭС 1998: 132–133]. Говор – наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населенных пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий. Говор – функционирующая языковая система, которая может отличаться от систем других говоров своеобразием фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических черт [ЛЭС 1998: 110–111].

ливвиковскому или людиковскому наречиям¹ (прил. 1), сформировавшимся в результате вепско-карельского контактирования:

- сохранение гласных *a, ä* на конце начальной формы имен с основой на *a, ä*, а также в падежных окончаниях партитива и эссива², напр., **с.к.:** *adra* ‘соха’, *päivä* ‘день’, *akka* ‘жена’, *akkana* эсс. ед. от *akka*, *ikkuna* ‘окно’; ср. **ливв.:** *adru*, *päivü*, *akku*, *akkannu*, *ikkun*; **люд.:** *adr* / *adre*, *päiv* / *päive*, *akk* / *akke*, *akkan* / *akkannu*, *ikkun* [см. Virtaranta 1972: 19–21; Атлас: к. 27–30, 116, 119];
- конечная огласовка показателей транслатива *-kši*, *-ksi*, напр., **с.к.:** *miukši* / *miuksi* транс. ед. от *mie* ‘я’; ср. **ливв.:** *minukse*; **люд.:** *minuks* [Беляков 1958: 58; Атлас: к. 120];
- использование окончаний 1 и 2 лица множественного числа *-mma* / *-mmä*, *-tta* / *-ttä* в глагольном словоизменении, напр., **с.к.:** *myö nämmä* ‘мы видим’; ср. **ливв.:** *myö näimmö*; **люд.:** *myö nägemme* / *nägem* [Атлас: к. 140];
- употребление вспомогательного отрицательного глагола императивных форм с начальным гласным *e*, напр., **с.к.:** *elä*, *elkyä* / *elkeä* / *elgyä* / *elgeä* / *elgiä*, *elkäh* / *elgäh*; ср. **ливв.:** *älä*, *älgä* / *älgeä*, *älgäh*, *älgäheze* [Атлас: к. 163];
- сохранение дифтонгов на *i* перед сочетаниями согласных *sk*, *šk*, *st*, *št*, напр., **с.к.:** *laiska* ‘ленивый’, *muista-* сильн. осн. от *muistua* ‘помнить’; ср. **ливв.:** *lašku*, *musta-* / *mušta-* [см. Virtaranta 1972: 21; Атлас: к. 36];
- отсутствие дифтонгов или трифтонгов на *i* на конце слова, напр., **с.к.:** *repo* / *rebo* ‘лиса’; ср. **ливв.:** *reboi*; **люд.:** *reboi* / *rebuoi* > *rebuo* [см. Атлас: к. 41]. Это касается и форм 3 лица единственного числа имперфекта изъявительного наклонения, напр., **с.к.:** *šano* / *sano* ‘он сказал’; ср. **ливв.:** *sanoi*; **люд.:** *sanoi* / *sanuoi* / *sanui* / *sanuo* [Атлас: к. 143];

¹ Согласно подсчетам К. Виика, процент отличий (по данным карт «Диалектологического атласа карельского языка») между собственно карельскими диалектами Карелии и тверскими диалектами составляет 44 % (61 % в случае с держанским диалектом), тогда как между ливвиковскими и людиковскими в сравнении с тверскими 75 % (78 %) и 83 % соответственно [Wiik 2004: 66–67].

² В держанском диалекте в ходе самостоятельного развития вследствие явления апокопы конечные гласные всех словоформ выпали, однако, наличие ранних фиксаций диалектной речи позволяет говорить об их былом наличии.

- наличие чередования смычно-взрывных, выступающих в третьем и последующих слогах слова, и смычно-взрывных, находящихся в глухой фонетической позиции, напр., **с.к.:** *emäntä / emändä : emännät* ‘хозяйка : хозяйки’, *petkelet : petel* ‘песты : пест’; ср. **ливв., люд.:** *emändy / emänd / emände : emändät, petkelet : petkel* [см. Turunen 1946: 25; Virtaranta 1972: 14–18; Атлас: к. 58–68; Новак 2014: 67–129];
- совпадение падежей адессива и аллатива (-lla / -llä, -la / -lä) и сохранение падежей инессива, элатива, аблатива. Напр., **с.к.:** *mečäššä / mečässä* инесс. ед. от *meččä* ‘лес’, *mečäštä / mečästä* элат. ед., *veičellä* адесс.-алл. ед. от *veičči* ‘нож’, *veičeltä / veičeldä* абл. ед.; **ливв., люд.:** *mečäs* инесс.-элат. ед.; **ливв.:** *veičel* адесс.-абл.-алл. ед.; **люд.:** *veičel* адесс.-абл. ед., *veičele* алл. ед. [см. Virtaranta 1972: 21–22; Атлас: к. 121, 123];
- употребление отличных форм личных местоимений, напр., **с.к.:** *miun* ген. ед. от *mie* ‘я’, *hiän / heän / heen* ‘он’; ср. **ливв., люд.:** *minun* ген. ед. от *minä, häin / häi / hän* [см. Атлас: к. 125–131];
- использование особых показателей имперфекта 1 и 2 лица множественного числа -ta / -mä, -ja / -jä, напр., **с.к.:** *šanoja / sanoja* ‘вы сказали’; ср. **ливв.:** *sanoitto*; **люд.:** *sanoitte / sanuutte / sanuitt*; [см. Зайков 2000: 60–80; Атлас: к. 144–146];
- отличия словарного состава [см. Атлас: к. 186–209], напр.:

с.к.	ливв.	люд.	перевод
<i>kirppu / kirpu</i>	<i>čond’žoi</i>	<i>čond’žoi, bloh</i>	‘блоха’
<i>hirši / hirzi / hirži</i>	<i>parzi</i>	<i>parzi / parz’</i>	‘бревно’
<i>ilta / ilda</i>	<i>ildu, ehty</i>	<i>eht</i>	‘вечер’
<i>ovi</i>	<i>uksi</i>	<i>uksi</i>	‘дверь’
<i>katto</i>	<i>levo</i>	<i>levo, kroul’, kroun’</i>	‘крыша’
<i>tadeh / tajeh / tuah</i>	<i>höštö</i>	<i>höste</i>	‘навоз’
<i>pentu / pendu</i>	<i>kud’žu</i>	<i>kud’žu</i>	‘щенок’
<i>vašen / vazen / važen</i>	<i>hura</i>	<i>hura</i>	‘левый’
<i>valehella / valahella</i>	<i>kielastua</i>	<i>kielastada, muan’itta</i>	‘лгать’
<i>malttua / maltua, ymmärtyä</i>	<i>ellendiä</i>	<i>elgeta, toimitada</i>	‘понимать’

Распространенное на довольно обширной территории собственно карельское наречие принято делить на северную группу, представленную ощутившими значительное влияние финского языка севернокарельскими и переходными диалектами, и южную группу, обнаруживающую уже некоторые субстратные черты, восходящие к вепсскому языку. Южнокарельская группа диалектов включает в себя диалекты Средней Карелии (маслозерский, мяндусельгский, паданский, поросозерский, ребольский, ругозерский, тунгудский, шуезерский), диалекты Приладожской Карелии (иломантсинский, корбисельгский, суйстамский, суоярвский) и периферийные диалекты центральной России (валдайский, тихвинский и тверские) (прил. 1).

К основным чертам, объединяющим южные собственно карельские диалекты карельского языка в одну группу, отличную от северной, относятся:

- наличие звонких смычно-взрывных согласных (*g, d, b*) и сибилантов (*z, ž*) [Virtaranta 1972: 8; Атлас: к. 72, 73];
- обильное употребление мягких согласных в положении перед переднерядными гласными [см. Атлас: к. 102–111].

К особенностям, характерным для восточных южнокарельских диалектов Карелии и периферийных диалектов, относится использование возвратных глаголов на *-te, -če* (*kumarduaten, kumarduačen* ‘я кланяюсь’, ср. *kumartavun, kumardavun* в остальных собственно карельских диалектах) [Атлас: к. 164, 168]¹. Группа периферийных диалектов (за исключением тихвинского) выделяется на фоне остальных южнокарельских употреблением на месте геминат кратких согласных *k, t, p, č* в положении после сонорных согласных и носовых (*čirpi* ‘серп’, ср. *čirppi*) [см. Атлас: к. 54–57], а группу тверских диалектов выделяет образование вторичных долгих гласных в главном ударном слоге в положении перед согласным *r*, являющимся слабоступенным альтернантом сочетаний согласных *rg, rd* (*hārgä : häärät* ‘бык : быки’, ср. *hārrät*) [Virtaranta 1972: 11–12; Атлас: к. 60].

¹ Согласно количественному анализу карт «Атласа» К. Виика, наиболее близкими к тверским карельским диалектам являются тунгудский, шуезерский, маслозерский, кемский и юшкозерский диалекты (33–37 % отличий) [Wiik 2004: 64].

Существует несколько классификаций тверских диалектов карельского языка. Традиционным для прибалтийско-финского языкознания является выделение трех диалектов: толмачевского (тлм.), весьегонского (всг.) и держанского (држ.). Такое диалектное членение, очевидно, основано на административно-территориальном делении начала XX в.

Говоры карельского языка населенных пунктов, располагавшихся на территориях Вышневолоцкого, Новоторжского и Бежецкого уездов, вошедших позже в большинстве своем в состав Карельского национального округа, составили основу толмачевского (лихославльского, козловского-рамешковского) диалекта. Своим основным названием диалект обязан с. Толмачи Лихославльского района, некогда являвшемуся районным центром Новокарельского района, самого густонаселенного карелами. В 1989 г. численность толмачевских карелов составляла более 22 тыс. чел. (Лихославльский район – 6993, Тверь и Калининский район – 5202, Максатихинский район – 3149, Рамешковский район – 2863, Спировский район – 2459) [Орлов 1995: 424]. По официальным данным на 2010 г. в Лихославльском районе проживало 2462 карела, Спировском – 978, Рамешковском – 903, Максатихинском – 881, Калининском и г. Твери – 1441.

На настоящий момент именно толмачевский диалект является самым распространенным и жизнеспособным из всех периферийных. Письменность тверских карелов изначально развивалась и по сей день развивается именно на его основе. Толмачевский диалект бытует на довольно обширной территории в центральной части Тверской области, что дает основание некоторым исследователям для разделения его на три диалекта: толмачевский, максатихинский и рамешковский. Количественный анализ тверской части карт «Диалектологического атласа карельского языка», произведенный К. Вииком, позволил выделить в толмачевском диалекте две группы говоров: северную и южную (17 % отличий)¹ [см. Wiik 2004: 51, 59], граница между которыми практически совпадает с границей между совр. Максатихинским и Спировским районами.

¹ Аналогичное среднее число отличий обнаруживают между собой отдельные диалекты ливвиковского наречия карельского языка [см. Wiik 2004: 71], выделяемые, однако, в самостоятельные.

Следует, однако, обратить внимание на то, что столь обширная территория все же не стала причиной диалектного многообразия языка. Так, исследователь тверских карельских диалектов А. В. Пунжина особо отмечает, что «толмачевский диалект выделяется значительной однородностью и широтой распространения лексики» [СКЯ 1994: 4]. В связи с этим в рамках настоящего исследования за основу взята именно традиционная классификация тверских диалектов карельского языка.

Бывший Весьегонский уезд объединил карельские говоры своей территории в одноименный диалект. Весьегонские карелы составляют незначительную часть от всех тверских (около 5 %). Существенную роль в сокращении их численности сыграло строительство в 30-е гг. XX в. Рыбинского водохранилища, что потребовало переселения 130 тыс. человек русскоязычного населения. Большая их часть с территории затопления была переселена в Весьегонский район, что, в свою очередь, не могло не отразиться на карельском населении данной территории. По данным 1982 г., в Весьегонском районе проживало около 500 карелов, однако, согласно Т. Кукку, их численность достигала 3 тыс. человек [Kukk 1989: 9]. Данные переписи населения 1989 г. говорят о 240 весьегонских карелах, в то время как по официальным данным на 2010 г. их численность составила менее ста человек. Полевые данные 2004 г. позволили исследователю А. А. Булкину говорить более чем о 800 весьегонских карелах, из которых десятая часть являются носителями карельского языка [см. Булкин 2005].

Сегодня весьегонские карелы проживают на северо-востоке Тверской области: в Весьегонском районе и на прилегающих территориях Краснохолмского, Молоковского и Сандовского районов, в нескольких десятках километров от толмачевских карелов. Эстонский исследователь весьегонского диалекта Кукк отмечает, что с точки зрения языка, весьегонский диалект довольно однороден. Однако есть отличия между западными и восточными весьегонскими говорами на уровне фонетики и лексики [см. Kukk 1989: 9], что подтверждают также результаты исследования К. Виика (20 % отличий) [см. Wiik 2004: 58–59].

Исследователями неоднократно отмечалась безусловная близость толмачевского и весьегонского диалектов. Согласно подсчетам,

соседствующие группы западных весьегонских говоров и северных толмачевских обнаруживают в среднем лишь 17 % отличий. Максимальный же процент отличий между отдельно взятыми говорами толмачевского и весьегонского диалектов составил 30 %. Говор держанского диалекта, представленный на картах «Атласа», в свою очередь, значительно выделяется на фоне всех остальных (более 41 % отличий) [Wiik 2004: 56, 59].

На территории бывшего Зубцовского уезда, ныне Зубцовского района (юго-запад Тверской области) в нескольких деревнях вдоль р. Держи вплоть до начала XXI в. можно было встретить носителей держанского (зубцовского, погореловского) карельского диалекта. Довольно однородный держанский диалект значительно отличается от двух других тверских карельских диалектов. Очевидно, это связано с историей его формирования.

Зубцовские деревни отсутствуют в списке деревень, заселенных карелами в первой половине XVII в., а также на картах расселения беженцев в XVII в., приводимых историками, но указаны в списке Д. Рихтера за 1873 г. [Головкин 2001: 228–250]. Исследователь А. В. Пунжина отмечает, что удаленное от остальных диалектов расположение не могло не сыграть своей роли. Ассимилятивные процессы нарастали в военные и послевоенные годы [СКГ 2001: 5].

В начале XX в. в девяти деревнях близ р. Держи насчитывалось около двух тысяч карелов, по приблизительным подсчетам финно-угроведа Ю. С. Елисеева, в 1957 г. их численность составляла 500 человек, согласно официальным итогам переписи 1989 г., в Зубцовском районе проживало 60 карелов. По данным, приведенным А. В. Пунжиной, в начале XXI в. число говорящих на держанском диалекте сократилось до 30 человек [СКЯ 1994: 4]. На данный момент диалект является исчезнувшим.

Развитие междиалектных отличий в тверских диалектах карельского языка может быть связано с двумя процессами. Во-первых, речь идет о сохранении современными тверскими карельскими говорами диалектных особенностей древнекарельского языка, т. е. переселенцы карелы принесли, сохранили и развили на новой территории один из диалектов древнекарельского языка, обладающий определенными особенностями.

Во-вторых, конечно, нельзя оставить без внимания существенное влияние на тверские диалекты карельского языка местных говоров русского языка, вызванное условиями многовекового экономического и культурного взаимодействия карельского и русского населения региона. Влияние русского языка ощутимо на всех уровнях языка. В карельский язык пришло огромное число русских заимствований, посредством которых русский язык существенно повлиял на фонетическую систему карельских диалектов. Наиболее устойчивая к влияниям извне морфологическая система также не осталась в стороне. В. Е. Злобина выделяет следующие существенные изменения, произошедшие в тверских карельских говорах в результате влияния грамматических моделей русского языка: нейтрализация оппозиции личных местоимений 3-го лица (*hiän* / *še*), выражающих человека / нечеловека; нейтрализация оппозиции глагольных форм прошедшего времени и распространение имперфекта на всю область его значений; тенденция к употреблению аналитической формы превосходной степени сравнения (*suamoi šuwri* ‘самый большой’); замена безличных конструкций личными предложениями (*piä kivistāw* ‘голова болит’); пропуск вспомогательного глагола *olla* в конструкциях с настоящим временем; утрата категории сложных и составных числительных; нарушение системы деления послелогов на генитивные и партитивные и пр. [см. Злобина 1967: 9–10; Злобина 1971: 31–37].

История исследования фонетической системы тверских диалектов карельского языка

Фиксация и планомерное изучение языка тверских карелов было начато силами финляндских исследователей во второй половине XIX в. Первым в 1848 г. тверские карельские земли посетил фольклорист Даниель Европеус. Летом 1882 г. в Тверской Карелии работал Теодор Швиндт. Во время экспедиции, длившейся около месяца, он занимался сбором лексики толмачевского диалекта (около 5 тыс. слов). В 1895 г. продолжительную экспедицию в Тверскую Карелию предприняли исследователи К. Ф. Карьялайнен и Виктори Алава. Они также занимались сбором лексики и образцов карельской речи на толмачевском и весьегонском диалектах (10 тыс. слов). По результатам работы Карьялайненым была опубликована статья «Muistelmia

Tverin Karjalasta» (1897). Летом 1912 г. в карельских деревнях на Держе побывал Юхо Куйола. В 1913 г. им была предпринята поездка к весьегонским и толмачевским карелам (собрано около 15 тыс. слов) [см. KKS 1968: XV–XXIV]. Частично материал, собранный Алава и Куйола, был опубликован в изданиях «Suomen kansan vanhat runot. II. Aunuksen, Tverin ja Novgorodin karjalan runot» (1927) и «Karjalan kielen näytteitä. I. Tverin ja Novgorodin karjalaa» (1932).

В военные и послевоенные годы интерес к тверскому наречию карельского языка в Финляндии не уменьшился. Сбором материала в лагере для военнопленных в Савонлинна в 1941–1942 гг. занимался Аарни Пенттиля, большое число слов и текстов было записано им от тверских карелов [KKS 1968: LXII].

Советско-финляндское сотрудничество, начало которому было положено в 1955 г., вновь позволило ученым финно-угроведам из Финляндии совершать исследовательские поездки на территорию Советского Союза. Языковед Пертти Виртаранта и его супруга Хельми, начиная с 1957 по 1995 г., предприняли семь поездок к тверским карелам (более 200 часов записей). Итогом работы П. Виртаранта в Тверской Карелии стали его работы «Tverin kariaalaisten entistä elämää» (1961), «Kauas läksit karjalainen» (1986), «Karjalan kieltä ja kansankulttuuria» (1990), «Tverin karjalaisista nimistä» (1992), «Kynällä kylmällä – Kädellä lämpimällä» (1993) и другие издания, а также многочисленные статьи.

Собранный исследователями из Финляндии в XIX–XX вв. лексический материал вошел в шеститомный словарь карельского языка [KKS 1968–2005]. Картотека Научно-исследовательского центра языков Финляндии (KOTUS) содержит более 30 тыс. слов (5 %), зафиксированных в разных районах Тверской области, по большей части, относящихся к толмачевскому диалекту, а также копии более чем 3 тыс. карточек Т. Кукка по весьегонскому диалекту. Аудиозаписи образцов тверского диалекта карельского языка составляют 300 часов. Большое количество материала по тверскому наречию карельского языка хранится также в Университете Восточной Финляндии (г. Йюэнсуу) [Йоки 2011: 81–84].

Советские лингвисты обратились к языку тверских карелов в первой половине XX в. В 1930-е гг. сбором карельского лексического материала занималась кафедра языка и литературы Калининского

педагогического института. Огромный вклад в изучение диалектов карельского языка, в том числе и тверских, внесла работа по сбору материала для диалектологического атласа под руководством Д. В. Бубриха, начавшаяся в довоенные годы и завершившаяся в 1997 г. выходом в свет «Диалектологического атласа карельского языка». В процессе работы исследователями были заполнены программы по собиранию диалектного материала в 36 карельских населенных пунктах Тверской области, уточненные и обработанные А. В. Пунжиной. Проведенная работа позволила получить достаточно полное представление о фонетической, грамматической и лексической системах карельских диалектов региона, подтвердить наличие здесь трех диалектов карельского языка, а также определить их границы.

Начиная с 1957 г., ежегодно организовывались лингвистические экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР под руководством научного сотрудника сектора языкознания Г. Н. Макарова, в том числе и в рамках работы над атласом. Во время этих экспедиций было записано около 2,5 тыс. страниц рукописных текстов, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН, более 30 часов магнитофонных записей (Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН), большая часть которых нуждается в расшифровке [ОКР 1963: 4]. По результатам проведенной работы в 1963 г. вышел сборник текстов «Образцы карельской речи: Калининские говоры». Тексты на всех трех тверских диалектах даны в нем в фонематической транскрипции. Часть из них записана носителями диалектов, остальные же расшифровки были дополнительно ими перепроверены, что позволяет говорить о точности фиксации фонетических особенностей речи и делает сборник центральным материалом для описания фонетической структуры тверского наречия карельского языка.

Одновременно велась работа над исследованием отдельных тверских диалектов. А. А. Беляков в кандидатской диссертации «Современный карельский диалект села Толмачи» (1946), а также в работах «Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской области» (1947), «Грамматика карельского языка: Калининское наречие собственно-карельского языка» (1948), с привлечением большого числа примеров, описал фонетическую и грамматическую

системы толмачевского диалекта карельского языка. В «Очерке весьегонского говора собственно-карельского диалекта карельского языка» (1964) К. В. Маньжиным были детально рассмотрены восточные весьегонские говоры. Кроме того, являясь носителем весьегонского диалекта, он, начиная с 30-х гг. XX в., делал записи относительно фонетики и грамматики родного языка (записи хранятся в научных архивах в г. Петрозаводске и Эстонии).

Результаты исследовательской работы А. В. Пунжиной по тверским карельским диалектам были обобщены в диссертации «Именные категории в калининских говорах карельского языка» (1977), «Словаре карельского языка: Тверские говоры» (1994), а также серии статей. Кроме того, А. В. Пунжиной выполнены ценнейшие расшифровки образцов речи всех трех тверских карельских диалектов. Часть из них опубликована в сборниках «Näytteitä karjalan kielestä» (1994), «Слушаю карельский говор» (2001), «Культура повседневности карельской семьи» (2014) и др. Несколько десятков часов, нуждающихся в расшифровке магнитофонных записей, сделанных Пунжиной и хранящихся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, ожидают своего времени.

П. Палмеос описала фонетическую и грамматическую системы держанского диалекта («Über den Vokalismus der zubcover Mundart des Karelischen» (1966), «Astmevaheldus Karjala Djorža murrakus» (1973–1974)). Я. Ыйспуу, занимавшийся исследованием именного и глагольного словоизменения в карельских диалектах центральной России, также привлек обширный держанский материал. Итогом его работы в держанских деревнях стал сборник текстов «Djorža karjala tekstid» (1990) и работа «Djorža karjala vormisõnastik» (1995).

Эстонский исследователь Т. Кукк обратился к исследованию лексического, морфологического и синтаксического языковых уровней весьегонского диалекта карельского языка, будучи аспирантом, в 1983 г. На протяжении нескольких лет (1983–1989 гг.) он занимался сбором полевого материала в весьегонских деревнях (обследовано около 40 деревень). Во введении к работе «Vesjegonskin karjalaisten tšastuškoja» исследователь описывает основные фонетические отличия между восточными и западными весьегонскими говорами (представительство исторически долгого

aa, дистрибуция свистящих и шипящих), отмечая при этом единство диалекта. Также Кукк останавливается на изменениях, которые произошли в большей степени в фонетической, лексической и синтаксической, и в меньшей – в морфологической и словообразовательных системах диалекта, в результате влияния русского языка [Kukk 1989: 1–16]. Кроме того, с 1984 по 1990 гг. вышли в свет записанные им образцы речи весьегонского диалекта карельского языка «Näiteid karjala keele Vesjegonski murrakust I, II, III, IV» (1984, 1986, 1989, 1990).

В 2001–2002 гг. для группы студентов Тверского государственного университета филологического факультета по специализации «Родной карельский язык и литература» Л. Г. Громовой были подготовлены курсы лекций: «Фонетика карельского языка: тверской диалект» и «Морфология тверского диалекта карельского языка».

Современная ситуация, связанная со стремительным сокращением численности карельского населения региона, а также потребностями образования, диктует необходимость в проведении исследования, посвященного сравнительному анализу фонетической системы тверских диалектов карельского языка, которое объединило бы имеющийся опыт, материал, недавно введенный в оборот, а также новейшие лингвистические данные, что впоследствии позволило бы выработать нормы для развивающегося новописьменного языка, основанного на тверских карельских диалектах.

ГЛАВА 1

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ТВЕРСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Единицей звукового строя языка, с которой предстоит иметь дело в настоящем исследовании, является фонема, выделение которой осуществляется в процессе изучения ее позиций и оппозиций. Фонемы в системе языка находятся в отношениях оппозиции друг с другом. Основным типом фонемных оппозиций является корреляция, т. е. противопоставление по одному основанию, например, корреляция по глухости – звонкости [см. ЛЭС: 552, 556]. Одной фонеме могут соответствовать несколько различных реализаций, называемых аллофонами [ЛЭС: 553].

Фонемы подразделяются на два класса, выделяемые на основе их артикуляторных свойств: гласные, образующиеся с участием голоса и при отсутствии какой-либо преграды, и согласные, в процессе фонации которых обязательным является наличие преграды. Совокупность гласных в языке носит название вокализм, а совокупность согласных – консонантизм¹.

1.1. Вокализм

Гласные – чисто тональные, голосовые звуки, образуемые настолько свободным проходом воздуха, что возможный при их произнесении слабый шум не воспринимается слухом как характерный их признак [Ахманова 2007: 107]. Основными фонетическими функциями гласных являются слогообразование и организация звуковой целостности слога и слова. Выступая в роли слогообра-

¹ Описание фонетической системы тверских диалектов карельского языка основано на ряде исследований прошлого столетия (Беляков 1947; Беляков 1948; Маньжин 1964; Palmeos 1966; Õispuu 1988; Атлас 1997) с привлечением новых данных, полученных из образцов карельской речи, диалектных словарей и заполненных программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка (Программа), хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН, а также записанном автором полевом материале.

зующего элемента, гласный как бы подчиняет себе соседние согласные, поскольку артикуляторная реализация согласного существенно зависит от качества гласного в слоге [ЛЭС: 106].

Артикуляционная классификация гласных карельского языка строится на следующих признаках: степень подъема языка, степень его продвинутости, положение губ. Не меньшее значение имеют также просодические характеристики гласных. В карельском языке фонематично противопоставление однородности артикуляции – монофтонги, дифтонги, трифтонги, а также противопоставление по длительности – долгие и краткие гласные, которое, однако, практически утратило свою значимость в тверских карельских диалектах в процессе их самостоятельного развития.

1.1.1. Краткие гласные

По степени подъема, т. е. степени приподнятости той или другой части языка, придающей гласным открытый или закрытый характер [Ахманова 2007: 332], в карельском языке принято различать: гласные верхнего подъема, характеризующиеся большей приподнятостью соответствующей части языка и закрытым характером гласного; гласные нижнего подъема, образующиеся при минимальной приподнятости соответствующей части языка (открытый характер гласного); гласные среднего подъема, при артикуляции которых соответствующая часть языка приподнята меньше, чем при фонации гласных верхнего подъема, но больше, чем при фонации гласных нижнего подъема.

По месту образования звука, т. е. зоне ротового резонатора, где происходит поднятие соответствующей части языка при произнесении гласного [Ахманова 2007: 393], выделяют гласные заднего ряда, при фонации которых место подъема отодвинуто назад; гласные переднего ряда, при произнесении которых более приподнята средняя часть спинки; гласные среднего (смешанного) ряда, при фонации которых происходит подъем той части языка, которая находится между точками подъема при произнесении передне- и заднерядных гласных.

По положению губ, т. е. их огубленности / неогубленности, гласные классифицируют на лабиализованные гласные, при фонации которых губы вытягиваются вперед и округляются, и

нелабиализованные гласные, в артикуляции которых губы активного участия не принимают.

Инвентарь гласных фонем тверских диалектов карельского языка представлен следующим образом: *a, o, u, ä, ö, y, e, i*.

Таблица 1

Система гласных фонем тверских диалектов карельского языка

По подъёму \ По ряду	Переднего ряда		Среднего ряда	Заднего ряда	
	нелаб.	лаб.	нелаб.	нелаб.	лаб.
Верхнего подъёма	і	у	[ɪ]		u
Среднего подъёма	е	ё	[e]		o
Нижнего подъёма	ä			a	

Все краткие гласные карельского языка могут выступать в начале, середине, а также на конце слова.

Напр., **пвс.**¹: *a: alan'e / alan'* (држ.) 'рукавица'², *hamara / hamar* (држ.) 'обух', *hammaš* 'зуб', *kakkara / kakkar* (држ.) 'блин', *kala / kal* (држ.) 'рыба', *pala / pal* (држ.) 'кусок', *šana / šan* (држ.) 'слово';

¹ Сокращение **пвс.** – повсеместный, используется для обозначения примеров, характеризующих все три тверских диалекта карельского языка, основные фонетические особенности весьегонского и держанского диалектов даются после знака / с указанием диалекта в скобках. Примеры, иллюстрирующие отдельные диалекты, приводятся после сокращений тлм., всг., држ. (толмачевский, весьегонский, держанский соответственно), говоры не помечаются. Наличие отличительных фонетических явлений на уровне говоров констатируется в основном тексте работы (с указанием говоров), в примерах же такие случаи в основном отделяются знаком /.

² Источники примеров в каждом отдельном случае не указываются. Примеры собраны из сборников образцов карельской речи: Образцы карельской речи: Калининские говоры. М.; Л., 1963 (всг., тлм., држ.); *Karjalan kielen näytettä I*. Helsinki, 1932; *Lähisukukielten lukemisto*. Helsinki, 1967 (тлм.); *Õispuu J. Džorža karjala tekstid*. Tallinn, 1990 (држ.); *Näytteitä karjalan kielestä*. I. Joensuu – Петрозаводск, 1994 (всг., држ.); *Слушаю карельский говор*. Петрозаводск, 2001 (држ.); *Расшифровки экспедиционных материалов А. В. Пунжиной 1966–1973 гг. по Тверской Карелии // Культура повседневности карельской семьи*. Петрозаводск, 2014 (тлм., всг.); *расшифровок магнитофонных записей речи тверских карелов, выполненных автором* (тлм., всг., држ.); *заполненных «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка»* (тлм., всг., држ.), *диалектных словарей карельского языка*: *Словарь карельского языка: Тверские говоры*. Петрозаводск, 1994 (тлм., всг.); *Õispuu J. Džorža karjala vormisõnastik*. Tallin, 1995 (држ.); а также непосредственно в ходе полевой работы автора исследования в период с 2010 по 2016 гг. (тлм., всг.).

o: *kolme* / *kolm* (држ.) ‘три’, *košton’e* / *košton* ‘полотно’ (дим.), *olgi* / *olg* (држ.) ‘солома’;

u: *gul’un’e* / *gulun* ‘голубь’ (дим.), *huttu* / *hutt* (држ.) ‘каша’, *mur* / *mur* (држ.) ‘крошка’, *ukko* / *ukk* (држ.) ‘старик’;

ä: *hädä* / *häd* (држ.) ‘беда’, *kägärä* / *kägär* (држ.) ‘комок навоза’, *nämä* / *näm* (држ.) ‘эти’, *päivä* / *päiv* (држ.) ‘день’, *tämä* / *täm* (држ.) ‘этот’, *ägie* / *ägi* (држ.) ‘жарко’;

ö: *löttö* / *löt’t* (држ.) ‘лягушка’, *möwkkü* / *möwk* (држ.) ‘круглый хлеб’;

y: *hyvyš* ‘добро’, *kynnyš* ‘порог’, *kyly* / *kyl* (држ.) ‘баня’, *šyl’i* / *šyl’i* (всг.) / *šyl* (држ.) ‘сажень’, *yks’i* / *yks* (држ.) ‘один’;

e: *eččie* / *ečči* (држ.) ‘искать’, *ed’embi* / *ed’emb* (држ.) ‘дальше’, *herneh* / *hern’eh* ‘горох’, *n’ed’el’i* / *n’ed’el* (држ.) ‘неделя’, *pereh* / *per’eh* ‘семья’;

i: *iče* / *ič* (држ.) ‘сам’, *kir’ikkö* / *kir’ikk* (држ.) ‘церковь’, *kivi* / *kiw* (држ.) ‘камень’, *l’ibie* / *l’ibi* (држ.) ‘скользящий’, *ris’t’i* / *r’is’t’i* / *ris’t’i* (држ.) ‘крест’.

Гласные *i*, *e* представлены аллофонами переднего [*i*], [*e*] и среднего рядов [*ĩ*], [*ẽ*], к разным фонемам их отнести нельзя, поскольку в начале слова они не противопоставлены и не обладают смысловоразличительным значением. Гласные аллофоны среднего ряда [*ĩ*] [*ẽ*] выступают как в исконной лексике, так и в заимствованиях, в основном в словах заднерядной огласовки в позиции после переднеязычных согласных и согласного *v*¹. Напр., **пвс.**: *ližat* ‘лыжи’, *sirnoi* ‘сырный’, *tuldih* ‘они пришли’, *rikkuo* ‘портиться’, *briha* / *brih* (држ.) ‘парень’, *rebo* / *reb* (држ.) ‘лиса’, *šuoñet* ‘сосуды’, *vuate* / *viate* (всг.) / *vuateh* (држ.) ‘одежда’.

1.1.2. Лабиализация гласных

Для всех диалектов карельского языка характерно наличие лабиализованных гласных *o*, *ö*, *u*, *y*. Кроме того, собственно карельскому наречию свойственно явление лабиализации отдельных гласных, выступающих в определенной позиции.

Лабиализация – артикуляция звуков речи, сопровождаемая округлением вытянутых вперед губ [ЛЭС: 250].

¹ Более детально случаи употребления переднерядных и среднерядных аллофонов гласных *e*, *i* рассмотрены в разделе «Палатализация».

Лабиализация гласных *i*, *e* в карельских диалектах, как правило, вызвана влиянием находящегося непосредственно в положении после гласного или на удалении лабиализованного гласного или согласного. Так, например, в лексемах *kewhä* / *keyhä* ‘бедный’, в ряде говоров толмачевского и весьегонского диалектов (преимущественно в зоне вибрации) гласный *e* оказался подвержен лабиализации в результате влияния соседнего компонента (*köwhä* / *köyhä*, *kevh* в держанском диалекта) (прил. 5). Аналогичным образом лабиализация затрагивает гласный *i*, выступающий в соответствующей позиции, напр., *l’iwheš* / *lywheš* ‘сноп’. То же касается и встречающегося в тверских диалектах перехода *i* > *y*, произошедшего под влиянием гласного *y* второго слога (напр., тлм., всг.: *pizyö* / *pyzyö* ‘держаться’; држ.: *pizy*). Подобного рода случаи типичны и для других прибалтийско-финских языков. М. Рапола отмечает, что лабиализация естественна с точки зрения фонологии и могла произойти в каждом из них самостоятельно [Rapola 1966: 346].

В собственно карельских диалектах в безударных слогах лабиализация затрагивает гласные *i*, *e*, выступающие в положении перед губными согласными, начинающими следующий слог. Лабиализация происходит в процессе словоизменения. Это касается, в первую очередь, образования форм 3 лица единственного числа презенса индикатива глаголов с гласной основой на *e* в результате влияния фонетической структуры показателя, восходящего к праязыковому **-βi* (**βi* > *vi* > *v* > *w* > *u*) [см. Зайков 2000: 50–51]. Напр., пвс.: *tulow* / *tulou* от *tulla* / *tull* (држ.) ‘приходить’, *mänöw* / *mänöu* от *männä* / *männ* (држ.) ‘идти’, *it’kōw* от *it’kie* / *it’ki* (држ.) ‘плакать’. Аналогичным образом явление представлено во всех наречиях и диалектах карельского языка [см. Атлас: к. 139], а также в диалектах финского языка, ижорском и вепсском языках [Лаанест 1966: 80; ОФУЯ 1975: 44]. Очевидно, в данном случае лабиализация является достаточно древним явлением, более древним, чем вокализация согласного компонента показателя [Rapola 1966: 402].

В большей части диалектов собственно карельского наречия, но не в весьегонском и держанском, лабиализации также подвержен гласный *e*, выступающий перед показателем третьего инфинитива [см. Атлас: к. 32] (см. прил. 6). Напр., тлм.: *lugomah* / *lugemah* 3 инф. илл. от *lugie* ‘читать’, *mänömäh* / *mänemäh* 3 инф. илл. от

männä ‘идти’; **всг.**, **држ.**: *lugemah, mänemäh*. Лабиализация в данной позиции свойственна также восточным диалектам финского языка и ижорскому языку [см. Rapola 1966: 404].

Подвергшиеся лабиализации гласные *i, e* представлены в лексемах, образованных при помощи словообразовательных показателей *-va, -vä, -ma, -mä*. В тверских диалектах карельского языка явление представлено неравномерно [см. Атлас: к. 33–35]. Составленные на основе «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» карты, показывают, что лабиализация затрагивает, главным образом, южную группу говоров толмачевского диалекта, в меньшей степени она представлена в его северной группе (прил. 7). В держанском диалекте чаще всего гласный отсутствует, что является результатом синкопы, но встречаются и примеры с гласными, в том числе, подверженными лабиализации. Напр., **тлм.**, **всг.**: *vägövä / vägevä* ‘сильный’, *lähtömä / läht'imä / läht'emä* ‘телка’, *lämbymät / lämbimät* ‘теплые’; **држ.**: *vägöw, läht'em, lämbymät*.

Карты «Диалектологического атласа карельского языка» демонстрируют, что лабиализация свойственна лишь диалектам собственно карельского наречия, в то время как в ливвиковском и людиковском наречиях сохраняются гласные *i, e* (кроме случаев образования форм 3 л. ед. през. инд. глаголов). Кроме того, лабиализации оказались подвержены гласные в восточных диалектах финского языка, ижорском языке и южновепском диалекте, что свидетельствует о древнекарельских корнях явления [см. Rapola 1966: 404; ОФУЯ 1975: 44; Лаанест 1966: 81]. Отсутствие лабиализации в южных наречиях карельского языка можно объяснить влиянием северных диалектов древневепского языка в период их формирования. Отсутствие же фонетического изменения в отдельных южнокарельских диалектах и говорах собственно карельского наречия, очевидно, является результатом позднего влияния соседних ливвиковских и людиковских диалектов [см. Атлас: к. 32–35].

1.1.3. Долгие гласные

Долгие гласные – гласные, характеризующиеся большей длительностью по сравнению с другими гласными [ЛЭС: 106]. В прибалтийско-финских языках долгота является фонематическим признаком гласного, по которому он противопоставлен соответствующему краткому.

Для большинства диалектов карельского языка характерно наличие долгих гласных верхнего подъема (*ии*, *уу*, *ii*¹), восходящих к соответствующим прибалтийско-финским долгим гласным первого слога или возникших в результате стяжения. Однако в большей части говоров тверских карельских диалектов произошло изменение качества второго компонента исторически долгих гласных *ии*, *уу* (утрата ударения, сближение артикулирующих органов при его фонации). Неслоговой характер второго компонента привел к образованию нисходящих дифтонгов. В большинстве говоров второй компонент изначально долгих гласных перешел в аппроксимант *w* (полугласный согласный, занимающий срединное положение между согласными и гласными), а в некоторых говорах можно отметить использование на его месте согласного *v*.

Поскольку разницу между долгими гласными и дифтонгами с полугласным компонентом в данном случае зачастую уловить довольно сложно, на что обращают внимание многие исследователи карельского языка, в образцах речи подобные случаи унифицированы в пользу одного из вариантов. В «Диалектологическом атласе карельского языка» этому фонетическому моменту отдельное внимание не уделяется, однако, собиратели тверского диалектного материала в программах-вопросниках для атласа старались отмечать случаи изменения качества долгого гласного². Анализ материала показал, что отдельные группы весьегонских (напр., Мосеевское) и толмачевских (напр., Толмачи, Пасынки, Алешино, Никольское, Спирово, Карельский Городок и др.) говоров сохранили долгие гласные *ии*, *уу*. Провести изоглоссы рассматриваемого фонетического явления в этих диалектах невозможно, так как ситуация меняется от одного населенного пункта к другому, что наглядно

¹ В исследованиях и образцах речи диалектов карельского языка используются разные способы обозначения долготы гласных. Довольно часто долгие гласные обозначают знаком макрона над гласным, напр., *ī*, *ā*, такое обозначение принято в уральском фонетическом алфавите. Распространенным является и обозначение долготы гласного двумя одинаковыми символами, напр., *ии*, *аа*. В рамках настоящего исследования используется именно этот способ.

² Неслоговой характер второго компонента исторически долгих гласных *ии*, *уу* обозначается несколькими способами: использование полугласного согласного *w* (*iw*, *uw*), использование символа «шапочка» под буквой (*иц*), использование символа «чашечка» над буквой (*уѳ*). В настоящей работе используется наиболее распространенный первый вариант.

представлено на карте (прил. 8), а зачастую и от идиолекта к идиолекту. Лишь относительно держанского диалекта исследователями единогласно отмечается наличие в нем нисходящих дифтонгов на месте долгих гласных *uu*, *уу* [Palmeos 1966: 2]. Напр., *huwlet* / *huulet* ‘губы’, *kuwdoma* / *kuudoma* / *kuwdom* (држ.) ‘луна’, *kuwnnella* / *kuunnella* / *kuwnnell* (држ.) ‘слушаться’, *kuwži* / *kuuži* / *kuwž* (држ.) ‘шесть’, *luw* / *luu* ‘кость’, *luwkka* / *luwkku* / *luukka* / *luwk* (држ.) ‘лук’, *pluwga* / *pluuga* / *pluwg* (држ.) ‘плуг’, *puw* / *puu* ‘дерево’, *tuwldua* / *tuwldja* (всг.) / *tuwldu* (држ.) ‘веять’, *uwži* / *uuži* / *uwž* (држ.) ‘новый’, *kywn’el* / *kuyn’el* ‘слеза’, *pyw* / *pyu* ‘рябчик’, *tywn’i* / *tywn* (држ.) ‘тихий’.

Исследователь толмачевского диалекта карельского языка А. А. Беляков считает появление в тверских карельских диалектах полугласного *w* в качестве второго компонента первоначально долгих гласных и некоторых нисходящих дифтонгов молодым явлением, вызванным результатом фонетического сближения с русским языком [Беляков 1949: 71–72], поскольку для русского языка наличие долгих гласных не свойственно. Это предположение подтверждается фонетическими особенностями среднерусских говоров русского языка, обнаруживающих полугласный согласный в аналогичной позиции, напр., пра[w]да, ла[w]ка [см. ОСНИСГ 1970: 34], а также сохранением долгих гласных в отдельных тверских карельских говорах. Не исключено, что явление могло развиваться в карельском языке самостоятельно, что вполне закономерно. Подобного рода тенденция ослабления второго компонента долгого гласного отмечается исследователями и в других карельских диалектах, а также в восточных диалектах финского языка, для которых свойственна обильная дифтонгизация [см. Rapola 1966: 369], однако, в тверских диалектах, подверженных сильному влиянию со стороны русского языка, эта тенденция усилилась, что привело к образованию дифтонгов.

Тот факт, что полугласный *w* не выступает в качестве самостоятельного звука и не выполняет смыслоразличительной функции, правомерно позволяет относить его к аллофонам фонем *и*, *у*. Однако фонетические различия между полугласным и гласными *и*, *у* заметны и воспринимаются на слух, к тому же, отдельным толмачевским и весьегонским говорам свойственно сохранение гласных

звуков в интересующей позиции. Кроме того, работа с аудиозаписями показала, что иногда в речи одного информанта присутствуют оба варианта фонетического оформления изначально долгих гласных и дифтонгов на *и*, *у*. В связи с этим в настоящем описании предлагается обозначать полугласный *w*, с целью максимально точной передачи фонетических особенностей диалектной речи.

Прибалтийско-финский долгий гласный *ii* первого слога перешел в нисходящий дифтонг с полугласным замыкающим компонентом *[ij]* [см. Беляков 1949: 69–70; Маньжин 1964: 5; Palmeos 1966: 2], в редких случаях можно встретить примеры сохранения долгого гласного, однако, следует отметить, что разница между ними едва уловима¹. Напр. **пвс.**: *h[ij]l'i* / *h[ij]l'* (држ.) 'уголь', *h[ij]r'i* / *h[ij]r'* (држ.) 'мышь', *l'[ij]na* / *l'[ij]n* (држ.) 'конопля', *n'[ij]tän* 'я кошу', *p[ij]rua* / *p[ij]ru* (држ.) 'пирог', *v[ij]z'i* / *v[ij]z'* 'пять'; **тлм.**, **всг.**: *[ii]n'igän'e* 'вековечный', *k[ii]reh* / *k[ij]reh* 'спешка', *p[ii]* 'зубец', *r[ii]hi* / *r[ij]hi* 'рига', *r[ii]da* 'ссора', *s'[ii]z'ima* / *s'[ij]z'ma* 'сковородник', *ž[ii]vatta* / *ž[ij]vatta* 'скотина'.

Далее первого слога наличие долгого гласного *ii* невозможно. Напр., **пвс.**: *tul'[ij]s* 'он бы пришел', *laps[ij]nke* 'с детьми'; **тлм.**, **всг.**: *om[ij]lla šil'm[ij]llä* / *om[ij]lla sil'm[ij]llä* 'своими глазами'.

Рассмотренные изменения, произошедшие в системе исторически долгих гласных, привели к практически полному отсутствию противопоставления категорий краткий / долгий гласный в тверских карельских диалектах.

В говорах всех тверских диалектов (напр., Пасынки, Морозовка, Толмачи, Пальцево, Поцеп, Новое и др.)² встречаются случаи употребления вторичных долгих гласных *aa*, *oo*, *uu*, *ää*, *öö*, *уу*, *ее*, *ii*, возникших в результате качественной альтернации согласных, а

¹ В анализируемых диалектных источниках особое обозначение дифтонга, восходящего к долгому гласному *ii*, не принято. В «Программах по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» неслоговой характер второго компонента (*iĭ*) отмечается лишь отдельными собирателями (Райда, Горячево, Алешино, Волховицы, Пасынки, Быки, Лопатиha, Бор, Асташиха, Афимьяново, Пархово). Далее в тексте исследования отдельное внимание данному моменту не уделяется, дифтонг *[ij]* обозначается двумя одинаковыми символами (*ii*).

² «Программы» отмечают наличие данного явления в следующих говорах: Алексеевское, Ветчино, Асташиха, Поцеп.

именно в положении перед согласным *r* (< *rr*) в слабоступенных основах слов, содержащих чередования согласных *rg* : *rr*, *rd* : *rr*, напр.: *arga* : *arat* ‘дикий’ ном. ед. : ном. мн., *hārgä* / *hārg* (држ.) : *häärät* ‘бык’ ном. ед. : ном. мн., *kerda* / *kerd* (држ.) : *keerat* ‘раз’ ном. ед. : ном. мн., *kurgi* / *kurg* (држ.) : *kuuret* ‘журавль’ ном. ед. : ном. мн., *mārgä* / *mārg* (држ.) : *määrät* ‘мокрый’ ном. ед. : ном. мн., *pirda* / *pird* (држ.) : *piirat* ‘бердо’ ном. ед. : ном. мн., *šordua* / *šordja* (всг.) / *šordu* (држ.) : *šooran* ‘валить’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд. Согласно В. Е. Злобиной и П. Виртаранта, в результате влияния фонетической системы русского языка, изначально в данной конкретной позиции удлинился гласный компонент, затем произошло сокращение двойного согласного [Злобина 1967: 98; Virtaranta 1972: 13, 17].

Кроме того, в говорах весьегонского диалекта отмечается употребление вторичных долгих гласных, образованных в результате вокализации согласного *n*. Напр., **всг.**: *eežmäne* ‘первый’, *koož* ‘когда’, *ee rubie* ‘я не буду’, *ylee* ‘очень’, *väl’iäzee* ‘быстренько’, *poijaa* ген. ед. от *poiga* ‘сын’, *miul oo* ‘у меня есть’.

1.1.4. Дифтонги

Дифтонгизация является одной из основных отличительных особенностей карельского языка в сравнении с остальными прибалтийско-финскими языками. Дифтонг – сложный гласный, состоящий из двух элементов, слогового и неслогового гласного, образующих один слог [ЛЭС: 138]. Дифтонги карельского языка по своей структуре являются ложными (скользящими), так как в них один элемент является вершиной, а второй сопутствует ему. В зависимости от положения вершины выделяют нисходящие (сужающиеся) и восходящие (расширяющиеся) дифтонги. Слогообразующим компонентом восходящих дифтонгов является второй гласный, нисходящих – первый.

Дифтонги обильно представлены в карельских диалектах в основе слова, также они образуются в результате словообразования и словоизменения, как на границе основы и грамматического показателя, так и в основе слова в результате выпадения смычно-взрывных согласных (альтернации), когда гласные, относящиеся к разным слогам в сильноступенной основе слова, сливаются в дифтонг в слабой ступени без сохранения границы слогораздела.

Согласно Х. Лескинену, к моменту массового переселения, диалекты древнекарельского языка уже имели устоявшуюся систему дифтонгов, восходящих к соответствующим прибалтийско-финским нисходящим дифтонгам или первоначально долгим гласным [Leskinen 1998: 379].

1.1.4.1. Восходящие дифтонги

Для всех тверских карельских диалектов характерно наличие следующих восходящих дифтонгов: *ua*, *uo*, *ie*, *iä*, *yö*, являющихся продолжателями древних прибалтийско-финских долгих гласных первого слога **aa*, **oo*, **ee*, **ää*, **öö* (**oo* > *uo*, **öö* > *yö*, **ee* > *ie*, **aa* > *oa* > *ua*, **ää* > *eä* > *iä*), а также образовавшихся позже в результате стяжения при выпадении интервокальных согласных долгих гласных или сочетаний гласных, несвойственных фонетической системе языка (напр., парт. ед.: *aidua* < **aitada*, *koivuo* < **koivuda*; 1 инф.: *andua* < **antađak*, *puhuo* < **puhida*; радикальное чередование ступеней согласных: *kiät* < **kädei*) [ОФУЯ 1975: 42, 45; Leskinen 1998: 370–371, 379; Атлас: к. 4–10]. Использование восходящих дифтонгов характерно также для заимствованной из русского языка лексики (на месте ударного слога русского языка).

Напр., **ua**: пвс.: *tua* ‘земля’, *huaba* / *huab* (држ.) ‘осина’, *kuad’iet* / *kuad’it* (држ.) ‘портки’, *nuat’t’i* ‘ботва’, *vuate* ‘одежда’, *luat* ном. мн. от *lagi* / *lag* (држ.) ‘потолок’, *aidua* парт. ед. от *aida* / *aid* (држ.) ‘забор’; **тлм.**, **всг.**: *andua* ‘давать’, *lawlua* ‘петь’; **тлм.**: *ruaga* ‘сырой’, *šuarua* ‘сказка’, *šuat’en* ‘до’, *šuatua* ‘проводить’, *tuatto* ‘отец’, *ruadua* ‘работать’, *vuottua* ‘ждать’; **всг.**: *luajiin* 1 л. ед. имп. инд. от *luad’ie* ‘делать’, *maguan* 1 л. ед. през. инд. от *muata* ‘спать’, *tuato* ‘мать’, *kažvua* ‘расти’, *ottua* ‘брать’; **држ.**: *luad’ih* 3 л. мн. имп. инд. от *luad’i* ‘делать’, *ruat* 2 л. ед. през. инд. от *ruad* ‘работать’, *ei šua* ‘нельзя’, *šuarput* ‘сапоги’, *šuaruuv* парт. ед. от *šuaru* ‘сказка’, *šuat* 3 л. ед. имп. инд. от *šuatua* ‘проводить’, *tuatt* ‘отец’, *vuattiet* ‘одежда’;

uo: **тлм.**, **всг.**: *huovis* ‘дешевый’, *šuolet* ‘сосуды’, *vuoži* ‘год’, *kaivuo* парт. ед. от *kaivo* ‘колодец’, *koivuo* парт. ед. от *koivu* ‘береза’, *puhuo* ‘дуть’, *šanuio* ‘сказать’; **тлм.**: *kuolla* ‘умереть’, *kuore* ‘сметана’, *šuo* ‘болото’, *tuoreš* ‘сырой’, *tanhuo* ‘двор’, *n’ukkuo* ‘дремать’, *šiduo* ‘завязать’; **всг.**: *huol’i* ‘забота’, *huomneksella* адесс. ед.

от *huomneš* ‘утро’, *juotan* 1 л. ед. през. инд. от *juottia* ‘поить’, *luoh* ‘к’, *nuoret* ном. мн. от *nuor’i* ‘молодой’, *šuola* ‘соль’, *šuur’iečow* 3 л. ед. през. инд. от *šuur’iečie* ‘собираться’, *tuo* ‘тот’, *tuodu* 2 прич. пасс. от *tuwva* ‘приносить’, *tuomi* ‘черемуха’, *vuodaw* 3 л. ед. през. инд. от *vuodja* ‘протекать’, *vuoži* ‘год’, *puдруо* парт. ед. от *puдро* ‘каша’, *pakkuomma* 1 л. мн. през. инд. от *pakota* ‘просить’; **држ.:** *huolett* ‘беззаботно’, *luo* ‘к’, *muon* ‘такой’, *ambuo* ‘стрелять’;

ie: **пвс.:** *kar’ielazet* ном. мн. от *kar’ielan’e* ‘карел’, *pien* 1 л. ед. през. инд. от *pid’iä / pid’i* (држ.) ‘держать’; **тлм., всг.:** *kiel’i* ‘язык’, *n’iegla* ‘игла’, *rieht’ilä* ‘сковорода’, *šieglä / s’iegla* (всг.) ‘сито’, *az’ie* ‘дело’, *kondie* ‘медведь’, *pattie* ‘злой’; **тлм.:** *aštie* ‘посуда’, *hieno* ‘мелкий’, *hieruo* ‘тереть’, *korgie* ‘высокий’, *miel’i* ‘настроение’, *pien’i* ‘маленький’, *šien’i* ‘гриб’, *vieraš* ‘чужой’; *iellä* ‘дальше’, *šielä* ‘там’, *az’ie* ‘дело’, *kabie* ‘копыто’, *kebie* ‘легкий’, *lattiet* ном. мн. от *late* ‘пол’, *valgie* ‘белый’, *eččie* ‘искать’, *lugie* ‘читать’, *potkie* ‘пинать’; **всг.:** *l’iemі* ‘бульон’, *l’ienöw* ‘он будет’, *mie* ‘я’, *piet’t’i* 3 л. ед. имп. инд. от *piet’t’iä* ‘остановить’, *rieška* ‘пресный’, *s’ie / šie* ‘ты’, *t’ied’iä* ‘знать’, *hyvie* парт. мн. от *huvä* ‘хороший’, *kattie* ‘одеяло’, *kebie* ‘легкий’, *l’evie* ‘широкий’, *oigie* ‘правый’, *käskie* ‘просить’, *rubien* 1 л. ед. през. инд. от *ruveta* ‘начинать’; **држ.:** *l’ienöw* 1 л. ед. през. инд. от *l’ietä* ‘становиться’, *mie* ‘я’, *miehel’ / miehel’l’* адесс. ед. от *mieš* ‘человек’, *šie* ‘ты’, *šiel’d* ‘оттуда’, *viel’* ‘еще’, *pattie* ‘злой’, *is’kiet’t’ih* 3 л. мн. имп. инд. от *is’ki* ‘бить’, *laškieči* 3 л. ед. имп. инд. от *laškieči* ‘ложиться спать’, *pez’iečömäh* 3 инф. илл. от *pez’ieči* ‘мыться’, *rubiemm* 1 л. мн. през. инд. от *ruvet* ‘начинать’;

iä: **пвс.:** *hiän* ‘он’, *piä* ‘голова’, *kiändäw* 3 л. ед. през. инд. от *kiän’d’iä / kiän’d’i* (држ.) ‘поворачивать’, *šiä* ‘погода’, *n’iän* 1 л. ед. през. инд. от *nähä / näh* (држ.) ‘видеть’, *kiät* ном. мн. от *käz’i / käz’* (држ.) ‘рука’, *viät* ном. мн. от *vägi / väg* (држ.) ‘сила’, *viän* 1 л. ед. през. инд. от *ved’iä / ved’i* (држ.) ‘тащить’, *el’iä* ‘жить’; **тлм., всг.:** *šiär’i / s’iär’i* (всг.) ‘голень’, *hein’iä* парт. ед. от *heinä* ‘травы’; **тлм.:** *keviä* ‘весна’, *t’iälä* ‘тут’; **всг.:** *piällä* ‘на’, *s’iän’dyö* ‘рассердиться’, *ven’iäläks’i* ‘по-русски’, *ylähiänä* ‘вверху’, *hyppiämäh* 3 инф. илл. от *hypätä* ‘прыгать’; **држ.:** *hiäh* илл. ед. от *hiä* ‘свадьба’, *jiähyt* ‘наледь’, *piäkšyt* ‘ласточка’, *piäl’l’* ‘на’, *t’iäl’* ‘тут’, *keviäh* илл. ед. от *kevi* ‘весна’, *miän* ‘наш’, *väl’iäzeh* ‘быстренько’;

уö: пвс.: *myö* ‘мы’, *myöt* ‘по, вдоль’, *työ* ‘вы’, *hyö* ‘они’, *yö* ‘ночь’; тлм., всг.: *kyžyö* ‘спрашивать’; тлм.: *vyö* ‘пояс’, *lyhyöt* ном. мн. от *lyhyt* ‘короткий’, *nägyö* ‘виднеться’, *pölläštyö* ‘испугаться’; всг.: *myöhemmä* ‘позже’, *syötän* / *šyötän* 1 л. ед. през. инд. от *syot* ‘t’iä / *šyöt* ‘t’iä ‘кормить’, *työnnetty* 2 прич. пассив. от *työn* ‘d’iä ‘отправлять’, *myöd’ih* 3 л. мн. имп. инд. от *mywvā* ‘продавать’, *yhtyö* ‘объединяться’; држ.: *šyön* 1 л. ед. през. инд. от *šuwv* ‘есть’, *viid’innuöt* 2 прич. акт. от *viid* ‘i’ ‘выходить, получаться’.

Исследователи финно-угроведы относят начало процесса дифтонгизации праязыковых **aa*, **ää* к XI–XII вв., особо отмечая, что выпадение интервокальных компонентов *δ* и *γ*, в результате которого в процессе стяжения образовались долгие гласные, также подвергшиеся дифтонгизации, произошло еще раньше [Rapola 1966: 350–352]. Дифтонгизация же праязыковых долгих гласных **oo*, **öö*, **ee* относится к более раннему периоду, поскольку явление встречается и в других прибалтийско-финских языках [см. Rapola 1966: 355].

Именно система восходящих дифтонгов карельского языка обнаруживает наибольшее число существенных отличий на уровне диалектов и говоров.

Отличительной особенностью восточных говоров весьегонского диалекта (Попец, Дюдиково, Мосеевское, Петряево, Беняково, Труфаново, Головкино, Покрышкино, Остолопово, Можайка, Климантино и др.) и южных толмачевских (Большое Плоское, Тимошкино, Дальницы, Лукино, Кава) является наличие дифтонга *ja* (читается как [*ɣa*]) там, где в остальных говорах тверских диалектов выступает дифтонг *ia* [ОКР 1963: 6; Атлас: к. 4, 6] (прил. 9), в данном случае в образцах речи карельского языка принято обозначать среднерядный аллофон фонемы *i*. Напр., тлм., всг.: *hijaba* ‘осина’, *kjadiet* ‘кальсоны’, *mja* ‘земля’, *mjamo* ‘мать’, *njala* ‘гвоздь’, *tjaš* ‘опять’, *tjatto* ‘отец’; *kiwgja* ‘печь’, *mjatah* ‘они спят’, *andja* ‘давать’; тлм.: *bjabo* ‘бабушка’, *kjadja* ‘наливать’, *pjal’ikka* ‘валеж’, *rjadja* ‘работать’, *sjaharu* ‘сахар’, *kakkaria* парт. ед. от *kakkara* ‘блин’; всг.: *iareh* ‘клад’, *ljad’ija* 1 прич. акт. от *ljad* ‘ie ‘делать’, *ljašša* инесс. ед. от *lagi* ‘потолок’, *pjarma* ‘слепень’, *riaga* ‘сырой’, *šjaha* ‘получать’, *šjal’is* ‘зрелый’, *šjattja* ‘проводить’, *riadaja* 1 прич. акт. от *ruadua* ‘работать’, *alahjina* ‘внизу’, *šadja* парт. ед. от *šada* ‘сто’, *villja* парт. ед. от *villa* ‘шерсть’, *šalbja* ‘закрывать’.

Появление первого компонента дифтонга *i* здесь, очевидно, является результатом влияния фонетической системы русского языка. Аналогичный дифтонг на месте праязыкового долгого гласного **aa* характерен также для кондушского диалекта ливвиковского наречия и говоров паданского диалекта собственно карельского наречия карельского языка [см. Virtaranta 1973: 272]. Вероятно, дифтонг *ja* сформировался в каждом из этих диалектов в ходе их самостоятельного развития, но, вполне возможно, явление имеет общие корни, поскольку есть данные о переселении карелов с территории распространения паданского диалекта карельского языка в Тверскую Карелию [см. Virtaranta 1961: 42–44], в процессе которого часть переселенцев могла осесть на землях Александро-Свирского монастыря. В таком случае речь могла бы уже идти о результатах более раннего влияния русского языка на диалекты карельского.

Дифтонги толмачевского и весьегонского диалектов можно представить в виде таблицы:

Таблица 2

Образование восходящих дифтонгов в результате стяжения гласных при выпадении интервокальных согласных

	а	ä	е
а	ua / ja (всг.)	—	ua / ja
о	uo	—	uo
u	uo	—	uo
ä	—	iä	iä
ö	—	yö	yö
у	—	yö	yö
е	ie	ie	ie
і	ie	ie	ie

Фонетическая система держанского диалекта выделяется на фоне тверских карельских диалектов двумя противоположными тенденциями: дальнейшее расширение дифтонгов и сужение расширяющихся дифтонгов.

Дальнейшему расширению оказались подвержены дифтонги *uo*, *yö*, *ie*, преимущественно выступающие в ударном слоге: *uo* > *ua*, *yö* > *yä*, *ie* > *iä* в словах с переднерядной огласовкой и *ie* > *ia* в словах

с заднерядной огласовкой [см. Palmeos 1966: 3]. Напр., држ.: *uo* > *ua*: *huavis* ‘дешевый’, *juahatan* 1 л. ед. през. инд. от *juahatta* ‘припоминать’, *juamah* 3 инф. илл. от *juwv* ‘пить’, *kualend* ‘смерть’, *kual* ‘умирать’, *tuazet* ном. мн. от *tuan* ‘такой’, *nuar* ‘молодой’, *pual* ‘половина’, *ruašk* ‘кнут’, *šua* ‘болото’, *šuanet* ‘сосуды’, *tua* 2 л. ед. имп. от *tuwv* ‘приносить’, *tuadih* 3 л. мн. ипм. инд. от *tuwv* ‘приносить’, *vuaž* ‘год’, *koivua* парт. ед. от *koiv* ‘береза’, *kaivua* парт. ед. от *kaiv* ‘колодец’;

yö > *yä*: *myä* ‘мы’, *myäh* ‘поздно’, *myän* 1 л. ед. през. инд. от *mywv* ‘продавать’, *tyän’n’et’t’ih* 3 л. мн. имп. инд. от *tyän’d’i* ‘отправлять’, *šyättäh* 3 л. мн. през. инд. от *šyät’t* ‘кормить’, *vyä* ‘ремень’, *yä* ‘ночь’;

ie > *iü*: *kiäl* ‘язык’, *l’iänen* 1 л. ед. през. инд. от *l’iet* ‘становиться’, *miä* ‘я’, *miähel* ‘замужем’, *riäht’el* ‘сковорода’, *šil’iä* ‘гладкий’, *šiä* ‘ты’, *šiägl* ‘сито’, *šiäl’d* ‘оттуда’, *viäl* ‘еще’, *viän* 1 л. ед. през. инд. от *viij* ‘относить’;

ie > *ia*: *biass* ‘бес’, *hiamut* ‘рукава’, *hiarot* 2 л. ед. през. инд. от *hiaru* ‘тереть’, *n’iagl* ‘игла’, *pialuš* ‘подушка’, *viaraš* ‘гость’.

В тверских говорах явление расширения дифтонга *ie* в «Программах по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» было отмечено также в говорах д. Иевлево, д. Иваньково и д. Жальцы. Напр., *pattia* ‘злой’, *hardiat* ‘плечи’, *kondia* ‘медведь’ (Иевлево, Иваньково, Жальцы), *aštia* ‘посуда’ (Иевлево, Жальцы), *tahnua* ‘двор’, *kuadiat* ‘портки’ (Иевлево), *läht’iättih* 3 л. мн. имп. инд. от *läht’ie* ‘отправляться’ (Жальцы). Однако в данных примерах речь идет о безударном слоге, гласный компонент которого менее напряжен, чем в ударном, что могло отразиться на его качестве.

Явление расширения дифтонгов первого слога свойственно некульским и рыпушкальским говорам ливвиковского наречия карельского языка, а также некоторым западным диалектам финского языка [см. Rapola 1966: 359–361]. Очевидно, расширение дифтонгов в карельских диалектах является поздним самостоятельным явлением, поскольку в говорах наряду с ними встречаются дифтонги *uo*, *yö*, *ie*, неподверженные расширению, а начальный гласный удается обнаружить в словоизмененных формах.

Для безударных слогов держанского диалекта характерен обратный процесс – сужение дифтонгов. Следствием сильной редукции гласных в держанских говорах стало развитие нисходящих

дифтонгов *uw*, *yw* на месте изначально восходящих *uo*, *ua*, *yö*, или полная утрата второго компонента восходящими дифтонгами [Атлас: к. 6, 8, 9, 12, 13]. Напр., **држ.**: *kizuwmah* 3 инф. илл. от *kizat* ‘играть’, *ei šuw* ‘нельзя’, *istuwč* 3 л. ед. имп. инд. от *istuwči* ‘садиться’, *kaluw* / *kalu* парт. ед. от *kal* ‘рыба’, *rebuw* / *rebu* парт. ед. от *reb* ‘лиса’, *andu* ‘давать’, *makšu* ‘платить’, *kyl’vi* ‘сеять’, *pimi* ‘темный’ (ср. тлм.: *kizuamah*, *ei šua*, *istuoče*, *kalua*, *rebuo*, *andua*, *makšua*, *kyl’viä*, *pimie*). Очевидно, что редукции изначально подвергся дифтонг, выступающий на конце слова, затем же явление распространилось на дифтонги, находящиеся в середине слова.

Анализ диалектного материала «Программ» позволил выявить также наличие явления сужения расширяющихся дифтонгов *ua*, *iä*, выступающих как в ударном, так и безударном слоге, в говоре д. Лопатиха толмачевского диалекта: *ua* > *oa*, *iä* > *ie*. Напр., *aiduo* парт. ед. от *aida* ‘забор’, *anduo* ‘давать’, *huoba* ‘осина’, *mio* ‘земля’; *el’ie* ‘жить’, *kiendäw* 3 л. ед. през. инд. от *kiend’ie* ‘поворачивать’, *pie* ‘голова’, *piešti* 3 л. ед. имп. инд. от *pieštie* ‘отпускать’, *šier’i* ‘голень’ (ср. с соседним говором д. Спирово: *aidua*, *andua*, *huaba*, *mua*, *el’iä*, *kiändäw*, *piä*, *piäšti*, *šiär’i*).

Отдельно следует также обратить внимание на явление сужения восходящих дифтонгов, произошедшее, очевидно, через ступень монофтонгизации, характерную для большей части диалектов карельского языка. Речь идет о переходе дифтонгов *uo*, *yö* и *ie* (*ua*, *yä*, *iä* в держанском диалекте) через ступени долгих гласных *ui*, *yu*, *iï*, которые сохранились в некоторых говорах, в нисходящие дифтонги *uw*, *yw*, *iï* [*ij*] в слабой ступени чередования одиночных смычно-взрывных согласных. Напр., **пвс.**: *ruoga* / *ruag* (држ.) : *ruuvat* / *ruwvat* ‘еда’ ном. ед. : ном. мн., *vuode-* : *vuwvet* / *vuuvet* ‘год’ сильн. осн. : ном. мн., *t’iedäw* : *t’iijän* ‘знать’ 3 л. ед. през. инд. : 1 л. ед. през. инд.; **тлм.**: *ruoda-* : *ruwvat* / *ruuvat* ‘ребро’ сильн. осн. : ном. мн. Также аналогичное явление обнаруживает словоизменительная система глаголов одного из типов, напр., **пвс.**: *juon* / *juan* (држ.) 1 л. ед. през. инд. от *juwva* / *juwv* (држ.) ‘пить’, *šyön* / *šyän* (држ.) 1 л. ед. през. инд. от *šywwä* / *šyww* (држ.) ‘есть’, *tuon* / *tuan* (држ.) 1 л. ед. през. инд. от *tuwva* / *tuww* ‘приносить’, *luon* / *luan* (држ.) 1 л. ед. през. инд. от *luwva* / *luww* (држ.) ‘бить’, *vien* / *viän* (држ.) 1 л. ед. през. инд. от *viijä* / *viij* ‘относить’.

Л. Куттунен объясняет данное явление влиянием согласного *v* на находящийся перед ним гласный компонент [Kettunen 1909], очевидно, именно по этой же причине в тверских диалектах второй компонент дифтонга развился в полугласный.

Стоит добавить, что явления сужения дифтонгов закрепились и в отдельных топонимах, напр., тлм.: *Ėiganaŋšuu* (Докино), *Ruuprahikko*, *Pustoŋkanšuu* (Березай); всг.: *Ven'ielä* (Рябинкино) [Кузьмин 2015].

1.1.4.2. Нисходящие дифтонги

Древние прибалтийско-финские нисходящие дифтонги, в большинстве своем, сохранились в тверских диалектах карельского языка. Все нисходящие дифтонги в них можно разделить на две группы: нисходящие дифтонги на *-i* и нисходящие дифтонги на *-u* / *-y* / *-w*.

1. Нисходящие дифтонги на *-i*.

Представительство нисходящих дифтонгов на *i* в тверских карельских диалектах практически не обнаруживает диалектных отличий, эти дифтонги являются последователями соответствующих прибалтийско-финских дифтонгов или образовавшимися в результате выпадения интервокального согласного. Сложение таких дифтонгов активно происходит в процессе словоизменения: образование форм множественного числа и превосходной степени в именном словоизменении, имперфекта индикатива и форм кондиционала в глагольном (см. раздел 2.1. Чередование гласных). Кроме того, тверским диалектам свойственно наличие дифтонга *ii* [*ij*], восходящего к праязыковому долготу гласному *ii*.

Итак, для тверского наречия карельского языка характерны нисходящие дифтонги *ai*, *oi*, *ui*, *ii*, *ei*, *äi*, *öi*, *yi*. Напр., **ai**: пвс.: *aiga* / *aig* (држ.) 'время', *kaivo* / *kaiv* (држ.) 'колодец', *laiska* / *laisk* (држ.) 'ленивый', *maido* / *maid* (држ.) 'молоко', *nain'e* / *nain'* (држ.) 'женщина'; тлм.: *kaida* 'узкий', *kaikki* 'все', *paikka* 'место', *harmaila* адесс. мн. от *harmua* 'серый', *avai* 1 л. ед. имп. инд. от *avata* 'открывать'; всг.: *main'iččī* 3 л. ед. имп. инд. от *main'ita* 'упоминать', *naiččow* 3 л. ед. през. инд. от *naija* 'жениться', *paimen* 'пастух', *pais'tih* 3 л. мн. имп. инд. от *paissa* 'говорить', *taivahissa* инесс. мн. от *taivaš* 'небо', *andais'* 3 л. ед. имп. конд. от *andua* 'давать';

држ.: *aittah* илл. ед. от *aitt* ‘амбар’, *kaikin* ‘все вместе’, *paistaw* 3 л. ед. през. инд. от *paista* ‘печь’, *taigin* ‘тесто’, *vaihetu* 2 прич. пасс. от *vaihtu* ‘заменять’, *paiss* ‘говорить’;

oi: **пвс.:** *hoikka* / *hoikk* (држ.) ‘худой’, *koivu* / *koiv* (држ.) ‘береза’, *oigie* / *oigi* (држ.) ‘правый’, *poiga* / *poig* (држ.) ‘сын’, *toin’e* / *toin*’ (држ.) ‘другой’, *kaloin* ген. мн. от *kala* / *kal* ‘рыба’, *koissa* / *koiss* (држ.) инесс. ед. от *kod’i* / *kod*’ (држ.) ‘дом’; **тлм.:** *koira* ‘собака’, *varoin* ‘для’, *annoin* 1 л. ед. имп. инд. от *andua* ‘давать’, *lainoi* 3 л. ед. имп. инд. от *lainota* ‘глотать’, *ruavoit* 2 л. ед. имп. инд. от *ruadua* ‘работать’; **всг.:** *šoimi* ‘кормушка’, *šoittu* ‘свисток’, *voi* ‘масло’, *pahoin* ‘плохо’, *eroimma* 1 л. мн. имп. инд. от *erota* ‘отходить’; **држ.:** *koir* ‘собака’, *moin*’ ‘такой’, *kažvain* 1 л. ед. имп. инд. от *kažvu* ‘расти’, *ois*’ 3 л. ед. имп. конд. от *oll* ‘быть’, *pakko* 3 л. ед. имп. инд. от *pakot* ‘просить’, *uinoi* 3 л. ед. имп. инд. от *uinot* ‘засыпать’;

ui: **пвс.:** *kuin* ‘как’, *puistaw* 3 л. ед. през. инд. от *puistua* / *puistu* (држ.) ‘трясти’, *ruis*’ ‘рожь’, *uija* / *uij* (држ.) ‘плыть’; **тлм.:** *muigie* ‘кислый’, *muistua* ‘помнить’, *lukkui* 3 л. ед. имп. инд. от *lukuta* ‘запереть’; **всг.:** *huigie* ‘стыдный’, *puikko* ‘щепка’, *puin’e* ‘деревянный’, *ammuin* ‘давно’; **држ.:** *muistannun* 2 прич. акт. от *muista* ‘помнить’;

ii: **пвс.:** *hiil’et* ‘угли’, *hiir’i* / *hiir*’ (држ.) ‘мышь’, *n’iin* ‘так’, *riihi* ‘рига’, *t’iijän* 1 л. ед. през. инд. от *t’ied’iä* / *t’ied’i* (држ.) ‘знать’, *tul’iin* 1 л. ед. имп. инд. от *tulla* / *tull* ‘приходить’, *tul’iis*’ 3 л. ед. имп. конд. от *tulla* / *tull* (држ.) ‘приходить’; **тлм.:** *n’iitän* 1 л. ед. през. инд. от *n’iit’t’iä* ‘косить’, *andaz’iin* 1 л. ед. имп. конд. от *andua* ‘давать’, *hävii* 3 л. ед. имп. инд. от *hävitä* ‘пропадать’, *oššiin* 1 л. ед. имп. инд. от *oštua* ‘покупать’; **всг.:** *hiiloš* ‘загнетка в русской печи’, *viikon* ‘долго’, *viina* ‘вино’, *viiz’i* ‘пять’, *aiviin* ‘постоянно’, *toiz’iin* ‘иначе’, *kar’ielaz’iissa kyl’iissä* инесс. мн. от *kar’ielan’e kylä* ‘каральская деревня’, *pit’iillä* адесс. мн. от *pit’kä* ‘длинный’, *pordahiin* ген. мн. от *pordahat* ‘крыльцо’, *eliimmä* 1 л. мн. имп. инд. от *el’iä* ‘жить’, *it’kiis*’ 3 л. ед. имп. конд. от *it’kie* ‘плакать’, *luviin* 1 л. ед. имп. инд. от *lugie* ‘читать’, *män’iin* 1 л. ед. имп. инд. от *männä* ‘идти’; **држ.:** *viiz*’ ‘пять’, *viikon* ‘долго’, *lapšii* парт. мн. от *lapš* ‘ребенок’, *käwl’iin* 1 л. ед. имп. инд. от *kävel’l*’ ‘ходить’, *riiptiin* 1 л. ед. имп. инд. от *riipta* ‘вешать’, *tavottiin* 1 л. ед. имп. инд. от *tavottu* ‘встречать’;

ei: пвс.: *heinä* / *hein* (држ.) ‘сено’, *ei* ‘нет’, *keit't'ä* / *keit't'i* (држ.) ‘варить’, *reiz'i* / *reiz* (држ.) ‘бедро’, *šeiččimen* ‘семь’, *šeiväs* ‘шест’, *meilä* / *meil* (држ.) адесс. от *myö* ‘мы’, *rubei* 3 л. ед. имп. инд. от *ruveta* / *ruvet* (држ.) ‘начинать’; тлм.: *veičči* ‘нож’, *az'eilla* адесс. мн. от *az'ie* ‘дело’, *kašteilla* адесс. мн. от *kaštie* ‘сечка’, *korgeilla* адесс. мн. от *korgie* ‘высокий’, *laškeih* 3 л. мн. имп. инд. от *laškie* ‘пускать’; всг.: *l'eibä* ‘хлеб’, *l'eikkuo* ‘разрезать’, *s'einä* ‘стена’, *heidä* парт. от *hyö* ‘они’; држ.: *l'eikkai* 3 л. ед. имп. инд. от *l'eikat* ‘резать’, *t'eil* адесс. от *työ* ‘вы’, *veis* 3 л. ед. имп. конд. от *viij* ‘относить’;

äi: пвс.: *näin* ‘так’, *äijän* ‘много’, *hyppäi* 3 л. ед. имп. инд. от *hyptä* / *hypät* (држ.) ‘бежать’, *jäin* 1 л. ед. имп. инд. от *jiähä* / *jiäh* (држ.) ‘оставаться’; тлм.: *keviällä* адесс. мн. от *keviä* ‘весна’, *käin* 1 л. ед. имп. инд. от *käwvä* ‘ходить’; всг.: *läimet't'ih* 3 л. мн. имп. инд. от *läimiä* ‘блестеть’, *päivä* ‘день’, *täi* ‘вошь’; држ.: *iel'päin* ‘вперед’, *näidä* парт. от *näm* ‘эти’, *vähäin* ‘маленько’;

öi: пвс.: *räččinöih* / *räččnöih* (држ.) илл. мн. от *räččinä* / *räččin* (држ.) ‘сорочка’, *šöin* 1 л. ед. имп. инд. от *šuwvä* / *šuwv* (држ.) ‘есть’; тлм.: *eižimöiten* ‘вначале’; всг.: *höi* ‘глист’, *löi* 3 л. ед. имп. инд. от *lywvä* ‘бить’; држ.: *möi* 3 л. ед. имп. инд. от *tuwv* ‘продавать’;

y: пвс.: *kyžyin* 1 л. ед. имп. инд. от *kyžyö* / *kyžu* (држ.) ‘спрашивать’; тлм.: *šynnyin* 1 л. ед. имп. инд. от *šyn'dyö* ‘рождаться’; всг.: *lymbiis* 3 л. ед. имп. конд. от *lymbyö* ‘гнуться’, *syn'dyis* 3 л. ед. имп. конд. от *syn'dyö* ‘рождаться’; држ.: *kävyim* 1 л. мн. имп. инд. от *käwv* ‘ходить’, *pölläššyin* 1 л. ед. имп. инд. от *pölläšty* ‘испытаться’.

Следует добавить, что число нисходящих дифтонгов на *i* в держанском диалекте пополняется за счет форм на **-ja* / *-jä*, сократившихся в диалекте до *i*. Напр., држ.: *kadai* ‘можжевельник’, *keittäi* ‘повар’, *kižui* ‘гармонист’, *kalaimah* 3 инф. илл. от *kalaju* ‘шататься’, *varaimah* 3 инф. илл. от *varat* ‘бояться’; ср. тлм.: *kadaja*, *keittäjä*, *kizaja*, *kalajamah*, *varajamah*.

Прибалтийско-финские нисходящие дифтонги на *i* открытого конечного слога в тверских диалектах карельского языка, как и в остальных диалектах собственно карельского наречия, не представлены, в них произошло выпадение второго компонента

дифтонга *i*. Данное явление относится еще к древнекарельскому периоду развития языка [см. ОФУЯ 1975: 43–44; Атлас: к. 41; Leskinen 1998: 380–381]. В держанском же диалекте в результате апокопы произошло выпадение и первого гласного компонента дифтонга. Напр., **пвс.:** *rebo* / *reb* (држ.) ‘лиса’, *ando* / *and* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *andua* / *andu* (држ.) ‘давать’, *kučšu* / *kučš* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *kučšuo* / *kučšu* (држ.) ‘звать’ (ср. ливв.: *reboi*, *andoi*, *kučši*).

То же касается и случаев, когда дифтонг на *i* изначально выступал в положении перед суффиксом *-ne* / *-ni* / *-ze-* (<*-ise-), где в тверских диалектах, как и в большей части собственно карельских диалектов *i* выпал [Атлас: к. 38–39]. Напр., **пвс.:** *akkan’e* ‘женщина’ (дим.), *l’iipukkan’e* ‘бабочка’, *keldan’e* ‘желтый’; *akkazet* / *akkaz’et* / *akkzet* (држ.) ‘женщины’ (дим.), *harakkazet* / *harakkaz’et* / *harakzet* (држ.) ‘сороки’ (дим.), *kuldazet* / *kuldaz’et* / *kuldzet* (држ.) ‘золотые’.

Держанский диалект выделяется среди тверских наличием небольшого количества фиксаций дифтонгов на *i* в отдельных многосложных словоформах, образованных путем присоединения словообразовательного или диминутивного суффикса *-n’e* < *-ine. Напр., **држ.:** *eižmäin’* ‘первый’, *šulkuin’* ‘шелковый’, *vähäin’* ‘маленько’, *heboin’* ‘лошадь’ (дим.), *kukkoin’* ‘петух’ (дим.), *važain’* ‘теленка’ (дим.), *ammuiž’et* ‘давние’, *kakšozet* ‘близнецы’; ср. **тлм., всг.:** *enžimmän’e*, *šulkun’e*, *vähän’e*, *hebon’e*, *kukkon’e*, *važan’e*, *ammuzet* / *ammuz’et*, но *ammuižeh* ‘давненько’, *kakšozet* / *kakšoz’et*. Следует добавить, что редкие следы наличия бывшего дифтонга в рассматриваемой позиции проскальзывают и в толмачевских диалектных материалах, напр., *keldain’e* ‘желтый’ (Баскаки), *akkain’e* ‘женщина’ (дим.) (Домантово).

2. Нисходящие дифтонги на *-u* / *-y* / *-w*.

Для тверских диалектов карельского языка, как и остальных карельских диалектов, характерно обилие нисходящих дифтонгов, вторым компонентом которых выступают неслоговые гласные *u*, *y*, перешедшие в большинстве говоров в полугласный *w*, а в некоторых даже в согласный *v*. Эти дифтонги продолжают соответствующие прибалтийско-финские дифтонги первого слога или сформировались позже в результате стяжения гласных.

Развитие неслоговых гласных компонентов нисходящих дифтонгов на *и*, *у* в полугласный согласный могло быть вызвано различными факторами. В первую очередь речь может идти о влиянии фонетической системы русского языка [Беляков 1949: 71–72]. Возможно также, что явление подчинено внутренним законам развития языка. Так, например, редукция вторых компонентов *и*, *у* дифтонгов отмечается в восточных диалектах финского языка (*lau_u* ‘доска’) [см. Rapola 1966: 375–376]. Очевидно, что развитие полугласного согласного в тверских диалектах также является следствием редукции.

П. Палмеос, описывая фонетическую систему валдайского диалекта, наиболее близкого к тверским, обращает внимание на употребление полугласного согласного компонента в нисходящих дифтонгах в положении перед звонкими гласными и преимущественное сохранение гласных в позиции перед геминатами и глухими согласными [Palmeos 1962: 9]. Таким образом, очевидно, что явление не сразу распространилось во все позиции.

Образование нисходящих дифтонгов на *и* активно происходит в процессе словоизменения, например, в ходе образования лично-числовых форм третьего лица единственного числа презенса индикатива во всех тверских диалектах (напр., *tulow* от *tulla* / *tull* (држ.) ‘приходить’), для некоторых говоров здесь характерно использование показателя -*v*. Такого рода случаи частотны и в других диалектах карельского языка, что можно объяснить историей развития показателя, восходящего к праязыковому **-βi* (**βi > vi > v > w > u*) [см. Зайков 2000: 50–51]. Вполне возможно, что полугласный данной позиции способствовал развитию полугласных на месте неслоговых компонентов нисходящих дифтонгов на *и*, *у* и соответствующих долгих гласных.

Кроме того, во многих диалектах карельского языка (кроме людиковского наречия) появление полугласного *w* / *v* отмечается исследователями в ударном слоге слова в положении перед слабоступенным альтернантом чередования ступеней согласных *v* [см., напр., Leskinen 1933: 62, 69] (напр., вчт., крт.: *ravvalla* адесс. ед. от *rauta* ‘железо’; мдс., пдн.: *lauvvat* ном. мн. от *lauda* ‘доска’, *havvat* ном. мн. от *hauda* ‘яма’; вдл., имп., кнд., ктк., тлз.: *tävvvet* ном. мн. от *täyde*- гл. осн. ‘целый’; вдл., кнд., рпш., смз.: *havvon* 1 л. ед.

през. инд. от *hauduo* ‘парить’; сст., ктк., рпш., слм., смз.: *lövvin* 1 л. ед. имп. инд. от *löydä-* ‘сильн. осн. ‘искать’; ктк., нкл.: *sovvot* 2 л. ед. през. инд. от *soudua* ‘грести’; тлз.: *havvin* ген. ед. от *haugi* ‘щука’, *ravvan* ген. ед. от *raudu* ‘железо’, *livvin* ген. ед. от *liygi* ‘карельливик’). Возможно, именно через эту слабоступенную форму в тверских карельских диалектах произошло распространение полугласного и в сильноступенные формы слова.

Так или иначе, внешние и внутренние факторы в совокупности привели к развитию в тверских карельских диалектах следующих дифтонгов со вторым полугласным компонентом: *aw*, *ow*, *uw*, *ew*, *iw*, *äw*, *öw*, *yw*, в отдельных же толмачевских и весьегонских говорах на их месте отмечают наличие дифтонгов с гласным *u*, *y* на конце (*au*, *ou*, *eu*, *iu*, *eu*, *iü*, *äy*, *öy*)¹ и, соответственно, долгих гласных *uu*, *yü*, о которых велась речь в разделе «Долгие гласные».

Напр., **aw** / **au**: пвс.: *kawha* / *kauha* / *kawh* (држ.) ‘ковш’, *lawlua* / *laulua* / *lawliä* / *lawlu* (држ.) ‘петь’, *tawdi* / *taudi* ‘болезнь’; тлм.: *avawduo* ‘открываться’, *harpawš* ‘шаг’, *rawda* ‘железо’; всг.: *hawda* ‘яма’, *hawgi* ‘щука’, *lawda* ‘доска’, *ajaw* 3 л. ед. през. инд. от *ajia* ‘ехать’, *himottaw* 3 л. ед. през. инд. от *himottia* ‘хотеться’, *paimeadow* 3 л. ед. през. инд. от *paimeadia* ‘пасти’, *kaččow* 3 л. ед. през. инд. от *kaččuo* ‘смотреть’; држ.: *lawlaw* 3 л. ед. през. инд. от *lawlu* ‘петь’, *ajaw* 3 л. ед. през. инд. от *aju* ‘ехать’;

ow / **ou**: пвс.: *jowdava* / *joudava* / *jowdav* (држ.) ‘свободный’, *powda* / *pouda* / *powd* ‘ясная погода’, *kiskow* 3 л. ед. през. инд. от *kiskua* / *kisku* (држ.) ‘вырывать’; тлм.: *lowkko* ‘дыра’, *nowšša* ‘подниматься’; всг.: *kowkku* ‘легкое’, *nowšša* ‘подниматься’, *ravizow* 3 л. ед. през. инд. от *ravissa* ‘визжать’; држ.: *howkk* ‘глупый’, *šanow* 3 л. ед. през. инд. от *šani* ‘говорить’, *tahtow* 3 л. ед. през. инд. от *tahtu* ‘хотеть’, *tulow* 3 л. ед. през. инд. от *tull* ‘приходить’;

uw: пвс.: *istuw* / *ištuw* (всг.) 3 л. ед. през. инд. от *istuo* / *ištuo* (всг.) / *istu* (држ.) ‘сидеть’, *juwva* / *juwv* (држ.) ‘пить’, *kuwlla* ‘слышать’, *kuwži* / *kuwž* (држ.) ‘шесть’, *puw* ‘дерево’, *šuw* ‘рот’, *šuw'r* / *šuw'r* (држ.) ‘большой’; тлм.: *reduwduo* ‘пачкаться’, *tuwl'i* ‘ветер’, *uwži* ‘новый’; всг.: *tuwttuo* ‘изменяться’, *puwttuo* ‘попадаться’;

¹ Представительство явления в основном совпадает с территорией распространения долгих гласных *uu*, *yü* / дифтонгов *uw*, *yw*.

vuwven ген. ед. от *vuožī* ‘год’; **држ.:** *huwhtu* ‘полоскаты’, *muwven* ‘кто-нибудь’, *aštuw* 3 л. ед. през. инд. от *aštu* ‘шагаты’;

äw / äy: **пвс.:** *käwvā / käwv* (држ.) ‘ходить’, *tāwži / täyži / täwz’i / täyz’i / täwž* (држ.) ‘целый’, *elāw* 3 л. ед. през. инд. от *el’iä / el’i* (држ.) ‘жить’, *vedāw* 3 л. ед. през. инд. от *ved’iä / ved’i* ‘тянуть’; **тлм.:** *lypsāw* 3 л. ед. през. инд. от *lypši* ‘дойти’; **всг.:** *läwl’en* ‘тошнота’, *tāwt’t’iä* ‘наполнять’, *pidāw* 3 л. ед. през. инд. от *pid’iä* ‘следовать’; **држ.:** *kyndāw* 3 л. ед. през. инд. от *kynd’i* ‘пахаты’;

öw / öy: **пвс.:** *löwd’iä / löwd’i* (држ.) ‘находить’, *is’kōw* 3 л. ед. през. инд. от *is’kie / is’ki* ‘бить’; **тлм.:** *kōwhā* ‘бедный’, *lähtōw* 3 л. ед. през. инд. от *läht’iä* ‘отправляться’; **всг.:** *höwry* ‘водяной пар’, *löwly* ‘пар’, *kävelōw* 3 л. ед. през. инд. от *kävellä* ‘ходить’, *l’ienōw* 3 л. ед. през. инд. от *l’ietä* ‘становиться’, *mänōw* 3 л. ед. през. инд. от *männä* ‘ходить’; **држ.:** *it’kōw* 3 л. ед. през. инд. от *it’ki* ‘плакаты’;

yw: **пвс.:** *kyžyw* 3 л. ед. през. инд. от *kyžiä / kyži* (држ.) ‘спрашивать’; **тлм.:** *pywhkie* ‘мести’, *tywn’i* ‘тихий’; **всг.:** *sywvā* ‘есть’, *käržyw* 3 л. ед. през. инд. от *käržie* ‘терпеть’; **држ.:** *šywv* ‘есть’, *tywn* ‘спокойный’, *venyw* 3 л. ед. през. инд. от *veny* ‘лежаты’;

ew / eu / ey: **пвс.:** *kewhā / kewh* (држ.) ‘бедный’, *l’ewga / l’ewg* (држ.) ‘подбородок’; **тлм.:** *n’ewvuo* ‘советовать’; **всг.:** *kewhnä* ‘перхоты’, *kes’kewt’t’iä* ‘помешаты’, *n’ewvonda* ‘совет’, *rewnalla* ‘рядом’;

iw / iu / iy: **пвс.:** *kiwru / kiuru / kiwr* (држ.) ‘жаворонок’, *kiwgua / kiugua / kiwg* (држ.) ‘печь’, *riwgu / riwg* (држ.) ‘жердь’, *šiwla / s’iwla* (всг.) / *šiwl* (држ.) адесс. от *šie / sie* (всг.) / *šiä* (држ.) ‘ты’, *kekšiww* 3 л. ед. през. инд. от *kekšie / kekši* (држ.) ‘придумывать’; **тлм.:** *kod’iwduo* ‘обзаводится хозяйством’, *miwn* ген. от *mie* ‘я’, *l’iwhes* ‘сноп’, *pyrgiw* 3 л. ед. през. инд. от *pyrgie* ‘проситься’; **всг.:** *kiär’iw* 3 л. ед. през. инд. от *kiär’ie* ‘обматывать’, *viid’iw* 3 л. ед. през. инд. от *viid’ie* ‘выходить, получаться’; **држ.:** *miwl* адесс. от *miä* ‘я’.

Процесс сужения восходящих дифтонгов, вызванный сильной редукцией гласных, в держанском диалекте повлиял на увеличение частотности использования в речи нисходящих дифтонгов. Например, на конце слова, вследствие апокопы, произошло сужение первоначально восходящих дифтонгов: *šuw* ‘до’, *ei šuw* ‘нельзя’, *tagiww* ‘сзади’ (**ua* > *uw*); ср. **тлм.:** *šua*, *ei šua*, *tagua*; а также в формах

партитива единственного числа *kaivu* от *kaiv* ‘колодец’, *haju* от *haju* ‘ум’, *ukku* от *ukk* ‘старик’, *nahku* от *nahk* ‘кожа’, *šuar* от *šuar* ‘сказка’; ср. тлм.: *kaivuo*, *haju*, *ukkuo*, *nahku*, *šuar*. К аналогичному результату привела синкопа в середине слова, затрагивающая как отдельные гласные звуки, так и целые слоги, напр., *istuwč* 2 л. ед. имп. от *istuwči* ‘садиться’, *kizuwmah* 3 инф. илл. от *kizat* ‘играть’, *kuwtah* 3 л. мн. през. инд. от *kudu* ‘ткать’, *ruwtih* 3 л. мн. имп. инд. от *ruvet* ‘начинать’ (**uvV* > *uw*); ср. тлм.: *istuoče*, *kizuamah*, *kuvotah*, *ruvettih*.

1.1.5. Трифтонги

Трифтонги – сложные гласные, состоящие из трех элементов, образующих один слог [ЛЭС: 520]. В тверских карельских диалектах трифтонги встречаются лишь в глагольных формах третьего лица единственного числа презенса индикатива стяженных глаголов на *-ta* / *-tä*, а также глаголов на *-va* / *-vä*, *-ha* / *-hä*, *-ja* / *-jä*. Изначально к данным формам присоединялся показатель 3 л. ед. ч. **-βi*, претерпевший ряд изменений (**βi* > *vi* > *v* > *w* > *u*) [Зайков 2000: 50–51], в результате которых произошло образование трифтонгов с третьим компонентом в виде полугласного *w*. Отметим, что использование гласных *u*, *y* в данной позиции в анализируемых источниках не зафиксировано, да и наличие трифтонгов в тверских диалектах карельского языка отмечается далеко не всегда [см. Беляков 1949; Маньжин 1964].

Для тверских карельских диалектов характерно наличие следующих трифтонгов: *uaw*, *iäw*, *uow*, *yöw*, *iew*. Диалектные особенности в системе трифтонгов тверских карельских диалектов напрямую связаны с дифтонгами. Так, для весьегонского диалекта характерен трифтонг *iaw*. А начальные элементы трифтонгов некоторых держанских говоров *uo*, *yö*, *ie* были заменены на *ua*, *yä*, *iä*, *ia*, как и в случаях с соответствующими дифтонгами, т. е. произошел переход *uow* > *uaw*, *yöw* > *yäw*, *iew* > *iäw* / *iaw*.

Напр., **uaw**: пвс.: *l'eikkuaw* 3 л. ед. през. инд. от *l'eikata* / *l'eikat* (држ.) ‘резать’, *šuaw* от *šua* / *šuah* (држ.) ‘получать’; тлм.: *maguaw* от *muata* ‘спать’; всг.: *avuaw* от *avata* ‘открывать’; држ.: *kizuaw* от *kizat* ‘играть’, *juaw* (< *uow*) от *juwv* ‘пить’, *tuaw* (< *uow*) от *tuwv* (држ.) ‘приносить’;

jaw: **всг.:** *l'eikjaw* от *l'eikata* 'резать', *arbijaw* от *arvata* 'отгадать', *harjjaw* от *harjata* 'чесать', *kižjaw* от *kižata* 'играть', *kuivjaw* от *kuivata* 'сушить', *lad'jjaw* от *lad'jata* 'складывать', *magjaw* от *mjata* 'спать', *šalbjaw* от *šalvata* 'закрывать', *talljaw* от *tallata* 'топтать', *virdjaw* от *virrata* 'течь';

iäw: **пвс.:** *kezriäw* / *kez'r'iäw* от *keztätä* / *kez'rätä* / *kez'rät* (држ.) 'прясть'; **тлм.:** *jiäw* от *jiähä* 'оставаться', *lykkiäw* от *lykätä* 'толкать'; **всг.:** *hyppiäw* от *hypätä* 'прыгать'; **држ.:** *viäw* (< *iew*) от *viij* 'относить', *l'iäw* (< *iew*) от *l'iet* 'становиться', *šyäw* (< *yöw*) от *šywn* 'есть';

uow: **пвс.:** *lukkuow* от *lukota* / *lukot* (држ.) 'запереть', *tuow* от *tuwva* / *tuwv* (држ.) 'приносить'; **тлм.:** *juow* от *juwva* 'пить'; **всг.:** *kiruow* от *kirota* 'ругать', *tuiguow* от *tuijota* 'скисать'; **држ.:** *uinuow* от *uinot* 'засыпать';

yöw: **пвс.:** *šyöw* / *syöw* (всг.) от *šywnvā* / *sywnvā* (всг.) / *šywn* (држ.) 'есть';

iew: **пвс.:** *l'iew* от *l'ietä* / *l'iet* (држ.) 'становиться', *rubiew* от *ruveta* / *ruvet* 'начинать', *view* от *viijä* / *viij* (држ.) 'относить'; **тлм.:** *šuur'iew* от *šuur'ita* 'собираться'; **всг.:** *halgiew* от *haleta* 'разбиваться', *langiew* от *langeta* 'падать', *lämbiew* от *lämmitä* 'топиться', *vir'iew* от *vir'itä* 'загореться'.

1.1.6. Апокопа и синкопа

Основным фонетическим отличием держанского диалекта от толмачевского и весьегонского является наличие в нем явлений апокопы и синкопы, развитие которых, очевидно, было вызвано влиянием местных говоров русского языка [см. Virtaranta 1972: 12; Öispuu 1985: 181].

1. Апокопа.

Апокопе, т. е. выпадению конечного звука слова, подвергаются конечные гласные двусложных и многосложных словоформ, а также вторые компоненты дифтонгов [СКГ 2001: 6; Palmeos 1966: 2–3]. В некоторых случаях на месте выпавшего гласного появляется редуцированный гласный *e*, приближенный к нулю звука, или *w*. Напр., **држ.:** *buabo šiel'd' viid' elošš* 'бабушка оттуда выбралась живой', *d'iad alott šywn* 'дедушка начал есть';

a: *akk* 'старуха', *huolett* 'беззаботно', *konž* 'когда', *om* 'свой', *pad* 'горшок', *pah* 'плохой', *pagizemm* 1 л. мн. през. инд. от *paiss*

‘говорить’, *panem* 1 л. мн. през. инд. от *pann* ‘класть’, *šom* ‘красивый’, *šuappu* ‘сапог’, *važ* ‘теленос’, *el’ ot* ‘не бери’, *kalu / kaluw* парт. ед. от *kal* ‘рыба’, *andu* ‘давать’, *takšu* ‘платить’;

o: *and* 3 л. ед. имп. инд. от *andu* ‘давать’, *buab* ‘бабушка’, *kukk* ‘петух’, *mad* ‘змея’, *reb* ‘лиса’, *šan* 3 л. ед. имп. инд. от *šani* ‘говорить’, *rebu / rebuw* парт. ед. от *reb* ‘лиса’;

u: *kowkk* ‘кочерга’, *red* ‘грязь’;

ä: *häd* ‘беда’, *kevi* ‘весна’, *kyl* ‘деревня’, *l’ehm* ‘корова’, *meil’* адесс. от *myö* ‘мы’, *mid* ‘что’, *miehel* ‘замужем’, *mis’s* ‘где’, *n’el’l* ‘четыре’, *šiid* / *šiid’e* ‘затем, далее’, *šil’m* ‘глаз’, *šuwv* ‘есть’, *täm* ‘этот’, *viel* ‘еще’, *kyl’vi* ‘сеять’;

ö: *löt’t* ‘лягушка’, *ukk / ukke* ‘старик’;

y: *kud* ‘зять’, *kyl* ‘баня’, *tuad* 2 прич. пасс. от *tuwv* ‘привозить’;

i: *jog* ‘река’, *kaikk šub* ‘все буквально’, *kar’ielakš* транс. ед. от *kar’iel* ‘карельский язык’, *kiv* ‘камень’, *kun* ‘пока не’, *kuwž* ‘шесть’, *lum* ‘снег’, *paremb* ‘лучше’, *počč* ‘поросенок’, *poigan* ‘мой сын’, *vel’l* ‘брат’, *yks* ‘один’;

e: *eežmān* ‘первый’, *ič* ‘сам’, *in’ehmin* ‘человек’, *kolm* ‘три’, *kunn* ‘куда’, *toin* ‘такой’, *nain* ‘женщина’, *pimi* ‘темный’, *šinn* ‘туда’, *vähäin* ‘малый’.

Явление апокопы свойственно также людиковским диалектам карельского языка и считается одной из основных древнейших отличительных особенностей наречия, возводимой исследователями к вепсскому языку [см. Tugunen 1950: 170, 253]. В держанском же диалекте это явление самостоятельное, возникшее относительно недавно, о чем свидетельствует тот факт, что в речи старшего поколения носителей языка в середине XX в. оно не было распространено. Вполне возможно, что редукция гласного конца слова здесь является следствием влияния местных говоров русского языка (ср., напр., *улиц*, *утр*) [см. Oispuu 1985: 181].

Некоторое число примеров фонетически обусловленной апокопы, в основном выступающей на границе составных частей сложных слов, в которых первая часть является двусложной с долгим первым слогом, а вторая начинается на гласный, было обнаружено в толмачевских и весьегонских текстах. Напр., **тлм.**: *hein’|aiga* ‘сенокос’, *hein’|arga* ‘сенокос’, *kāz’|aštie* ‘рукомойник’, *ris|tuatto* ‘крестный отец’, *riš|čikko* ‘подруга’, *toin’|argi* ‘вторник’, *tois’|piänä*

‘на следующий день’, *täm|piänä* ‘сегодня’, топоним *Melličč|aho*; **всг.**: *jumal|koda* ‘божница’, *kai* ‘все’, *peld|aitta* ‘амбар’, *ris|tiatto*, ‘крестный отец’ *šuo|vakka* ‘солонка’, *tois|ilda* ‘следующий вечер’, *tän|piänä* ‘сегодня’. Также апокопа свойственна именам собственным в таких случаях как, напр., **тлм.**: *Paš-čikko* ‘сестра Паша’, *Nadež-t’outa* ‘тетя Надежда’.

Случаи апокопы встречаются во всех диалектах на границе слов, в потоке речи, когда за словоформой, заканчивающейся на гласный, следует слово, на гласный начинающееся. Напр., **тлм.**: *konž el’iin* ‘когда я жил’; **всг.**: *koož on* ‘когда есть’, *viel’ ei* ‘еще не’, *t’iäl’ on* ‘здесь есть’.

Стоит отметить, что аналогичные случаи апокопы характерны и для других диалектов карельского языка, однако, по происхождению и условиям они отличаются от апокопы держанского диалекта.

2. Синкопа.

Синкопа заключается в выпадении гласных кратких слогов внутри слова, во втором, безударном, слоге, и реже далее в слове, при условии, что следующий слог долгий [СКГ 2001: 6; Palmeos 1966: 3]. Напр., **а.** *avuttjat* ном. мн. от *avuttai* ‘помощник’, *hambhat* ном. мн. от *hammaš* ‘зуб’, *kukket* ном. мн. от *kukkan* ‘цветок’ (дим.), *pelvhašt* элат. ед. от *pelvaš* ‘лен’, *pikkarzen* ген. ед. от *pikkaran* ‘маленький’, *puhthat* ном. мн. от *puhaš* ‘чистый’, *ruaškzen* ген. ед. от *ruaškan* ‘кнут’, *varbhat* ном. мн. от *varvaš* ‘палец на ноге’;

о. *hebz’en* ген. ед. от *hebn’e* ‘лошадь’, *raudmah* 3 инф. илл. от *ruadu* (*ruado-*) ‘работать’, *šantah* 3 л. мн. през. инд. от *šanu* (*šano-*) ‘говорить’, *šanelmah* 3 инф. илл. от *šanell* ‘рассказывать’, *ukkezell* адесс. ед. от *ukkon* ‘старик’ (дим.);

у. *aštah* 3 л. мн. през. инд. от *aštu* ‘шагать’, *aštmah* 3 инф. илл. от *aštu* ‘шагать’, *ikknan* ген. ед. от *ikkun* ‘окно’, *kučtah* 3 л. мн. през. инд. от *kučču* ‘звать’, *riptiin* 1 л. ед. имп. инд. от *riputtu* ‘вешать’;

ä. *el’mäh* 3 инф. илл. от *el’i* (*elä-*) ‘жить’, *hypťäh* 3 л. мн. през. инд. от *hypätä* ‘прыгать’, *šil’mzet* ном. мн. от *šil’män* ‘глаз’ (дим.);

ö. *tyt’t’zen* ген. ед. от *tyttön* ‘девочка’ (дим.);

y. *vön’täh* 3 л. мн. през. инд. от *vönu* ‘лежать’;

i. *keričmet* ‘ножницы для стрижки овец’, *murgnall* адесс. ед. от *murgin* ‘завтрак’, *pagž’iin* 1 л. ед. имп. инд. от *paiss* (*pagize-*) ‘говорить’;

e. *el’täh* (< *el’etäh*) от *el’i* ‘жить’, *šämnet* от *šämen* ‘семя’.

Кроме того, синкопа может распространяться на целые слоги, напр., *pelhat* ‘лен’ ном. мн. от *pelvaš* ‘лен’, *tytren* ген. ед. от *tytär* ‘дочь’.

Примеры показывают, что синкопе подвержены в основном гласные, выступающие в положении рядом со смычными согласными, на артикуляцию которых затрачивается больше усилий, чем на остальные согласные звуки, что, в свою очередь, могло повлиять на сокращение длительности звучания соседних гласных компонентов. Следует отметить, что вследствие синкопы, как и апокопы, возможно сокращение предшествующей геминаты, что также фонетически закономерно. Согласно П. Палмеос, распространение синкопы в держанских говорах произошло позже, чем апокопы, т. е. выпадение гласных началось с конца слова и продвинулось до второго слога [Palmeos 1966: 4]. Конечно, гласные безударного слога в карельских диалектах по своему звучанию довольно краткие [см. Leskinen 1933: 95], поэтому синкопа могла развиваться в держанском диалекте самостоятельно, т. е. редукция гласных, характерная для быстрого темпа речи, могла стать нормой. Не исключено, однако, влияние местных говоров русского языка.

Аналогичное явление характерно для диалектов людиковского наречия (напр., *kačtah* ‘они смотрят’, *santah* ‘они говорят’, *ajtah* ‘они едут’ (Виданы) [см. Turunen 1950: 127–154]. Но следует добавить, что синкопа держанского диалекта – молодое явление, образовавшееся позже апокопы, поскольку в образцах речи, записанных от последних носителей диалекта, встречаются также формы с гласными, не подверженными редукции.

1.1.7. Сингармонизм

Сингармонизм является одним из основных признаков агглютинативного типа языка, он обеспечивает целостность и отдельность словоформы [ЛЭС: 445].

Морфонологическое явление сингармонизма или гармонии гласных, заключающееся в единообразном вокалическом оформлении слова [ЛЭС: 445], играет важную роль в процессе словоизменения и словообразования карельского языка, т. е. в процессе выбора варианта присоединяемого аффикса или частицы, речь идет о дистантной ассимиляции аффиксальных гласных корневым

[Ахманова 2007: 405]. Сингармонизм карельского языка является тембровым, поскольку в его основе лежит фонологический признак ряда. Одновременно в слове выступают гласные либо переднего, либо заднего ряда, гласные *i*, *e* в этом отношении нейтральны, поскольку не имеют заднерядной пары, т. е. могут встречаться как в словах с переднерядной, так и заднерядной огласовкой. Среднерядные аллофоны гласных *i*, *e* выступают преимущественно в заднерядных лексемах. Напр., **тлм.**, **всг.**: *kukkaro* ‘кошелек’, *mulloin* ‘в пошлом году’, *kiärö* ‘початок’, *nyhätä* ‘выдернуть’, *tyhjä* ‘пустой’, *hiemua* ‘рукав’, *kangi* ‘жердь’, *luz’ikka* ‘ложка’, *kyl’gi* ‘бок’, *läht’ie* ‘отправляться’, *kondie* ‘медведь’; **држ.**: *ahaš* ‘тесный’, *ikkun* ‘окно’, *kez’r’mi* ‘прядение’, *kägär’* ‘глыба’.

Сложные слова в карельском языке не подчиняются сингармонизму, каждое из них сохраняет собственное вокалическое оформление. Напр., **тлм.**, **всг.**: *hän’dä|rowšku* ‘хрящ хвоста’, *jalg|pöččön’e* ‘икра ноги’, *kyllän|armon’e* ‘отец’ (поэт.), *oravan|kynži* ‘заусеница’; **држ.**: *hein’|aig* ‘сенокос’, *meč|rand* ‘край леса, опушка’, *naiz|in’ehmin* ‘человек женского пола’, *tyt’|ras’k* ‘дочь бедняжка’.

В процессе словоизменения и словообразования выбор передне- или заднерядного варианта парного показателя или словообразовательного суффикса зависит от огласовки слова. Напр., **тлм.**, **всг.**: *čirkulla* адесс. ед. от *čirku* ‘воробей’, *rybehillä* адесс. мн. от *ryveh* ‘кисть’, *kallehuš* ‘дороговизна’, *hyvehyš* ‘доброта’, *pit’kähkö* ‘длинноватый’, *šuwrehko* ‘великоватый’; **држ.**: *käwmäh* 3 инф. илл. от *käwv* ‘ходить’, *makšmah* 3 инф. илл. от *makšu* ‘платить’, *tuamoloi* парт. мн. от *tuam* ‘мать’, *ruadoloi* парт. мн. от *ruad* ‘работа’. В сложном слове – его последней составной части, напр., **тлм.**, **всг.**: *ris’t’i|poigana* эсс. ед. от *ris’t’i|poiga* ‘крестник’, *koda|vävynä* эсс. ед. от *koda|vävy* ‘примак’, *heinä|hangolla* адесс. ед. от *heinä|hango* ‘вилы’, *kyly|vaššalla* адесс. ед. от *kyly|vašta* ‘банный веник’.

Если в основе слова выступают только гласные *i*, *e*, тогда слово склоняется или спрягается как переднерядное. Напр., **тлм.**, **всг.**: *lemeil’dä* абл. мн. от *lemi* ‘топь’, *mer’essä* инесс. ед. от *mer’i* ‘море’, *ver’dä* парт. ед. от *ver’i* ‘кровь’; **држ.**: *riihellyä* аппр. ед. от *riih* ‘рига’.

Выбор отдельных словообразовательных суффиксов не подчиняется закону гармонии гласных, например, присоединение словообразовательных суффиксов *-n'iekka*, *-sto* в толмачевском и весьегонском диалектах осуществляется независимо от рядности слова: *heinän'iekka* 'косарь', *jöt'kin'iekka* 'дегтярник', *viär'in'iekka* 'виновный', *vägin'iekka* 'силач', *kewhäl'isto* 'беднота', *hyväl'isto* 'богатые'. То же касается и образования отглагольных существительных на *-o*: *l'endo* 'полет' < *l'end'ia* 'лететь'.

К особенностям периферийных диалектов карельского языка относится также возможность присоединения к словам с переднерядной огласовкой вопросительной частицы в двух вариантах оформления *-gö / -go*, но чаще в заднерядном. Напр., **тлм.**: *s'il'ienägö* эсс. ед. от *s'il'ie* 'гладкий', *äijägö* от *äijä* 'много', *edähgo* от *edäh* 'далеко', *t'ervehenägö* эсс. ед. от *t'erveh* 'здоровый', *väl'iaŋgo* от *väl'ian* 'скоро', *vähäŋgo* от *vähän* 'мало', *l'ienöwgo* 3 л. ед. през. инд. от *l'ietä* 'становиться'; **всг.**: *hiäŋgo* от *hiän* 'он', *äijägo* от *äijä* 'много', *vielägo* от *vielä* 'еще'.

1.2. Консонантизм

Согласные – звуки, отличающиеся от гласных большей степенью затвора, уменьшением звучности и роли, отводимой голосовому тону, и меньшим объемом выдыхаемого воздуха [Ахманова 2007: 436]. Основным артикуляционным свойством согласных звуков является обязательное наличие преграды в речевом тракте, важную роль при образовании согласных играют шумовые источники [ЛЭС: 477–479].

1.2.1. Артикуляционная характеристика согласных

Артикуляционная классификация согласных карельского языка строится на основе следующих признаков:

- 1) активный действующий орган, образующий преграду:
 - губные: губно-губные (*p, b, m, w*) и губно-зубные (*f, v*);
 - язычные: переднеязычные (зубные (*t, t', d, d', c, s, s', z, z', n, n', l, l'*) и небно-зубные (*č, dž, š, ž, r, r'*), среднеязычные (*j*), заднеязычные (*k, g, h*);
- 2) способ образования преграды:

– смычные, при фонации которых проход воздушной струи по речевому тракту прекращается полностью: взрывные, когда смычка раскрывается мгновенно (p, b, t, d, t', d', k, g), и аффрикаты, когда артикулирующие органы не раскрываются полностью ($c, \check{c}, d\check{z}$);

– щелевые, при фонации которых преграда лишь сужает речевой тракт: боковые, когда воздушная струя проходит по краям полости рта (l, l'), и срединные, когда воздушная струя проходит вдоль полости рта ($f, v, w, s, z, s', z', \check{s}, \check{z}, j, h$);

– дрожащие, фонация которых характеризуется вибрацией активного органа (r, r');

3) поведение голосовых связок:

– звонкие, при фонации которых связки напряжены, находятся в состоянии колебания ($b, d, d', g, d\check{z}, v, w, z, z', \check{z}, j, m, n, n', l, l', r, r'$);

– глухие, при фонации которых связки не участвуют ($p, t, t', k, c, \check{c}, f, s, s', \check{s}, h$);

4) положение мягкого неба:

– ртовые, при произнесении которых мягкое небо поднято (все согласные кроме m, n, n');

– носовые, при произнесении которых мягкое небо опущено (m, n, n');

5) сила шумовых составляющих:

– шумные, образующиеся в результате препятствия воздушному потоку, вызывающего повышенное давление воздуха в голосовом тракте ($p, b, t, d, t', d', k, g, c, \check{c}, d\check{z}, f, v, w, s, z, s', z', \check{s}, \check{z}, j, h$);

– сонорные, т. е. звуки, производимые без участия турбулентного потока воздуха в голосовом тракте (m, n, n', l, l', r, r') [см. ЛЭС: 477–478].

Фонетически согласные подчинены гласным звукам: гласные могут модифицировать их акустические свойства. Так, фонетические свойства следующего за согласным гласного приводят к различению их по характеру дополнительной артикуляции на твердые и мягкие / палатализованные ($t', d', s', z', n', l', r'$) согласные звуки.

Основываясь на приведенной классификации, систему согласных тверских карельских диалектов можно представить в виде таблицы.

Таблица 3

Система согласных фонем тверских диалектов карельского языка

По месту образования По способу образования				Губные		Язычные					
				Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные
						Зубные		Небнозубные			
						тв.	мяг.	тв.	мяг.		
Шумные	Смычные	Взрывные	гл.	<i>p</i>		<i>t</i>	<i>t'</i>				<i>k</i>
			зв.	<i>b</i>		<i>d</i>	<i>d'</i>			<i>g</i>	
		Аффрикаты	гл.			<i>c</i>			<i>č</i>		
			зв.						<i>dž</i>		
	Щелевые	Срединные	гл.		<i>f</i>	<i>s</i>	<i>s'</i>	<i>š</i>			<i>h</i>
			зв.	<i>w</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>z'</i>	<i>ž</i>		<i>j</i>	
Сонозные	Смычные	Носовые	зв.	<i>m</i>		<i>n</i>	<i>n'</i>				
	Щелевые	Боковые	зв.			<i>l</i>	<i>l'</i>				
	Дрожащие		зв.					<i>r</i>	<i>r'</i>		

Напр., пвс.: *rappi* / *rapp* (држ.) ‘священник’, *pörökkän'e* / *pörökkän* (држ.) ‘букашечка’, *tatattua* ‘тараторить’, *tyttö* / *tyt't* (држ.) ‘девушка’, *täitarha* / *täitarh* (држ.) ‘стригущий лишай’, *kaikki* / *kaikk* (држ.) ‘все’, *kukko* / *kukk* (држ.) ‘петух’, *bajar'i* / *bajar* (држ.) ‘помещик’, *ber'oga* / *ber'eg* (држ.) ‘берег’, *buabo* / *biabo* (всг.) / *buab* (држ.) ‘бабушка’, *bobo* / *bob* (држ.) ‘игрушка’, *d'iedo* / *d'iad* (држ.) ‘дед’, *doid'ie* / *doid'i* (држ.) ‘дойти’, *doin'iekka* / *doin'ik* (држ.) ‘подойник’ (диал.), *doroga* / *dorog* (држ.) ‘дорога’, *gaga* (тлм., всг.) ‘ручка’, *gobr* (држ.) ‘горсть’, *gor'a* / *gor* (држ.) ‘горе’, *car'ica* / *caric* ‘царица’, *čirču* (тлм., всг.) ‘грязнуля’, *čuwcäl* (држ.) ‘чучело’, *kidžu* (тлм., всг.) ‘сушик’, *famil'ja* / *fomil* (држ.) ‘фамилия’, *vävy* / *väv* (држ.) ‘зять’, *kawha* / *kawh* (држ.) ‘ковш’, *s'erča* / *s'erc* (држ.) ‘сердце’, *s'inčo* / *sin'č* (држ.) ‘сени’, *sus'ieda* / *sus'id* (држ.) ‘сосед’, *šiä* ‘погода’, *šavikaš* ‘глиняный’, *zaid'ie* / *zaid* (држ.) ‘заходить’, *z'el'onan'e* / *z'el'nan* (држ.) ‘зеленый’, *zor'a* / *zor* (држ.) ‘зоря’, *z'irkalo* / *z'erkal* (држ.) ‘зеркало’, *že* ‘тот’, *žiivatta* / *živtt* (држ.) ‘скотина’, *žuadnoi* ‘жадный’, *herneh* ‘горох’, *jawho* / *jawh* (држ.) ‘мука’, *jiä* ‘лед’, *tuato* / *tuat* (држ.) ‘мама’, *mämmi* / *mämm* (држ.) ‘солодяга’, *nain'e* / *nain* (држ.) ‘женщина’, *nän'n'i* / *nän'n* (држ.) ‘грудь (женская)’, *lullu* (тлм., всг.) ‘глиняный петушок-свистулька’, *löwly* / *löwl* (држ.) ‘пар’, *ruis* ‘рожь’, *r'iahkä* / *r'iahk* (држ.) ‘грех’.

Анализ диалектного материала показал, что в начале слова в исконной лексике представлены преимущественно согласные *p, t, t', k, č, v, š, h, j, m, n, l, r*, тогда как в заимствованиях из русского языка могут выступать и практически все остальные согласные звуки.

Следует обратить внимание на некоторые моменты, касающиеся особенностей произношения отдельных согласных звуков, а также занимаемых ими в слове позиций.

Согласный *dž* выступает только в середине слова, а полугласный согласный *w* только в качестве заключительного компонента дифтонгов или трифтонгов, в позиции перед согласным или на конце слова. Полугласный *w* занимает срединную позицию между лабиальными гласными верхнего подъема и губно-губным щелевым согласным *v*, который выступает преимущественно перед гласными звуками. Поскольку нет позиций, в которых звуки *w* и *v* взаимозаменялись бы (за исключением отдельных говоров, где *w* перешел в *v*), нельзя считать их вариантами одной фонемы [Беляков 1949: 81].

В положении перед палатальными согласными *g, k* выступает аллофон переднеязычного согласного *n* – заднеязычный [ŋ], который в сборниках образцов речи принято обозначать соответствующим знаком. Напр., **пвс.:** *hangi / hang* (држ.) ‘сугроб’, *hangō / hang* (држ.) ‘вилы’, *heŋgi / heŋg* ‘дыхание’, *hiŋgalo / hiŋgal* (држ.) ‘шесток печи’, *kangaš* ‘ткань’, *kengä / keng* (држ.) ‘обувь’, *kolmenke* ком. ед. от *kolme / kolm* ‘три’, *langa / lang* (држ.) ‘нитка’, *laŋgeta / laŋgta* (држ.) ‘падать’, *reŋgi / reŋg* (држ.) ‘ведро’, *vanguo / vanġu* (држ.) ‘скулить’. Явление возводится исследователями еще к прибалтийско-финскому праязыку [см. Tugunen 1946: 272]. Поскольку смысловоразличительной функцией описываемое явление не обладает и не обнаруживает диалектных отличий (как в случае с полугласным *w*), предлагается не выделять его далее особым символом.

Согласный звук *h* представлен двумя аллофонами, отличающимися по напряженности. Заднеязычный щелевой *h*, выступающий в начале слова, значительно менее напряженный, чем звук *h*, представленный в середине слова и в заимствованной лексике, напр., **пвс.:** *hangō / hang* (држ.) ‘вилы’, *harakka / harakk* (држ.) ‘сорока’, *hebo / heb* (држ.) ‘лошадь’, *higi / hig* (држ.) ‘под’, *huigie / huigi* (држ.) ‘стыдно’, *huvä / huv* (држ.) ‘хороший’, *ahaš* ‘тесный’, *puhaš* ‘чистый’.

В абсолютном конце слова в тверских карельских диалектах возможны согласные *h, l, l', n, r, s', š, t*, а также полугласный *w*. Напр.: **пвс.:** *herneh* ‘горох’, *kod'ih* илл. ед. от *kod'i / kod'* (држ.) ‘дом’, *veneh* ‘лодка’, *šammal* ‘мох’, *vemmel* ‘дуга’, *paimen* ‘пастух’, *tulen* 1 л. ед. през. инд. от *tulla / tull* (држ.) ‘приходить’, *päisär* ‘костра’, *s'izär* ‘сестра’, *jän'is* ‘заяц’, *kaččois* 3 л. ед. имп. конд. от *kaččuo / kačču* (држ.) ‘смотреть’, *kangaš* ‘полотно’, *kirveš* ‘топор’, *vereš* ‘свежий’, *lyhyt* ‘короткий’, *vel'l'et* ном. мн. от *vel'l'i / vel'l'* (држ.) ‘брат’, *puw* ‘дерево’.

В держанском диалекте количество вариантов согласных, выступающих в абсолютном конце слова, значительно выше, что является следствием апокопы. Здесь на конце слова возможны также геминаты и сочетания согласных. Напр.: **држ.:** *papp* ‘поп’, *buab* ‘бабушка’, *jät't* ‘он оставил’, *pad* ‘горшок’, *häd* ‘беда’, *jog* ‘река’, *hukk* ‘волк’, *ič* ‘сам’, *omis vuatteis* инесс. мн. от *om vuat* ‘своя одежда’, *lapš* ‘ребенок’, *kiv* ‘камень’, *viiz* ‘пять’, *važ* ‘теленос’, *šom* ‘красивый’, *alan* ‘рукавица’, *kakkar* ‘блин’, *ver* ‘кровь’, *kaikk šub* ‘абсолютно все’.

Необходимо отметить, что согласный звук *n*, выступающий на конце слова, поддается регрессивной ассимиляции. Явление фонетически обусловлено, встречается во всех диалектах карельского языка, а также в других прибалтийско-финских языках [см., напр., Turunen 1946: 291–293]. Ассимиляции подвержен согласный *n* конца первого компонента сложных слов и словосочетаний, второй компонент которых начинается на согласные *m, p, b, l, v*. Напр., **тлм.:** *t'ämpiänä* (*n > m*) ‘сегодня’, *Hiäm män'i oz'oraa rannalla*. (*n > m*) [TJNKS: 103] ‘Он отправился на берег озера.’, *D'iedolluoh, buabolluoh himottaw*. (**n > l*¹) [ОКР: 59] ‘К бабушке, к дедушке хочется.’; **всг.:** *Om mon'i Iivavampäiviä*. (*n > m*) [NKK: 240] ‘Есть несколько Ивановых дней.’, *Kem män'i hevos't'a rawvottamah šygyžyllä, keviällä phuigua kohendamah*. (*n > m*) [NKK: 242] ‘Кто шел лошадь подковать осенью (в кузницу), весной плуг починить.’; **држ.:** *Iivnampäiv* (*n > m*) ‘Иванов день’, *Ka miwl om poig*. (*n > m*) [СКГ: 88]

¹ Окончания падежа послеложного образования аппроксиматива *-lluo / -llyö, -lluoh / -llyöh* в толмачевском и весьегонском диалектах и *-llua / -llyä, -llu / -lly, -lluh / -llyh* в держанском образованы от генитивной формы имени с показателем *-n*, подвергшимся регрессивной ассимиляции, и послелога *luo* ‘к, у, около’.

‘Вот у меня есть сын.’, *om bruid* ($n > m$) [СКГ: 105] ‘есть пруд’, *A ken om t_uan’ kun rozboin’kalleh.* ($n > m$) ‘А кто как разбойник.’ [СКГ: 148], ... *i puamet’ t’ miwl om y_iäl’ hyv.* ($n > m$) [СКГ: 9] ‘... и память у меня еще хорошая.’, *läl’ l’ tytöllyä gul’ aijah, šid’ briha_{ll}uw gul’ aijah.* ($*n > l$) [ДКТ: 104] ‘Сперва у девушки гуляют, потом у парня гуляют.’

Если обратиться к истории становления системы согласных тверских диалектов карельского языка, то становится понятным, что согласные звуки *p, t, k, s, h, j, m, n, l, r, v* восходят еще к прибалтийско-финскому языку-основе. Карелы Корельского уезда поддерживали связи с Новгородом, вели торговлю, для чего было необходимо владение русским языком; в уезд переселялось русское население. Все это не могло не отразиться на фонетической системе древнекарельского языка, который пополнил инвентарь согласных фонем звонкими шумными, аффрикатой *č*, новыми сочетаниями согласных и сочетаниями из трех согласных, а также палатализованными согласными [Kalima 1934; Беляков 1949: 83–98; Leskinen 1964: 99; Leskinen 1998: 357, 378–380].

Глухие смычно-взрывные согласные *k, t, p* древнекарельского языка озвончались в звонком фонетическом окружении, доказательством чего являются зафиксированные в писцовых книгах Водской пятины XVI–XVII вв. топонимы со звонкими согласными [см. Tunkelo 1938: 21; Leskinen 1964: 98]. Со временем использование звонких согласных стало возможным и в начале слова, речь идет не только о заимствованной и дескриптивной лексике, озвончение произошло и в отдельных исконных лексемах, например, **пвс.:** *buola / bual* (држ.) ‘брусника’ [Leskinen 1998: 378].

Возникновение звонких щелевых *z, ž*, а также глухого шипящего *š*, вызванное влиянием русского языка, некоторые исследователи относят к периоду функционирования древнекарельского языка [см., напр., Kalima 1934: 255], другие же считают явление более поздним [см. Virtaranta 1984: 260–261]. Прибалтийско-финский щелевой согласный *s* в тверских карельских диалектах представлен шестью вариантами (*s, s', š, z, z', ž*), каждый из которых употребляется в определенной позиции, дистрибуция этих согласных обнаруживает существенные диалектные отличия¹.

¹ О дистрибуции свистящих и шипящих согласных смотри подробнее в разделе 1.2.2. Дистрибуция согласных *š, ž / s, z*.

Глухой шипящий *š* получил широкое распространение в тверских диалектах карельского языка. Он выступает в начале и на конце слова, в середине слова в глухой фонетической позиции (в сочетаниях согласных, вторым компонентом которых выступает глухой согласный или в виде геминаты), а также в заимствованиях, не представлен лишь в положении после гласного *i*, за исключением восточных весьегонских говоров и заимствованной лексики. Напр., **пвс.**: *šada* / *šad* (држ.) ‘сто’, *šel’gä* / *šel’g* (држ.) ‘спина’, *šil’mä* / *šilm* (држ.) ‘глаз’, *šieglä* / *šiägl* (држ.) ‘сито’, *šie* / *šiä* (држ.) ‘ты’, *kyynyš* ‘порог’, *lammaš* ‘овца’, *muššat* ‘черные’, *leššet* ‘вдовы’, *kakši* / *kakš* (држ.) ‘два’, *kekši*w 3 л. ед. през. инд. от *kekšie* / *kekši* (држ.) ‘догадаться’, *lapši* / *lapš* (држ.) ‘ребенок’, *ošti* / *ošt* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *oštua* / *oštu* (држ.) ‘покупать’, *ruoška* / *ruašk* (држ.) ‘кну́т’, *šukši* / *šukš* (држ.) ‘лыжина’, *mašinät* ‘машины’; **тлм.**, **всг.**: *šiär’i* ‘голенище’; **всг.**: *ištuw* 3 л. ед. през. инд. от *ištuo* ‘сидеть’, *koišša* инесс. ед. от *kod’i* ‘дом’, *kiškow* 3 л. ед. през. инд. от *kiškuo* ‘драть’; **тлм.**: *viišen’ja* ‘вишня’.

Палатализованный *s’* встречается в середине переднерядных лексем в глухой фонетической позиции в положении после или перед гласным *i* (в сочетаниях согласных или в виде геминаты), а также на конце слова в положении после гласного *i* и в заимствованной лексике. В восточных весьегонских говорах, а также непоследовательно в северных толмачевских говорах одиночный *s’* представлен достаточно широко в положении перед гласными переднего ряда. Напр., **пвс.**: *is’kōw* 3 л. ед. през. инд. от *is’kie* ‘бить’, *ris’t’i* / *r’is’t’i* / *ris’t* (држ.) ‘крест’, *yks’i* / *yks’* ‘один’, *jānis* ‘заяц’, *ruis* ‘рожь’, *andais* 3 л. ед. имп. конд. от *andua* / *anda* (држ.) ‘давать’, *s’iemen* / *s’iämen* (држ.) ‘семя’, *s’inčo* / *sin’č* (држ.) ‘сени’; **тлм.**, **всг.**: *huovis* ‘дешевый’, *s’ieglä* ‘сито’; **држ.**: *huavis* ‘дешевый’; **всг.**: *lypsän* 1 л. ед. през. инд. от *lypšiä* ‘доить’, *s’ie* ‘ты’, *s’ieglä* ‘сито’, *s’il’mä* ‘глаз’, *s’iär’i* ‘голе́нище’, *sel’gä* ‘спина’,

s выступает преимущественно в глухой фонетической позиции в заднерядных лексемах в положении после гласного *i* (в сочетаниях согласных или в виде геминаты), возможен и на конце слова в северных говорах толмачевского диалекта, а также в заимствованиях из русского языка. Напр., **пвс.**: *issun* 1 л. ед. през. инд. от *istuo*

/ *istu* (држ.) ‘сидеть’, *koissa* / *koiss* (држ.) инесс. ед. от *kod'i* / *kod'* (држ.) ‘дом’, *laiska* / *laisk* (држ.) ‘ленивый’, *muissan* 1 л. ед. през. инд. от *muistua* / *muistu* (држ.) ‘помнить’, *paissa* / *paiss* (држ.) ‘говорить’, *puistaw* 3 л. ед. през. инд. от *puistua* / *puistu* (држ.) ‘трясти’, *sus'ieda* / *sus'id* (држ.) ‘сосед’; **тлм.**: *huovis* ‘дешевый’.

Звонкий шипящий *ž* представлен в звонкой фонетической позиции в середине слова, а также в начале слова в заимствованной из русского языка лексике. Напр., **пвс.**: *važa* / *važ* (држ.) ‘теленоч’, *kežä* / *kež* (држ.) ‘лето’, *kuwži* / *kuwž* (држ.) ‘шесть’, *vuoži* / *vuaž* (држ.) ‘год’, *konža* / *konž* (држ.) ‘когда’, *moržien* / *moržim* (држ.) ‘жена’, *žiivatta* / *živtt* (држ.) ‘скотина’, *žual'i* / *žjal'i* / *žual* (држ.) ‘жаль’.

Согласный *z* выступает в середине слова в звонкой фонетической позиции, в том числе перед согласным *r*, в заднерядных лексемах в положении после гласного *i*, преимущественно в косвенных падежных формах имен на *-ne*, а также в заимствованной лексике. Напр., **пвс.**: *kežrätä* / *kež'rät* (држ.) ‘прясть’, *ozra* / *ozr* (држ.) ‘ячмень’, *pagizen* ‘я говорю’, *kar'ielazet* ‘карелы’, *toizet* ‘другие’, *kazakat* ‘батраки’; **тлм.**, **всг.**: *kizata* ‘играть’.

Палатализованный *z'* представлен в середине слова в позиции перед гласным *i* или в переднерядных лексемах после гласного *i*, а также в весьегонских говорах в косвенных падежных формах имен на *-ne*. Напр., **пвс.**: *az'ie* / *az'* (држ.) ‘дело’, *viiz'i* / *viiz'* (држ.) ‘пять’, *izän'dä* / *izän'd'* (држ.) ‘хозяин’, *pizyö* / *pyzyö* / *pizy* (држ.) ‘держаться’; **всг.**: *kuldaz'et* ‘золотые’, *harakkaz'et* ‘сороки’.

Очевидно, к периоду функционирования древнекарельского языка относится и формирование мягкой аффрикаты *č* из твердой прибалтийско-финской аффрикаты *ts*, вызванное влиянием русского языка [см. Leskinen 1964: 99]. Со временем, в итоге озвончения согласного *č*, сформировалась аффриката *dž*, напр., **тлм.**, **всг.**: *čidžilyškä* ‘ящерица’, *kridžahtua* ‘скрипнуть’, *l'iedžu* ‘качели’; **тлм.**: топоним *Vindža*; **всг.**: *l'iadžö* ‘лужа’, *mandžo* ‘земляника’; **држ.**: *kidž* ‘корюшка’, *krudžaimah* 3 инф. илл. от *krudžat* ‘скрипеть’.

Влияние русского языка продолжилось позже уже на уровне современных карельских наречий. Очевидно, что для фонетической

системы карельского языка изначально было нехарактерно наличие согласных звуков *f*, *s*, которые вместе с заимствованной лексикой распространились во все современные карельские диалекты [Беляков: 11]. Напр., **тлм.**, **всг.**: *cirkul'i* 'циркуль', *fan'era* 'фанера', *forma* 'форма', *fors'ie* 'форсить'; **држ.**: *cigan* 'цыган', *finn* 'финн'.

Анализ лексики русского происхождения в карельских диалектах позволяет сделать вывод о том, что заимствование звуков *s* и *f* произошло относительно недавно, одновременно в разные диалекты карельского языка, поскольку, как показывают примеры, изначально в процессе освоения русских заимствований на месте согласного *ц* выступала аффриката *č*, а на месте *f* какой-либо другой согласный [Kalima 1952: 68–71]. Напр., **пвс.**: *bol'n'ičča* / *bol'n'ičč* (држ.) < больница, *božn'ičča* / *božn'ičč* (држ.) < божница, *jäiččä* / *jäič* (држ.) < яйцо, *kol'ča* / *kol'č* (држ.) < кольцо, *mel'l'iččä* / *mel'l'ičč* (држ.) < мельница, *Muasl'enča* / *Muasl'en'č* (држ.) < Масленица, *ogurča* / *ogurč* (држ.) < огурец, *škuappa* / *škuap* (држ.) < шкаф, *sver'ez'i* (тлм., всг.) < ферязь (диал.); или в именах личных **тлм.**, **всг.**: *Hil'ippä* < Филипп, *Hodar'i* / *Hod'o* < Федор, *Jehimä* / *Ješu* < Ефим, *Jehro* / *Ohrema* < Ефрем, *T'oka* < Фекла; **всг.**: *Opi* < Ефимья; **тлм.**: *Opo* < Ефросинья [Virtaranta 1992: 138–142].

1.2.2. Дистрибуция согласных *š*, *ž* / *s*, *z*

Важнейшим фонетическим признаком, маркирующим группы говоров тверских диалектов карельского языка, является дистрибуция переднеязычных щелевых согласных (*š*, *ž* / *s*, *z*) [см. Атлас: к. 74–100]. Употребление того или иного согласного зависит от его позиции в слове (начало, середина, конец), передне- или заднерядной огласовки слова, а также от непосредственного фонетического окружения. В этом отношении можно выделить три группы говоров (приложения 10, 11):

1) наиболее многочисленной является группа, к которой относятся толмачевские, держанские и западные («толстоязычные») говоры весьегонского диалекта (Чухарево, Тимошкино, Терпигора, Верхнее, Чернягино, Батиха и др.), в которых согласные *š*, *ž* употребляются в любых позициях слова, независимо от того, является оно предне- или заднерядным, за исключением позиции после

гласного *i* или дифтонга на *i*, как в середине, так и на конце слова, а также переднерядных и некоторых заднерядных лексем, в которых согласный выступает в положении перед гласным *i*, когда употребляются согласные *s*, *z* (*s'*, *z'*) (следует отметить, что из приведенного правила во всех говорах удалось обнаружить некоторое число исключений). Напр.: **пвс.:** *kakši* / *kakš* (држ.) ‘два’, *kekšiw* 3 л. ед. през. инд. от *kekšie* / *kekši* (држ.) ‘догадываться’, *kyläššä* / *kyläšš* (држ.) инесс. ед. от *kylä* / *kyl'* ‘деревня’, *lapši* / *lapš* (држ.) ‘ребенок’, *ošti* / *ošt* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *oštua* / *oštu* ‘покупать’, *šada* / *šad* (држ.) ‘сто’, *šeiväš* ‘шест’, *šepä* / *šep* ‘дрожжи, кузнец’, *šie* ‘ты’, *šieglä* / *šiägl* (држ.) ‘сито’, *šil'mä* / *šil'm* (држ.) ‘глаз’, *šukši* / *šukš* (држ.) ‘лыжина’, *šygyž* / *šygyž* (држ.) ‘осень’, *šärgi* / *šärg* (држ.) ‘плотва’; **тлм.:** *aštie* ‘посуда’, *keški* ‘середина’, *lypšiä* ‘доить’, *läššä* ‘около’, *pereheštä* элат. ед. от *pereh* ‘семья’, *šeizuo* ‘стоять’, *šija* ‘место’, *šilloin* ‘тогда’, *šyvä* ‘глубокий’, *yhekšän* ‘девять’, *yheššä* ‘вместе’; **всг.:** *käskie* ‘просить’, *laškie* ‘выпускать’, *mušta* ‘черный’, *nuoruš* ‘молодость’, *otašša* инесс. ед. от *ota* ‘свой’, *pakši* ‘толстый’, *rahvaš* ‘народ’, *rieška* ‘пресный’, *šaniu* ‘говорить’, *šielä* ‘там’, *šie* ‘ты’, *šomuš* ‘красота’, *šuat'en* ‘до’, *šuatua* ‘проводить’, *šyl'gie* ‘плевать’, *šyvä* ‘глубокий’, *šyöt't'ä* ‘кормить’, *tuaš* ‘опять’, *val'l'aštua* ‘запрягать’; **држ.:** *šiid* ‘затем’, *šuwv* ‘есть’, *šilloin* ‘тогда’, *yhekšän* ‘девять’;

с: **пвс.:** *is'kōw* 3 л. ед. през. инд. от *is'kie* / *is'ki* (држ.) ‘бить’, *istuo* / *istu* (држ.) ‘сидеть’, *kiskow* 3 л. ед. през. инд. от *kiskuo* / *kisku* (држ.) ‘драть’, *koissa* / *koiss* (држ.) инесс. ед. от *kod'i* / *kod'* (држ.) ‘дом’, *laiska* / *laisk* (држ.) ‘ленивый’, *andais* 3 л. ед. имп. конд. от *andua* / *anda* (држ.) ‘давать’, *uks'i* / *uks'* (држ.) ‘один’; **тлм.:** *korvista* элат. мн. от *korva* ‘ухо’, *pois* ‘прочь’, *päisär* ‘кострика’; **всг.:** *paissa* ‘говорить’, но *koišša* от *kod'i* ‘дом’, *n'ed'el'iššä* от *n'ed'el'i* ‘неделя’ (Чухарево); **држ.:** *muistu* ‘помнить’, *paiss* ‘говорить’;

ž: **пвс.:** *hirži* / *hirž* (држ.) ‘бревно’, *kežä* / *kež* (држ.) ‘лето’, *kynži* / *kynž* (држ.) ‘ноготь’, *kužyö* / *kužy* (држ.) ‘спрашивать’, *täwži* / *täwž* (држ.) ‘целый’, *uwži* / *uwž* (држ.) ‘новый’, *vuoži* / *vuaž* (држ.) ‘год’; **тлм.:** *enžimän'e* ‘первый’; **всг.:** *kažvua* ‘расти’, *käržyö* ‘терпеть’, *nowžen* 1 л. ед. през. инд. от *nowšša* ‘вставать’, *pežöw* 3 л. ед. през. инд. от *peššä* ‘мыть’, *ražie* ‘сочный’, *že* ‘тот’, *važa* ‘теленки’; **држ.:** *karžin* ‘подпол’, *lužikk* ‘ложка’, *že* ‘тот’;

z: пвс.: *aiza* / *aiz* (држ.) ‘оглобля’, *izän'dä* / *izän'd* (држ.) ‘хозяин’, *l'izätä* / *l'izät* (држ.) ‘добавлять’, *viiz'i* / *viiz* (држ.) ‘пять’, *end'izet* / *end'zet* (држ.) ‘бывшие’, *käz'i* / *käz* (држ.) ‘рука’, *az'ie* / *az'i* (држ.) ‘дело’, *kaz'i* / *kaz* (држ.) ‘кошка’, *luz'ikka* / *luz'ikk* (држ.) ‘ложка’; тлм.: *ed'izeh* ‘вперед’, *kizata* ‘играть’, *šeizattua* ‘устанавливать’, *s'iiz'ima* ‘сковородник’, но *viizäš* ‘умный’; држ.: *naiz'et* ‘женщины’, *s'izär* ‘сестра’, *toizet* ‘другие’.

Аналогичным образом дистрибуция переднеязычных щелевых согласных представлена в тунгудских, шуэзерских, ругозерских и ребольских говорах карельского языка Республики Карелия, а также в валдайском диалекте;

2) группа восточных весьегонских говоров (Мосеевское, Беньково, Труфаново, Покрышкино, Поцеп, Остолопово, Коровкино, Петряево, Дюдиково, Копаево, Климантино и др.), в которой выбор щелевого согласного зависит преимущественно от рядности гласных слова, т. е. свистящие *s* и *z* (*s'*, *z'*) выступают в позиции перед гласными переднего ряда и мягкими согласными («говорят потоньше»), в положении перед гласными заднего ряда независимо от предшествующего гласного представлены согласные *š*, *ž*. Кроме того, использование согласных *s*, *z* (*s'*, *z'*) возможно и в некоторых словах заднерядной огласовки: всегда в начале слова в позиции перед гласными *i*, *e*, а также в середине слова в положении до или после гласного *i*. Напр.: *s: jäl'l'es't'i* ‘следом’, *kes'ie* ‘догадываться’, *kes'ki* ‘середина’, *kiässä* инесс. ед. от *käz'i* ‘рука’, *kylässä* инесс. ед. от *kylä* ‘деревня’, *lyps'ia* ‘доить’, *lässä* ‘около’, *mies'tä* парт. ед. от *mies* ‘человек’, *per'ehessä* инесс. ед. от *per'eh* ‘семья’, *pölläs'työ* ‘испугаться’, *riihessä* инесс. ед. от *riihi* ‘рига’, *s'eiväs* ‘шест’, *s'el'gä* ‘спина’, *s'e* ‘тот’, *s'eppä* ‘дрожи, кузнец’, *s'ie* ‘ты’, *s'iaŋ'i* ‘голенище’, *s'iidä* ‘затем’, *s'ilmä* ‘глаз’, *sygyzy* ‘осень’, *syvä* ‘глубокий’, *sywvä* ‘есть’, *särgi* ‘плотва’, *ver'es'tä* парт. ед. от *ver'es* ‘свежий’, *yheksän* ‘девять’, *yhessä* ‘вместе’, *s'eizuo* ‘стоять’, *s'ieglä* ‘сито’, *s'ija* ‘место’, *s'illoin* ‘тогда’, *as'tie* ‘посуда’, *kaks'i* ‘два’, *laiska* ‘ленивый’, *laps'i* ‘ребенок’, *muis'tja* ‘помнить’;

š: aštuo ‘шагать’, *hawvašša* инесс. ед. от *hawda* ‘яма’, *ištuo* ‘сидеть’, *kaheksän* ‘восемь’, *kiškuo* ‘драть’, *lapši* ‘ребенок’, *rewnašša* ‘рядом’, *šada* ‘сто’, *šaniuo* ‘сказать’, *šjattja* ‘проводжать’, *šormi* ‘палец’, *šukši* ‘лыжина’, *šuo* ‘болото’, *šuola* ‘соль’, *tjaš* ‘опять’, *tukišta*

элат. ед. от *tukka* ‘волосы’, *kaččuošša* 2 инф. инесс. от *kaččuo* ‘смотреть’, *vuotjašša* 2 инф. инесс. от *vuottja* ‘ждать’, *vieraš* ‘гость’;

z: *end'izet* ‘бывшие’, *en'z'imän'e* ‘первый’, *hirz'i* ‘бревно’, *izän'dä* ‘хозяин’, *kezä* ‘лето’, *kynz'i* ‘ноготь’, *kyz'ellä* ‘спрашивать’, *käz'i* ‘рука’, *s'ez'e* ‘этот’, *täyz'i* ‘целый’, *az'ie* ‘дело’, *kaz'i* ‘кошка’, *luz'ikka* ‘ложка’;

ž: *s'ežo* ‘этот’, *toži* ‘правда’, *uuzi* ‘новый’, *varža* ‘жеребенок’, *vuoži* ‘год’.

Аналогичная дистрибуция свистящих и шипящих согласных характерна для паданских говоров карельского языка [см. Virtaranta 1946: 10–17]. В тихвинском диалекте карельского языка, как и в весьегонском, существуют внутридиалектные отличия в употреблении согласных *s* / *š*, *z* / *ž* [см. Рягоев 1977: 31].

В восточном весьегонском говоре с. Чамерово, независимо от ряда гласных слова, выступает свистящий согласный («тонкоязычные»), как это характерно, например, для поросозерских собственно карельских говоров Республики Карелия, напр.: *suola* ‘соль’, *suo* ‘болото’, *suossa* инесс. ед. от *suo* ‘болото’.

В отдельных центральных говорах весьегонского диалекта (напр., Можайка, Бухрово и др.) никакой последовательности в дистрибуции свистящих и шипящих в переднерядной позиции, в отличие от заднерядной, не наблюдается, напр., *jäl'l'es't'i* ‘следом’, *mieštä* парт. ед. от *mieš* ‘человек’, *pert'iz'essä* инесс. ед. от *pert'in'e* ‘изба’ (дим.), *šeiččimen* ‘семь’, *šeinä* ‘стена’, *s'eizuo* ‘стоять’, *s'ielä* ‘там’, *šinne* / *s'in'n'e* ‘туда’, *šiidä* ‘затем’, *s'ijä* ‘место’, *s'ilda* ‘мост’, *s'ia* ‘погода’, *nowži* 3 л. ед. имп. инд. от *nowšša* ‘вставить’, *kuwži* ‘шесть’, *kangaš* ‘ткань’, *olemašša* 3 инф. инесс. от *olla* ‘быть’, *ošsettih* 3 л. мн. имп. инд. от *oštia* ‘покупать’, *ruoška* ‘кнут’, *šaniu* ‘говорить’, *šoma* ‘красивый’, *šulahan'e* ‘жених’, *tulemašša* 3 инф. инесс. от *tulla* ‘приходить’, *šorža* ‘утка’;

3) группа переходных говоров (северные говоры толмачевского диалекта: Ремчино, Блудницы, Трестна, Райда, Воздвиженка, Горячево, Ключевое, Стыково, Нарехово, Острые Луки, Кулаково, Быки, Афимьяново, Городок, Лукино, Спирово и др.), в которых дистрибуция переднеязычных щелевых согласных, выступающих в положении перед гласными переднего ряда, представлена непосле-

довательно, но преимущественно все-таки как в первой из предложенных групп, в позиции же после гласного *i* выступают согласные *s*, *z*, а в остальных позициях *š*, *ž*. Напр., *š* / *s*: *kaks'i* / *kakši* 'два', *s'eiväš* / *šeiväš* 'шест', *s'el'gä* / *šel'gä* 'спина', *s'ieglä* / *šieglä* 'сито', *s'ien'i* / *šien'i* 'гриб', *s'iär'i* / *šiär'i* 'голенище', *s'il'mä* / *šil'mä* 'глаз';

š: *kekšie* 'догадаться', *lapši* 'ребенок', *ošti* 3 л. ед. имп. инд. от *oštua* 'покупать', *šada* 'сто', *šukši* 'лыжина';

s: *is'kie* 'бить', *kiskuo* 'драть';

ž / *z*: *hirži* / *hirz'i* 'бревно', *kežä* / *kezä* 'лето', *kynži* / *kyn'z'i* 'ноготь', *šygyzy* / *šygyžu* 'осень', *täwži* / *täwz'i* 'целый', *uwži* / *uuz'i* 'новый';

z: *az'ie* 'дело', *end'izet* 'бывшие', *izän'dä* 'хозяин', *kaz'i* 'кошка', *kiza* 'игра', *käz'i* 'рука', *l'izätä* 'добавлять', *luz'ikka* 'ложка', *pyzyö* 'держаться', *viiz'i* 'пять'.

Столь пестрое представительство переднеязычных свистящих и шипящих согласных в карельских диалектах можно объяснить, прибегнув к данным истории языка. Согласно П. Виртаранта, шипящие согласные не были характерны для фонетической системы древнекарельского языка, поскольку отсутствуют в диалекте Саво финского языка и ижорском языке [см. Virtaranta 1984: 260]. Однако нельзя исключать возможности, что шипящие согласные пришли в древнекарельский язык в результате влияния русского языка на заключительном этапе его функционирования, доказательством чего являются зафиксированные в писцовых книгах того времени топонимы, содержащие согласные *з*, *ж*, *ш* [см. Kalima 1934: 255–256]. Так или иначе, в определенных фонетических позициях согласные *s*, *z* перешли в *š*, *ž*. В современных карельских диалектах явление получило различное продолжение, не менее важно здесь учитывать также влияние соседних языков и внутриязыковых контактов [см. Бубрих 1947: 151–159]. Отсутствие единства в употреблении свистящих и шипящих сибилантов на уровне говоров является одной из отличительных фонетических черт южнокарельской подгруппы собственно карельского наречия, тогда как в севернокарельских диалектах преобладающим является шипящий согласный, а в ливвиковских – свистящий [Бубрих 1947: 131–132; Атлас: к. 74–100]. Очевидно, столь пестрое представительство свистящих

и шипящих в южнокарельских диалектах собственно карельского наречия сформировалось уже в период их самостоятельного развития.

Особенность дистрибуции переднеязычных щелевых согласных (*š, ž / s, z*) в восточных весьегонских говорах в сравнении с остальными тверскими карельскими диалектами можно объяснить переселением сюда карелов с территории бывшей Паданской волости, в карельских говорах которой описываемое явление представлено аналогичным образом. Согласно данным, записанным финляндскими исследователями в конце XIX в., по причине голода и набегов шведов в XVII в. население целой д. Сельги ушло в центральную Россию. В одной из своих поездок в Карелию П. Виртаранта услышал от одного из жителей д. Сельги рассказ о том, что его предки переселились в деревню «*Pogreloi*» [см. Virtaranta 1961: 42–44]. В Тверской области на исторических карельских территориях есть как минимум четыре деревни с созвучным названием Погорелое Городище в Зубцовском районе (держанский диалект), Погорельцево в Лихославльском районе и Погорельцы в Рамешковском районе (толмачевский диалект), а также Погорелово в Весьегонском районе. И если речь шла именно о последнем, то все встает на свои места. Непоследовательное представительство явления в северных говорах толмачевского диалекта, в свою очередь, можно объяснить их положением в «зоне вибрации».

1.2.3. Геминаты

Гемината является фonomорфологической разновидностью согласного. Гемината (двойной согласный, долгий согласный) – согласный, при артикуляции которого происходит задержка размыкания [Ахманова 2007: 140, 437].

Противопоставление геминат и одиночных согласных, обусловленное наличием минимальных пар, характерно для всех тверских диалектов карельского языка, оно играет важную смысловоразличительную роль, напр.: **тлм.**, **всг.**: *ana* ‘пусть’ част. – *anna* 2 л. ед. имп. от *andua* ‘давать’, *kana* ‘курица’ – *kanna* 2 л. ед. имп. от *kandua* ‘нести’, *kero* ‘горло’ – *kerro* 2 л. ед. имп. от *kerduo* ‘сучить’.

Практически все согласные звуки (за исключением *b, d, g, c, dž, z, ž, f, h*) могут выступать как в виде одиночной согласной фонемы, так и в виде геминаты. Геминаты располагаются на границе слогов (как первого и второго, так и далее в слове), их составляющие относятся к разным слогам. Для держанского диалекта характерно наличие геминат и на конце слова, что является следствием апокопы. Следует отметить, что в данной позиции также возможно сокращение геминат до одиночного согласного.

Напр., **kk**: **пвс.:** *akka / akk* (држ.) ‘старуха’, *čikko / čikk* (држ.) ‘сестра’, *hukka / hukk* (држ.) ‘волк’, *kukko / kukk* (држ.) ‘петух’, *lowkko / lowkk* (држ.) ‘дырка’, *lukku / lukk* (држ.) ‘замок’, *pakkuoja / pakkui* (држ.) ‘нищий’, *pikkaran*’е ‘маленький’, *ukko / ukk* (држ.) ‘старик’;

tt / t't: **пвс.:** *alottua / alottu* (држ.) ‘начинать’, *aitta / aitt* (држ.) ‘амбар’, *avuttajan*’е ‘помощник’ (дим.), *el'et't'ih* 3 л. мн. имп. инд. от *el'ia / el'i* (држ.) ‘жить’, *lattiet / lattit* (држ.) ‘полы’, *nytten* ‘теперь’, *pattie* ‘строгий’, *jät't'ia / jät't'i* (држ.) ‘оставлять’, *šyöt't'ia / syöt't'ia* (всг.) / *syöt't'i* (држ.) ‘кормить’, *täwt't'el'en* 1 л. ед. през. инд. от *täwt't'ellä / täwt't'el'* (држ.) ‘наполнять’;

pp: **пвс.:** *appi / app* (држ.) ‘тесть’, *lorpu / lopp* (држ.) ‘конец’, *rappi / rapp* (држ.) ‘священник’, *reppänä / reppän* (држ.) ‘окошечко для вытяжки дыма’;

čč: **пвс.:** *eččie / ečči* (држ.) ‘искать’, *kaččuo / kačči* (држ.) ‘смотреть’, *meččä / mečč* (држ.) ‘лес’, *meččo / mečč* (држ.) ‘глухарь’, *očča / očč* (држ.) ‘лоб’, *počči / počč* (држ.) ‘поросенок’, *räččinä* ‘сорочки’, *šeiččimen* ‘семь’;

šš: **пвс.:** *aššun* 1 л. ед. през. инд. от *aštuo / aštu* (држ.) ‘шагать’, *laššen* 1 л. ед. през. инд. от *laškie / laški* (држ.) ‘отпускать’, *muššat* ‘черные’, *peššä / pešš* (држ.) ‘мыть’, *piäššä / piäšš* (држ.) ‘попадать’, *tunnuššella* ‘разузнать’;

ss / s's: **пвс.:** *issun* 1 л. ед. през. инд. от *istuo / istu* (држ.) ‘сидеть’, *koissa / koiss* (држ.) инесс. ед. от *kod'i / kod'* (држ.) ‘дом’, *missä / mis's* (држ.) ‘где’, *paissa / paiss* (држ.) ‘говорить’;

ll / l'l: **пвс.:** *jallat* ‘ноги’, *kuwlla / kuwll* (држ.) ‘слышать’, *olla / oll* (држ.) ‘быть’, *pellot* ‘поля’, *šilloin / s'illoin* (всг.) ‘тогда’, *jäl'l'es't'i / jäl'l'est* (држ.) ‘следом’, *kävellä / kävel'l'* (држ.) ‘ходить’, *mal'l'a / mal'l'* (држ.) ‘глубокое глиняное блюдо’, *n'ellä /*

n'el'l' (држ.) 'четыре', *pal'l'aš* 'голый', *piällä / piäl'l'* (држ.) 'на', *vel'l'i / vel'l'* (држ.) 'брат';

mm: **пвс.:** *amtiin* 1 л. ед. през. инд. от *ambuo /ambu* (држ.) 'стрелять', *amtiin* 'давно', *elämmä / elämm* (држ.) 1 л. мн. през. инд. от *el'ä / el'i* (држ.) 'жить', *enämmän* 'больше', *hammaš* 'зуб', *kymmen'en* 'десять', *lammaš* 'овца';

nn / n'n': **пвс.:** *ennen* 'раньше', *hännän* ген. ед. от *hän'dä / hän'd'* (држ.) 'хвост', *kannan* 1 л. ед. през. инд. от *kandua / kandu* (држ.) 'нести', *kunne / kunn* (држ.) 'куда', *l'inna / l'inn* (држ.) 'город', *min'n'a / min'n'* (држ.) 'невестка', *panna / pann* (држ.) 'класть', *šinne / šinn* (држ.) 'туда';

rr: **пвс.:** *kerran* 'однажды', *purra / purr* (држ.) 'кусать', *šarrašta / šarrašt* (држ.) элат. ед. от *šarga / šarg* (држ.) 'домотканное сукно', *žen verran* 'столько'.

Геминату образуют также полугласные звуки *v, j* с предшествующими неслоговыми компонентами нисходящих дифтонгов, напр.: **ij:** **пвс.:** *puija [puija] / puij [puij]* (држ.) 'молотить', *uijittih [ujjittih]* 'они ушли';

juv: **пвс.:** *hawvet [havvet]* 'щуки', *juwva / juwv* (држ.) 'пить'.

Отличительной особенностью тверских диалектов, как тихвинского и некоторых поросозерских и паданских говоров, а также ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, в сравнении с остальными собственно карельскими диалектами, является представительство на месте исторических геминат одиночных согласных в положении после сонантов *l, r* и *n* [Беляков 1949: 98; Атлас: к. 54–56]. Напр., **пвс.:** *maltua / malta* (држ.) 'понимать', *pert'i / pert'* (држ.) 'изба', *pilkuo / pilku* (држ.) 'колоть', *šulku / šulk* (држ.) 'шелк', *tartuo / tartu* (држ.) 'пристать', *turki* 'шкура', *venčä / ven'č* (држ.) 'венец', *värči / värč* (држ.) 'мешок'.

Сокращение геминат в данных позициях, очевидно, произошло уже в ходе самостоятельного развития диалектов, поскольку, в отличие от сочетаний согласных *lg, rg, ng, ld, rd, nd, lb, rb*, в рассматриваемых случаях сохранились глухие согласные. Исследователи начала прошлого века неоднократно констатировали в различных карельских диалектах ослабление геминаты, выступающей в положении после согласного звука [см. напр., Leskinen 1933: 41]. Способствовать сокращению геминаты, вероятно, могло и влияние

фонетической системы русского языка. Не исключено также, что рассматриваемое явление в южнокарельских диалектах имеет общие корни, что позволило бы говорить о более ранней истории его развития.

1.2.4. Сочетания согласных

Система согласных тверских диалектов карельского языка изобилует сочетаниями согласных, которые можно представить в виде таблицы¹.

Таблица 4

Сочетания согласных в тверских диалектах карельского языка

	p	t	k	b	d	g	č	s	š	z	ž	h	v	j	m	n	l	r
p	–	<u>pt</u>	<u>pk</u>						pš							<u>pn</u>	<u>pl</u>	<u>pr</u>
t		–	tk										<u>tv</u>	<u>tj</u>		<u>tn</u>		<u>tr</u>
k		<u>kt</u>	–					ks	kš							<u>kn</u>	<u>kl</u>	<u>kr</u>
b				–						<i>bz</i>				<u>bj</u>			bl	br
d				<u>db</u>	–						dž		dv	<u>dj</u>	<u>dm</u>	<u>dn</u>		dr
g						–										<u>gn</u>	gl	gr
č		<u>čt</u>	<u>čk</u>				–									<i>čm</i>		
s	<u>sp</u>	<u>st</u>	<u>sk</u>					–					<u>sv</u>		<u>sm</u>	<u>sn</u>	<u>sl</u>	<u>sr</u>
š		<u>št</u>	<u>šk</u>						–									
z				<u>zb</u>	<u>zd</u>					–			<u>zv</u>		<u>zm</u>	<u>zn</u>		zr
ž					<u>žd</u>						–			<u>žj</u>		<u>žn</u>		
h		ht	hk									–	hv	hj	hm	hn	hl	hr
v													–			<u>vn</u>	<u>vl</u>	
m	mp		<i>mk</i>	mb											–	mn	ml	
n		nt	nk	nb	nd	ng	nč				nž	nh		nj		–		
l	lp	lt	lk	lb	ld	lg	lč		lš		lž	lh	lv		lm	ln	–	
r	<u>rp</u>	rt	rk	rb	rd	rg	rč		rš	<u>rz</u>	rž	rh	rv	rj	rm	rn		–

Сочетаемость согласных в тверских диалектах карельского языка представлена следующим образом. Для исконной карельской лексики характерны сочетания:

- смычных глухих с щелевыми и смычными глухими;
- смычных звонких с сонантами;

¹ Подчеркиванием в таблице отмечены наиболее часто употребляемые в заимствованной из русского языка лексике сочетания согласных. Курсивом отмечены сочетания, обнаруженные только в держанском диалекте.

- щелевых с сонантами, смычными глухими, щелевыми;
- сонантов с сонантами, смычными (глухими и звонкими), щелевыми.

В поздних заимствованиях возможны также сочетания смычных глухих с сонантами и редко щелевых со смычными звонкими.

Напр., **тлм.**, **всг.**: *briha* ‘парень’, *burha* ‘водоворот’, *edähkōz’enä* ‘далековато’, *hambahat* ‘зубы’, *harva* ‘редкий’, *hiilokšenke* ком. ед. от *hiiloš* ‘загнетка’, *hingalo* ‘шесток’, *huomnekšella* адесс. ед. от *huomeneš* ‘утро’, *hän’dä* ‘хвост’, *izän’dä* ‘хозяин’, *it’kie* ‘плакать’, *jalga* ‘нога’, *jäl’gi* ‘след’, *kagla* ‘шея’, *kagra* ‘овес’, *kando* ‘пень’, *kažvua* ‘расти’, *kengä* ‘обувь’, *kerda* ‘раз’, *keški* ‘середина’, *kez’rätä* ‘прясть’, *kobra* ‘горсть’, *kolme* ‘три’, *kolmetoista* / *kolmetois’t’a* (всг.) ‘тринадцать’, *konža* / *konže* ‘когда’, *korgie* ‘высокий’, *kumarduo* ‘кланяться’, *kurgi* ‘журавль’, *kumban’e* ‘который’, *kyl’vie* ‘сеять’, *kärbän’e* ‘муха’, *ladva* ‘вершина дерева’, *lapši* ‘ребенок’, *l’ehmä* ‘корова’, *l’ehti* ‘лист’, *l’eški* ‘вдова’, *makšuo* ‘платить’, *maltuo* ‘понимать’, *mintän* ‘почему’, *muhahtua* / *muhahtja* (всг.) ‘улыбаться’, *mušta* ‘черный’, *ozra* ‘ячмень’, *pakšu* ‘толстый’, *palkata* ‘нанимать на работу’, *peldo* ‘поле’, *pert’i* ‘изба’, *pudro* ‘каша’, *purdilo* ‘блюдо’, *šil’mä* / *s’il’mä* (всг.) ‘глаз’, *šalba* ‘крышка’, *šormi* ‘палец’, *vahna* ‘старый’, *varža* ‘жеребенок’, *vaški* ‘медь’, *ven’iählän’e* (всг.) ‘русский’, *vihko* ‘тряпка’, *värči* ‘мешок’, *yhekšän* ‘девять’, *yl’či* ‘целый’, *baršina* ‘барщина’, *burlakka* ‘бурлак’, *ferma* ‘ферма’, *griiva* ‘грива’, *guomno* ‘гумно’, *jes’l’i* ‘если’, *juablokka* / *jjablokka* (всг.) ‘яблоко’, *kl’iever’i* ‘клевер’, *kr’eposnoi* ‘крепостной’, *kriška* ‘крышка’, *metra* ‘метр’, *obied’na* ‘обедня’, *prava* ‘право’, *služie* ‘служить’, *škola* ‘школа’, *švedat* ‘шведы’, *traktora* ‘трактор’, *ud’el’noi* ‘удельный’, *usad’ba* ‘усадьба’, *venča* ‘венец’.

Для держанского диалекта характерны те же сочетания согласных, однако, их количество, а также частотность увеличивается за счет синкопы. Напр., **држ.**: *adr* ‘соха’, *ambuo* ‘стрелять’, *andu* ‘давать’, *aštu* ‘шагать’, *avand* ‘прорубь’, *bron’it* ‘вороны’, *huomnekšell* ‘утром’, *hän’dä* ‘хвост’, *it’ki* ‘плакать’, *is’ki* ‘бить’, *istuoči* ‘садиться’, *kagl* ‘шея’, *kahekšan* ‘восемь’, *kaikinken* ком. от *kaikk* ‘все’, *kandu* ‘носить’, *kažvu* ‘расти’, *kar’ielakš* ‘по-карельски’, *keldan* ‘желтый’, *kez’rät* ‘прясть’, *kočahtu* ‘прыгать’, *kodvazen* ‘недолго’, *kolm* ‘три’, *konž* ‘когда’, *korv* ‘ухо’, *kyl’ist* элат. ед. от *kyl* ‘деревня’.

kyl'mäht'i 'зябнуть', *kynd'i* 'пахать', *käški* 'просить', *lang* 'нитка', *lapš* 'ребенок', *laškie* 'пускать', *l'ehm* 'корова', *läks* '3 л. ед. имп. инд. от *läht'i* 'отправиться', *milm* парт. от *miä* 'я', *min'täh* 'почему', *mušt* 'черный', *nahk* 'шкура', *peld* 'поле', *ombell* 'шить', *paistih* '3 л. мн. имп. инд. от *paiss* 'говорить', *pandih* '3 л. мн. имп. инд. от *pann* 'класть', *šarg* 'пряжа', *šel'g* 'спина', *šiel'd* 'оттуда', *šorm* 'палец', *šuaru* 'сказка', *tahtu* 'хотеть', *talv* 'зима', *turk* 'шуба', *vanh* 'старый', *vaštah* 'навстречу', *yhekšän* 'девять', *uks'i* 'один', *ymbär* 'кругом'; *ad'ežd* 'одежда', *buks'orat* 'буксиры', *d'engat* 'деньги', *kalžut* 'галоши', *kartit* 'карты', *kičk* 'кича', *Muasl'enč* 'Масленица', *pečurk* 'печурка', *perfatk* 'завтрак', *počti* 'почти', *ravno* 'равно', *tor'elk* 'тарелка'; *el'täh* < *el'etäh* '3 л. мн. през. инд. от *el'i* 'жить', *hebz'et* < *heboz'et* 'лошади', *kortišk* < *korotiška* 'коротышка', *kučtah* < *kučutah* '3 л. мн. през. инд. от *kučču* 'звать', *riptetah* < *ripudetah* '3 л. мн. през. инд. от *riputu* 'вешать', *ruadmah* < *ruadamah* '3 инф. илл. от *ruadu* 'работать', *šantah* < *šanotah* '3 л. мн. през. инд. от *šanu* 'сказать'.

Метатеза в сочетании согласных *nh* : *hn* характерна для говоров толмачевского диалекта, при этом, как показывает соответствующая карта «Диалектологического атласа карельского языка» [Атлас: к. 51], сочетание *nh* выступает преимущественно в южных толмачевских говорах, в то время как *hn* – в северных), в весьегонском диалекте встречаем *hn*, в держанском *nh* (прил. 12), напр.: **тлм.**: *hanhi* 'дикий гусь', *tanhuo* / *tahnio* 'скотный двор', *vanha* / *vahna* 'старый', *vanhačču* / *vahnačču* 'дылда'; **всг.**: *hahn* 'дикий гусь', *tahnio* 'скотный двор', *vahna* 'старый'; **држ.**: *tanhu* 'скотный двор', *vanh* 'старый', *vanhemmat* 'родители'.

Приведенные примеры наглядно показывают, что сочетания согласных в исконной карельской лексике выступают на стыке первого и второго слогов и далее в слове. Наличие сочетаний согласных в начале слова характерно только для заимствований из русского языка и дескриптивной лексики, напр., **тлм.**: *kl'ukkan'e* 'клюка', *pl'ettie* 'плести', *pruwdu* 'пруд', *sn'imaija* 'снимать', *sporu* 'спор', *troppa* 'тропа'; *bl'iägyö* 'блеять', *bräihkiä* 'шуметь', *hloimua* 'хлопать', *hromšuttua* 'хрустеть', *kl'ikuttua* 'щелкать', *kriičkuttua* 'скрипеть', *plakuttua* 'равномерно стучать', *s'n'awgua* 'щелкать', *st'el'ie* 'быстро бежать', *tr'ieskaija* 'трескаться', *tr'ikkua* 'отскакивать',

tränškyt't'ia ‘раздаваться раскатами грома’; **всг.**: *čl'ena* ‘член’, *fronta* ‘фронт’, *kn'iiga* ‘книга’, *krija's'ie* ‘красить’, *pluwga* ‘плуг’, *procenta* ‘процент’, *traktora* ‘трактор’, *vlja's't'i* ‘власть’; *s'n'awvuttua* ‘хлестать’; **држ.**: *glatkoi* ‘гладкий’, *hvat't'i* ‘схватить’, *kravat* ‘кровать’, *pluwg* ‘плуг’, *svuat't* ‘сватья’, *što* ‘что’, *značit* ‘значит’, *trudno* ‘трудно’; *bl'iägi* ‘блеять’, *kruaki* ‘квакать’, *kridžaht* ‘скрипнуть’.

Сочетание согласного и геминаты не характерно для тверских диалектов карельского языка, в отличие от большей части собственно карельских диалектов, о чем уже шла речь в предыдущем разделе. Исключением является держанский диалект, в котором сочетание согласного и геминаты образовалось в результате синкопы.

Сочетания трех согласных – редкость для карельской фонетики, в держанском же диалекте они довольно частотны, что также является следствием синкопы, напр.: **тлм.**, **всг.**: *hurškua* ‘вырываться’, *huršti* ‘половик’, *pirškua* ‘рассыпаться’; **држ.**: *hambhat* < *hambahat* ‘зубы’, *huwhmah* < *huwhmah* 3 инф. илл. от *huwhu* ‘полоскать’, *kargjaw* < *kargajaw* 3 л. ед. през. инд. от *karat* ‘плясать’, *kukkzet* < *kukkazet* ном. мн. от *kukk* ‘цветок’ (дим.), *pelvhašt* < *pelvahašta* элат. ед. от *pelvaš* ‘лен’, *ruaškzen* < *ruaškazet* ном. мн. от *ruašk* ‘кнул’ (дим.), *šulkzet* < *šulkuzet* ‘шелковые’, *tyt't'zet* < *tyt't'özet* ‘девочки’.

В заимствованиях из русского языка сочетания трех согласных встречаются чаще, также в них возможны сочетания четырех согласных, напр., **тлм.**: *carstvuija* ‘царствовать’, *demonstracija* ‘демонстрация’, *sprawnoi* ‘исправный’, *spruavie* ‘справлять’, *str'ela* ‘стрела’, *ströppy* ‘о невзрачном человеке’, *viršta* ‘верста’; **всг.**: *strojje* ‘строить’, *z'emstva* ‘земство’; **држ.**: *kormn'ist* < *korman'ista* элат. ед. от *korman* ‘карман’, *perhvatk* ‘завтрак’, *skroiččiečči* ‘скрываться’.

1.2.5. Палатализация

Палатализация – подъем средней части спинки языка к твердому небу, сопровождающий артикуляцию согласного [ЛЭС: 357]. Степень палатализации различных согласных варьируется в зависимости от особенностей их артикуляции, а также от фонетических характеристик следующих за ними звуков. Сильная степень палатализации свойственна лишь переднеязычным согласным.

Палатализация карельского языка возводится исследователями еще к периоду функционирования древнекарельского языка, когда, в результате влияния русского языка, смягчению подверглись переднеязычные согласные, выступающие в положении перед гласным *i* [Itkonen 1968: 100–101]. Позже явление распространилось и на другие позиции (на согласные начала слова, геминаты, сочетания согласных, содержащие переднеязычные согласные, а также согласные, выступающие в положении перед другими гласными, а не только *i*) [Leskinen 1963: 298–299]. Обильное употребление мягких согласных в положении перед переднерядными гласными является характерной чертой всех южнокарельских диалектов в целом [см. Атлас: к. 102–112].

Исследователь толмачевского диалекта карельского языка А. А. Беляков выделяет в его фонетической системе три волны палатализации согласных, объясняющие отдельные особенности и исключения из правила:

1) древнейший слой палатализации, возводимый к древнекарельскому языку, затрагивал согласные, выступающие в положении перед *i, j* (регрессивная палатализация), за исключением согласных *r* (напр., тлм.: *rihma* ‘нитка’, *nagris* ‘репа’), *s, z*, выступающих в качестве второго компонента сочетаний согласных и перешедших в *š, ž* (кроме *uks’i* ‘один’ и показателя *-ks’i* транслатива), дентального *d*, выступающего в позиции после согласных *n, r, w* (напр., тлм.: *kondie* ‘медведь’, *tawdi* ‘болезнь’, *hardiet* ‘плечи’). В ряде случаев смягчению мешали еще сохранявшиеся на тот момент спиранты, выступающие в слабой ступени чередования ступеней согласных (*potitah* < **potyittahan*, *pattie* < **patteða*) [см. Беляков 1949: 84–85];

2) второй слой, когда палатализация распространилась на согласные, находящиеся в позиции после *i, j* (прогрессивная палатализация) (напр., тлм.: *hein’ä* ‘сено’, *kuldan’e* < **kuldain’e* ‘золотой’, *anduas’s’a* < **anduais’s’a* ‘давать’ 2 инф. инесс.) [см. Беляков 1949: 86–87];

3) третий слой – расширение регрессивной палатализации: смягчение переднеязычных согласных в начале слова перед гласными переднего ряда, а также в середине лексем переднерядного вокализма, когда *l, d* и *t* смягчались практически без ограничений, *n* перед *d* и *t*, а также в начале слова (напр., тлм.: *kyn’d’iä* ‘пахать’,

n'ellä ‘четыре’, но *pienet* ‘маленькие’), а *r*, *s* и *z* палатализации не подвергались [см. Беляков 1949: 87–88].

В тверских карельских диалектах палатализация распространяется на переднеязычные согласные *d*, *l*, *n*, *r*, *s*, *z*, *t*, выступающие в начале, середине и на конце слова, а также геминаты и сочетания согласных, содержащие переднеязычные согласные. Следует отметить, что в роли дополнительной артикуляции она присуща и согласным *p*, *b*, *k*, *g*, *m*, а также в слабой степени согласным *h*, *v*¹.

Палатализация в фонетической структуре слова может выступать как в роли дополнительной артикуляции, когда она обусловлена лишь фонетической позицией согласного (перед гласными переднего ряда или *j*), так и являться различительным признаком, в тех случаях, когда она не определяется позицией (перед гласными заднего ряда или в абсолютном конце слова) [ЛЭС: 357].

1.2.5.1. Позиционная палатализация

Регулярной фонетически обусловленной палатализации подвергаются переднеязычные согласные, находящиеся в позиции перед гласными переднего ряда *ä*, *ö*, *y*. Напр., **пвс.**: *d'äd'ä* / *d'äd* (држ.) ‘дядя’, *el'än'd'ä* / *el'än'd* (држ.) ‘жизнь’, *kyl'y* / *kyl* (држ.) ‘баня’, *kyl'ä* / *kyl* (држ.) ‘деревня’, *l'äks'i* / *l'äks* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *läht'ie* / *läht'i* (држ.) ‘отправляться’, *l'öt't'ö* / *l'öt't* (држ.) ‘лягушка’, *l'öwl'y* / *l'öwl* (држ.) ‘пар’, *n'el'l'ä* / *n'el'l* (држ.) ‘четыре’, *n'ybl'ä* / *n'ybl* (држ.) ‘пуговица’, *n'ämä* / *n'äm* (држ.) ‘эти’, *n'äppi* / *n'äpp* (држ.) ‘шепотка’, *r'ökkö* / *r'ökk* (држ.) ‘гнойный нарыв’, *t'yt't'ö* / *t'yt't* (држ.) ‘девушка’, *t'yö* / *t'yä* (држ.) ‘вы’, *t'ähkä* / *t'ähk* (држ.) ‘колос’, *t'ämä* / *t'äm* (држ.) ‘это’; **всг.**: *s'är'gi* ‘плотва’, *s'yö* ‘ешь’². В отдельных редких формах возможна довольно слабая степень палатализации, напр., **пвс.**: *l'ennä* / *l'enn* ‘2 л. ед. имп.’ от *l'en'd'iä* / *l'en'di* (држ.) ‘летать’, *männä* / *männ* ‘идти’.

¹ В прибалтийско-финском языкознании принято обозначать на письме лишь сильную степень палатализации переднеязычных согласных.

² В позиции перед гласными переднего ряда *ä*, *ö*, *y* в разных источниках принимаются различные требования к обозначению / необозначению палатализации. В целях единообразной подачи примеров в рамках настоящего исследования, а также отсутствия перегрузки текста дополнительными знаками, принято решение опускать знаки палатализации в данной позиции. Выпадение гласных *ä*, *ö*, *y* вследствие апокопы и синкопы в держанском диалекте карельского языка диктует необходимость обозначения палатализации в подобных случаях.

Иначе дело обстоит с позицией перед гласными *i, e*, представленными в диалектах переднерядными и среднерядными аллофонами, поразному влияющими на артикуляцию впереди стоящего согласного:

1. В начале слова:

а) согласный *l* смягчается в любой позиции, напр., **пвс.:** *l'ehmä / l'ehm¹* (држ.) 'корова', *l'eibä / l'eib* (држ.) 'хлеб', *l'en'd'ia / l'en'd'i* 'летать', *l'errä / l'err* (држ.) 'ольха', *l'evie / l'evä* (држ.) 'широкий', *l'ietä / l'iet'* (држ.) 'становиться', *l'iha / l'ih* (држ.) 'мясо'; **тлм.:** *l'endo* 'полет', *l'iga* 'грязь', *l'indu* 'птица'; **всг.:** *l'eikata* 'резать', *l'evehyš* 'ширина'; **држ.:** *l'eikat* 'резать';

б) *n, t* начала слова, в позиции перед гласным *i* подвергаются смягчению, в положении же перед *e* в отдельных случаях в говорах отмечается наличие непалатализованных согласных *t* (Жальцы, Лухново, Баскаки, Бакшино, Городок, Стыково, Пархово, Нарехово, Острые Луки, Батиха и др.) и *n* (прил. 13), напр., **пвс.:** *n'el'l'ä / n'el'l'* (држ.) 'четыре', *n'iegla / n'iaql* (држ.) 'игла', *n'iin* 'так', *n'iii't'ia / n'ii't'i* (држ.) 'косить', *n'imi* 'имя'; **тлм., всг.:** *nellä* 'четыре', *n'enä / nenä* 'нос'; **тлм.:** *n'ero* 'талант', *n'iin'i* 'лыко'; **всг.:** *n'eičyt* 'девушка', *n'ewvuo* 'советовать';

t. пвс.: *t'ied'ia / t'iid'i* 'знать', *t'ialä / t'iaal* (држ.) 'тут'; **тлм.:** *t'edr'i / tedr'i* 'тетерев', *t'el'mia* 'возиться', *t'emmata* 'схватить', *t'erva* 'смола', *t'erveh / terveh* 'здоровый'; **всг.:** *t'edr'i* 'тетерев', *t'erveh* 'здоровый'; **држ.:** *t'eil* 'у вас', *t'el'mi* 'возиться', *ter'veh* 'здоровый';

в) *d, z* в начале слова выступают лишь в заимствованной из русского языка лексике. В данном случае палатализация переносится вместе с заимствованием, напр., **d. пвс.:** *d'iedo / d'iad* 'дед', *d'igo / d'ig* (држ.) 'гусь'; **тлм.:** *d'en'ga* 'деньги', *d'ielä* 'дело';

z. пвс.: *z'el'onan'e / z'elnan'* (држ.) 'зеленый', *z'irkalo / z'irkl* (држ.) 'зеркало';

г) *s* в начале слова возможен в заимствованной лексике, а также в исконной в восточных весьегонских и некоторых северных толмачевских говорах. В позиции перед гласными переднего ряда он смягчается, напр., **пвс.:** *s'iemen / s'iaimen* (држ.) 'семья'; **всг.:** *s'eizuo* 'стоять', *s'ielä* 'там', *s'il'mä* 'глаз'; **држ.:** *s'izär* 'сестра';

¹ С одной стороны, палатализация в данном случае является позиционно обусловленной, однако, отсутствие специальных символов, обозначающих различные варианты фонем *i, e*, требует употребления здесь знаков смягчения.

д) дрожащий согласный *r* на большей территории распространения тверских диалектов карельского языка в начале слова сохранился твердым, однако, в северных толмачевских (Ремчино, Райда, Горячево, Кострецы, Быки, Андрияниха, Афимьяново, Лопатиха и др.) и весьегонских говорах довольно часто встречается палатализованный согласный *r'* (прил. 14). В речи отдельных информантов данной зоны возможно смягчение *r* перед гласным *i*, но отсутствие палатализации перед *e* (Иевлево, Большая Воздвиженка). Также смягчение наблюдается в остальных говорах в положении перед дифтонгом *iä*. Напр.: **тлм.**: *briha* / *br'iha* 'парень', *rebo* / *r'ebō* 'лиса', *regi* / *r'egi* 'сани', *rihma* / *r'ihma* 'нить', *rinda* / *r'inda* 'грудь', *riihi* / *r'iihi* 'рига'; **тлм.**: *griba* 'гриб', *redu* 'грязь', *reiz'i* 'бедро', *rengi* 'ведро', *rewna* 'край', *rewnah* 'рядом', *ribukaš* 'рваный', *rieška* 'пресный', *riida* 'ссора', *rikkuo* 'портить', *r'is't'ie* 'крестить', *r'iahkä* 'грех'; **всг.**: *riehähtä* 'бросать', *rieškamaido* 'свежее молоко', *riähkä* 'грех', *r'egi* 'сани', *r'iputtia* 'вешать'; **држ.**: *reb* 'лиса', *reg* 'сани', *rihm* 'нитка', *r'ind* 'грудь', *rippe* 'висеть', *ris't* 'крест', *r'iäd* 'грядка', *r'iahk* 'грех'. Смягчение дрожащего согласного в начале слова в положении перед гласными *i*, *e* можно объяснить поздним влиянием русского языка.

2. Внутри слова:

а) согласный *l* регулярно смягчается в положении перед гласным *i*, напр., **пвс.**: *el'ia* / *el'i* (држ.) 'жить', *kiel'i* / *kiäl'* (држ.) 'язык', *kuol'i* / *kuol'* 3 л. ед. имп. инд. от *kuolla* / *kuoll* (држ.) 'умереть', *tul'in* / *tul'iin* 1 л. ед. имп. инд. от *tulla* / *tull* (држ.) 'приходить', *vel'l'i* / *vel'l'* (држ.) 'брат', **тлм.**: *šolissa* 'бегать' (дескр.); **всг.**: *kuwl'i* 3 л. ед. имп. инд. от *kuwlla* 'слышать', *val'l'ita* 'выбирать'; **држ.**: *kyl'ist* элат. ед. от *kyl* 'деревня', *kävel'imm* 1 л. мн. имп. инд. от *kävel'l'* 'ходить', *väl'iazeh* 'быстренько'.

В положении перед гласным *e* в переднерядных лексемах *l* преимущественно смягчается, в словах же заднерядного вокализма выступает среднерядный аллофон гласного *e*, не влияющий на качество согласного, напр., **пвс.**: *el'et't'ih* 3 л. мн. имп. инд. от *el'ia* / *el'i* (држ.) 'жить', *jäl'l'es't'i* / *jäl'l'es't'* (држ.) 'следом', *kiel'et* / *kiäl'et* 'языки', *kävel'et* 2 л. ед. през. инд. от *kävellä* / *kävel'l'* 'ходить', *vel'l'et* 'братья', *huwlet* 'губы', *kallehet* / *kalhet* (држ.) 'дорогие', *kuolenda* / *kualend* (држ.) 'смерть', *olen* 1 л. ед. през. инд. от

olla / *oll* (држ.) ‘быть’, *šanelen* / *šanolen* 1 л. ед. през. инд. от *šanella* / *šanolla* (држ.) ‘рассказывать’; **тлм.**: *nagol’ē* ‘постоянно’, *kielet* ‘языки’, *kahalleh* ‘раскрыто настезь’; **всг.**: *iel’l’eh* ‘вперед’, *täwt’t’el’ēn* 1 л. ед. през. инд. от *täwt’ellä* ‘наполнять’, *kielet* ‘языки’, *molen* ‘оба’; **држ.**: *huolet* ‘заботы’, *ombelemah* 3 инф. илл. от *ommell* ‘шить’;

б) согласные *n* и *r* также подвержены регулярной палатализации в положении перед гласным *i*, напр., **пвс.**: *bron’it* ‘вороны’, *jän’is* ‘заяц’, *kun’i* / *kun*’ (држ.) ‘пока’, *män’i* / *män*’ (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *männä* / *männ* (држ.) ‘идти’, *pan’i* 3 л. ед. имп. инд. от *panna* / *pann* (држ.) ‘класть’, *pien’i* / *pien*’ (држ.) ‘маленький’; **всг.**: *mon’i* ‘многие’, *un’i* ‘сон’; **држ.**: *poigan*’ ‘мой мальчик’;

р. **пвс.**: *jär’ie* / *jär’i* (држ.) ‘крупный’, *kar’ielat* ‘карелы’, *kir’ikkö* / *kir’ikk* (држ.) ‘церковь’, *nuor’i* / *nuar*’ (држ.) ‘молодой’, *tedr’i* / *t’edr’i* ‘тетерев’, *šuwri* / *šuwri*’ (држ.) ‘большой’, *ver’i* / *ver*’ (држ.) ‘кровь’, *ymbär’i* ‘вокруг’; **тлм.**: *kegr’i* ‘ряженный’, *nagr’is* / *nagris*’ / *nagr’is*’ ‘репа’; **всг.**: *ker’itä* ‘стричь (овец)’, *kuor’ie* ‘снимать сметану’, *nagr’is* ‘репа’, *šuur’iel’iečie* ‘наряжаться’, *šuur’ivo* ‘наряд’; **држ.**: *nagris*’ ‘репа’.

В позиции перед гласным *e* ситуация неоднозначная. В словах заднерядного вокализма выступает среднерядный аллофон гласного *e*, т. е. смягчение не происходит. В переднерядных лексемах в части говоров сохраняется историческое представительство явления (отсутствие палатализации), однако, в ряде говоров всех диалектов палатализация распространилась также на эту позицию (приложения 15, 16). Напр., **п.** **пвс.**: *t’iin’eh* ‘беременная (о самке животных)’, *annetah* 3 л. мн. през. инд. от *andua* / *andja* (всг.) / *andu* (држ.) ‘давать’, *ennēn* ‘раньше’, *herneh* ‘горох’, *hānen* ген. ед. от *hiän* ‘он’, *kolmannella* / *kolmannell* (држ.) адесс. ед. от *kolmaš* ‘третий’, *kunne* / *kunn* (држ.) ‘куда’, *kummenen* ‘десять’, *kuwnel*’ ‘слеза’, *mānen* 1 л. ед. през. инд. от *männä* / *männ* (држ.) ‘идти’, *panen* 1 л. ед. през. инд. от *panna* / *pann* (држ.) ‘класть’, *pienet* ‘маленькие’, *šinne* / *šinn* (држ.) ‘туда’, *šuoṇet* / *šuanet* (држ.) ‘сосуды’; **тлм.**: *hern’eh* ‘горох’, *kuwn’el*’ ‘слеза’, *pien’et* ‘маленькие’, *t’iineh* ‘беременная (о самке животных)’; **всг.**: *hern’eh* ‘горох’, *kuwn’el*’ ‘слеза’, *pien’et* ‘маленькие’, *viijen’n’ellä* адесс. ед. от *viiješ* ‘пятый’, *kummen’en* ‘десять’, *šin’n’e* / *s’in’n’e* ‘туда’, *tän’n’e* ‘сюда’, *en’n’ein*

‘раньше’, *män’e* 2 л. ед. имп. от *männä* ‘идти’, *hän’eh* илл. от *hiän* ‘он’, *t’iineh* ‘беременная (о самке животных)’, *työnnetty* 2 прич. пасс. от *työn’d’iä* ‘отправлять’; **држ.**: *mänet’t’i* ‘проиграть’;

р. **пвс.**: *hiir’et* ‘мыши’, *or’eh* ‘мерин’, *per’eh* ‘семья’, *nuoret* ‘молодые’, *šuwret* ‘большие’; **тлм.**: *järelläh* ‘обратно’, *hiiret* ‘мыши’, *näre* ‘ель’, *pereh* ‘семья’; **всг.**: *hiiret* ‘мыши’, *kuore* ‘сметана’, *oreh* ‘мерин’, *parembi* ‘лучше’; **држ.**: *jär’elläh* ‘обратно’.

Словообразовательный суффикс *-n’e* сохраняет свою мягкость в независимости от ряда гласных основы слова, к которой он присоединяется. Исключением являются отдельные весьегонские и толмачевские говоры, в которых смягчение в суффиксе не представлено [см. Атлас: к. 106] (прил. 17). В держанском же диалекте в результате апокопы конечный гласный суффикса выпал, однако, палатализация сохранилась. Напр., **тлм.**: *kuldan’e* / *kuldane* (< **kuldain’e*) ‘золотой’, *kumban’e* ‘который’, *nain’e* ‘женщина’, *toin’e* ‘второй’, *ved’ehin’e* ‘водяной’; **всг.**: *alan’e* ‘рукавица’, *kuldan’e* / *kuldane* ‘золотой’, *moin’e* ‘такой’, *miščon’e* ‘невеста’, *varžan’e* ‘жеребенок’; **држ.**: *avuttajan’e* ‘помощница’, *moin’* ‘такой’, *tuon’* ‘такой’, *murun’* ‘крошка’, *nain’* ‘женщина’, *pikkaran’* ‘маленький’, *tyttön’* ‘девочка’, *ukkon’* ‘старичок’;

в) согласный *z* подвергается регулярной палатализации в положении перед гласным *i*, напр., **пвс.**: *az’ie* / *az’* (држ.) ‘дело’, *kaz’i* / *kaz’* (држ.) ‘кошка’, *luz’ikka* ‘ложка’, *pez’i* 3 л. ед. имп. инд. от *peššä* / *pešš* (држ.) ‘мыть’, *vez’i* / *vez’* (држ.) ‘вода’, *viiz’i* / *viiz’* (држ.) ‘пять’, *andaz’in* / *andaz’iin* / *andz’in* (држ.) 1 л. ед. имп. конд. от *andua* / *andu* (држ.) ‘давать’; **всг.**: *en’d’iz’is’tä* элат. ед. от *en’d’in’e* ‘прежний’, *en’z’imän’e* ‘первый’, *koz’iečie* ‘свататься’.

В словах заднерядного вокализма в положении перед гласным *e* смягчение не происходит, за исключением ряда говоров весьегонского диалекта. Напр., **пвс.**: *kar’ielazet* ‘карелы’, *pagizen* 1 л. ед. през. инд. от *paissa* / *paiss* (држ.) ‘говорить’, *toizet* ‘другие’; **тлм.**: *ravizen* 1 л. ед. през. инд. от *ravissa* ‘кричать’; **всг.**: *az’eih* илл. мн. от *az’ie* ‘дело’, *pagiz’en* 1 л. ед. през. инд. от *paissa* ‘говорить’, *raviz’en* 1 л. ед. през. инд. от *ravissa* ‘кричать’.

При словоизменении имен на *-n’e* палатализованный *z’* выступает перед гласным *i* во всех тверских диалектах и перед *e* в весье-

гонских говорах (Поцеп, Копяево, Волховицы и др.), а также в северных толмачевских говорах (Ремчино, Райда, Горячево, Быки, Городок, Асташиха, Пархово и др.), находящихся в так называемой «зоне вибрации». На большей территории распространения толмачевского диалекта, а также в держанском диалекте (за редкими исключениями) в данной позиции палатализация отсутствует (прил. 18). Напр., тлм.: *alaz'ih* илл. мн. от *alan'e* 'рукавица', *heboz'illa* адесс. мн. от *hebon'e* 'лошадь', *kukkaz'illa* адесс. мн. от *kukkan'e* 'цветок' (дим.); *jogohizella* адесс. ед. от *jogohin'e* 'каждый', *myöhäzellä* адесс. ед. от *myöhän'e* 'поздний', *näl'gähizellä* адесс. ед. от *näl'gähin'e* 'голодный', *palazet* 'кусочки', *šulahazet* 'женихи'; *enžimäz'et* 'первые', *jogohiz'ella* адесс. ед. от *jogohin'e* 'каждый', *kaidaz'et* 'узкие', *kar'ielaz'et* 'карелы', *per't'iz'eh* илл. ед. от *per't'i* 'изба', *tyttöz'et* 'девочки'; всг.: *naiz'in* ген. мн. от *nain'e* 'женщина', *moiz'ie* парт. мн. от *moin'e* 'такой', *toiz'issa* инесс. мн. от *toin'e* 'другой'; *kettuzet* 'кора дерева', *poččizet* 'поросята', *toizella* адесс. ед. от *toin'e* 'другой', *važazen* ген. ед. от *važan'e* 'теленочек'; *harakkaz'et* 'сороки', *heboz'et* 'лошади', *kar'ielaz'et* 'карелы', *kodvaz'eks'i* 'ненадолго', *kuldaz'et* 'золотые', *kumbaz'et* 'которые', *lähiz'et* 'близкие', *muoz'et* 'такие', *nahkaz'et* 'кожаные', *naiz'et* 'женщины', *padaz'en* ген. ед. от *padan'e* 'горшочек', *poigaz'en'i* 'мой сыночек', *reboz'en'i* 'моя лисичка', *toiz'en* ген. ед. от *toin'e* 'другой', *tuattoz'en'i* 'мой папочка', *vähäz'en* 'немного'; држ.: *kalaz'in* ген. мн. от *kal* 'рыба', *kar'ielaz'iss* инесс. мн. от *kar'ielan* 'карельский', *mittyz'ie* парт. мн. от *mityš* 'какой', *naiz'ill* адесс. ед. от *nain* 'женщина'; *kar'ielazet* 'карелы', *keldazet* 'желтые', *kodvazen* 'недолго', *kukkzen* ген. ед. от *kukkan* 'цветок', *langazet* 'нитки', *luapot't'izet* 'лапти', *moizet* 'такие', *naizet* 'женщины', *šulkzet* 'шелковые', *toizet* 'другие', *tyt't'zen* ген. ед. от *tyttön* 'девочка' (дим.), *väl'ääzeh* 'быстренько'; *hebz'et* 'лошади', *ammuiž'et* 'давние', *kalaz'et* 'рыбки';

г) в положении перед гласным *i s'* в исконной лексике представлен лишь в качестве второго компонента сочетания согласного (в том числе в показателе транслатива *-ks'i*). В позиции же перед *e s* выступает в виде геминаты и подвергается палатализации в переднерядных лексемах, напр., *s*: пвс.: *läks'i / läks'* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *läht'ie / läht'i* (држ.) 'отправляться', *yks'i / yks'* (држ.)

‘один’, *kyl’iks’i* транс. мн. от *kylä / kyl’* (држ.) ‘деревня’; **тлм.:** *eis’s’etäh* 3 л. мн. през. инд. от *eis’t’iä* ‘передвигать’, *muissetah* 3 л. мн. през. инд. от *muistua* ‘помнить’;

д) дентальные согласные *t, d* в положении перед гласным *i* смягчаются, за исключением случаев, когда согласному *d* предшествуют согласные *n, r* или полугласный *w*, что является историческим представительством явления, а также заднерядные лексемы, в которых согласный *t* выступает в позиции перед дифтонгом *ie* (< **eCe*). Следует отметить, что в говорах распространение палатализации стало возможным и в этих позициях. Напр., **d:** **пвс.:** *kod’i / kod’* (држ.) ‘дом’, *t’ied’iä / t’ied’i* (држ.) ‘знать’, *hardiet / hardit* (држ.) ‘плечи’, *kondie / kondi* (држ.) ‘медведь’, *tawdi* ‘болезнь’; **тлм.:** *ad’vo* (< *ad’ivo*) ‘гостья’, *kuadiet / kuad’iet* ‘подштанники’, *tawd’i* ‘болезнь’, *andilaš* (< **andalas*) ‘невеста’, *purdilo* ‘блюдо’, *vardilo* ‘туловище’, *hard’iet* ‘плечи’, *kond’ie* ‘медведь’, *and’ilaš* ‘невеста’; **всг.:** *kuad’iet / kjad’iet* ‘подштанники’, *ljad’ie* ‘делать’, *vuod’in’e* ‘годовалый’, *andilaš* ‘невеста’; **држ.:** *kuad’it* ‘подштанники’;

t: **пвс.:** *lut’ikka / lut’ikk* (држ.) ‘клоп’, *per’t’i* ‘изба’, *aštie / ašti* (држ.) ‘посуда’, *kattila / kattil* ‘кастрюля’, *lattiet* ‘полы’, *pattie* ‘строгий’, *vuattiet* ‘одежда’; **тлм.:** *mät’t’iä* ‘налипать’, *nuat’t’i* ‘ботва’, *kohti* ‘пряником’, *pat’t’ie* ‘строгий’; **всг.:** *as’t’ie* ‘посуда’, *lat’t’iet* ‘полы’, *nuat’t’i* ‘ботва’.

В положении же перед гласным *e* наличие или отсутствие палатализации зависит в основном от рядности гласных слова, напр., **d:** **пвс.:** *uwdena vuodena / uwden vuoden* (држ.) эсс. ед. от *uwži vuoži / uwž vuož* (држ.) ‘новый год’; **тлм.:** *kädeh* илл. ед. от *käz’i* ‘рука’; **всг.:** *viijen’d’enä* эсс. ед. от *viiješ* ‘пятый’, *tadehet* ‘навоз’; **држ.:** *käd’eh* илл. ед. от *käz’* ‘рука’;

t: **пвс.:** *it’en* 1 л. ед. през. инд. от *it’kie / it’ke* (држ.) ‘плакать’, *pet’el’ / pet’kel’* ‘пест’, *yht’eh* ‘вместе’, *late / lat* (држ.) ‘потолок’, *vuate / vjate* (всг.) ‘одежда’; **тлм.:** *kašte* ‘сечка’; **всг.:** *lat’e* ‘потолок’, *myöt’en* ‘вдоль’, *nyt’t’en* ‘теперь’; **држ.:** *nytten* ‘теперь’.

Палатализация дентальных согласных, выступающих в глагольных формах 3 л. мн. ч. имп. инд., зависит от передне- или заднерядной огласовки слова, лишь в весьегонских говорах возможно употребление здесь мягких согласных и в лексемах заднерядной огласовки. Напр., **пвс.:** *annettih* от *andua / andu* (држ.) ‘давать’,

el'et't'ih от *el'ia* / *el'i* (држ.) 'жить'; **тлм.**: *l'ennäl'd'ih* от *l'ennällä* 'летать', *kerät't'ih* от *kerätä* 'собирать', *läht'iet't'ih* от *läht'ie* 'оправляться', *peit't'iačet't'ih* от *peit't'iačie* 'прятаться'; *tuldih* от *tulla* 'приходить', *dogad'ittih* от *dogad'ie* 'увидеть', *kačottih* от *kaččuo* 'смотреть', *noššettih* от *noštua* 'поднимать'; **всг.**: *käwd'ih* от *käwvü* 'ходить', *myöd'ih* от *mywvü* 'продавать', *män'd'ih* от *männä* 'идти', *lykät't'ih* от *lykätä* 'толкать', *peit'et't'ih* от *peit't'ia* 'прятать'; *oldih* от *olla* 'быть', *pandih* от *panna* 'класть', *voidih* от *voija* 'мочь', *kučuttih* от *kuččuo* 'звать', *opaššettih* от *opaštua* / *opaštja* 'учить', *ruattih* от *ruadua* / *rjadja* 'работать'; *šanot't'ih* от *šanuio* 'сказать', *pais't'ih* от *paissa* 'говорить' (Беняково); **држ.**: *kävel'd'ih* от *kävel'l* 'ходить', *män'd'ih* от *männ* 'идти', *is'kiet't'ih* от *is'ki* 'бить', *it'kit't'ih* от *it'ki* 'плакать', *jät'et't'ih* от *jät't'i* 'оставлять', *viijit't'ih* от *viij* 'относить'; *oldih* от *oll* 'быть', *ommeldih* от *ommell* 'шить', *tuldih* от *tull* 'приходить', *tunnuššeldih* от *tunnuššell* 'узнавать', *paistih* от *paiss* 'говорить', *kavotettih* от *kavottu* 'терять', *ruvettih* от *ruvet* 'начинать'.

При образовании множественного числа имен и имперфекта глаголов, когда дентальный согласный попадает в позицию перед гласным *i*, а также форм третьего лица множественного числа презенса индикатива от одноосновных глаголов с основой на *a* / *ä* > *e*, палатализация закономерно проявляется также только в переднерядных лексемах. В держанском диалекте произошла редукция показателя 3 л. ед. ч. имп. *-i*, однако, в переднерядных словах палатализация сохраняется, напр.: **пвс.**: *pid'i* / *pid'* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *pid'ia* / *pid'i* (држ.) 'держать', *ved'i* / *ved'* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *ved'ia* / *ved'i* (држ.) 'тащить', *keit't'i* / *keit't'* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *keit't'ia* / *keit't'i* (држ.) 'варить', *n'iit't'i* / *n'iit't'* (држ.) 3 л. ед. имп. инд. от *n'iit't'ia* / *n'iit't'i* (држ.) 'косить', *otti* 3 л. ед. имп. инд. от *ottua* / *ottja* (всг.) / *otti* (држ.) 'брать'; *keit'etäh* 3 л. мн. през. инд. *keit't'ia* / *keit't'i* (држ.) 'варить', *otetah* 3 л. мн. през. инд. от *ottua* / *ottja* (всг.) / *otti* (држ.) 'брать'; **тлм.**: *pit'illä* адесс. мн. от *pit'kä* 'длинный', *muštih* илл. мн. от *mušta* 'черный'; *peit't'i* 3 л. ед. имп. инд. от *peit't'ia* 'прятать', *čirotti* 3 л. ед. имп. инд. от *čirottua* 'светить (о солнце)', *noštima* 1 л. мн. имп. инд. от *noštua* 'поднимать', *ošti* 3 л. ед. имп. инд. от *oštua* 'покупать', *ožutiin* 1 л. ед. имп. инд. от *ožuttua* 'показывать'; **всг.**: *kiit't'i* 3 л. ед. имп. инд. от

kiit't'ä 'благодарить', *lämmit't'i* 3 л. ед. имп. инд. от *lämmit't'ä* 'за-топить', *peit't'i* 3 л. ед. имп. инд. от *peit't'ä* 'прятать', *alotti* 3 л. ед. имп. инд. от *alottua* / *alottiä* 'начинать', *himotti* 3 л. ед. имп. инд. от *himottua* / *himottiä* 'хотеть', *muhahti* 3 л. ед. имп. инд. от *muhahtua* / *muhahtiä* 'улыбаться', *nošti* 3 л. ед. имп. инд. от *noštua* / *noštiä* 'поднимать'; **држ.** *jät't'* 3 л. ед. имп. инд. от *jät't'i* 'оставлять', *män'et't'* 3 л. ед. имп. инд. от *män'et't'i* 'проигрывать', *muan'itt* 3 л. ед. имп. инд. от *muan'ittu* 'обманывать', *ošt* 3 л. ед. имп. инд. от *oštu* 'покупать'; *vantetah* 3 л. мн. през. инд. от *vanuttu* 'валять'.

Примеры наглядно показывают, что гласный *-i* показателя множественного числа или имперфекта не способен повлиять на смягчение впереди стоящего согласного в лексемах заднерядной огласовки.

Аналогичным образом, т. е. в зависимости от того, является ли слово передне- или заднерядным, палатализация дентальных согласных распределяется в наречиях, напр.: **пвс.**: *vähz'el'd'i* 'немного', *alašti* 'голым', *kohaldi* 'прямо'; **тлм.**: *jäl'l'ičešt'i* 'напоследок', *mieleväšt'i* 'в хорошем настроении', *veššelašt'i* 'весело', *kebiel'd'i* 'легче', *äijäl'd'i* 'много', *alašti* 'голым', *šomašti* 'красиво'; **всг.**: *enämmit'en* 'больше всего', *kebiez'el'd'i* 'легче', *kovaldi* 'крепко', *korgieldi* 'высоко', *madalaldi* 'низко', *pakšuldi* 'толсто', *rumaldi* 'охотно'; **држ.**: *äijäl'd'* 'много'.

Как наглядно показывают примеры, регрессивная палатализация в позиции перед гласным *i* является значительно более сильной, чем перед гласным *e*, как это происходит и в других диалектах карельского языка [см., напр., Turunen 1946: 335]. За редким исключением, переднеязычные согласные, выступающие в положении перед гласным *i*, подвержены палатализации. В положении перед гласным *e* возможно наличие как палатализованных, так и непалатализованных согласных, чаще всего это зависит от рядности гласных слова и, соответственно, от выступающего в слове аллофона гласного *e*. Во всех тверских карельских диалектах удалось обнаружить немалое число исключений из правила. Объяснением этому является тот факт, что в отдельных лексемах сохранилось историческое представление явления, т. е. отсутствие палатализации, однако, в некоторых говорах смягчение распространилось и на них. На

общем фоне выделяются весьегонские говоры и северные толмачевские говоры, в которых палатализация представлена значительно обильнее.

К фонетически обусловленным следует отнести также случаи палатализации переднеязычных согласных, вызванных следующими за ними смягченными в определенных фонетических условиях согласными (в том числе со слабой степенью палатализации) и согласным *j*. Напр., **тлм.**: *hän'dä* 'хвост', *it'kie* 'плакать', *jäl'gi* 'след', *kalas't'ua* 'рыбачить', *kyl'mä* 'холодный', *kyn'd'ä* 'пахать', *näl'gä* 'голод', *sul'činat* 'сульчины', *mar'ja* 'ягода'; **всг.**: *elän'dä* 'жизнь', *en'd'iz'et* 'прежние', *en'z'imän'e* 'первый', *izän'dä* 'хозяин', *kez'rätä* 'прясть', *kir'ves* 'топор', *kivis't'ä* 'болеть', *miel'dyö* 'нравиться', *mär'gä* 'мокрый', *per't'i* 'изба', *pyr'gie* 'проситься', *šyl'gie* 'плевать', *yl'či* 'вдоль', *kir'juttia* 'писать'; **држ.**: *hän'd* 'хвост', *it'ki* 'плакать', *jäl'l'es't* 'следом', *kez'rät* 'прясть', *kyl'mäht'i* 'замерзать', *kyn'd'i* 'пахать', *min'täh* 'почему', *näl'g* 'голод', *šel'g* 'спина', *äijäl'd* 'сильно'.

1.2.5.2. Фонетически необусловленная палатализация

Различительным признаком наделена палатализация, не определяющаяся фонетической позицией в современном фонетическом окружении, в следующих случаях:

1) в положении перед гласными заднего ряда, напр., **тлм.**: *n'aba* 'пупок', *n'auguo* 'мяукать', *n'okka* 'клюв', *vihaiz'a* 'резкий' (< *vihaiz'a*), *kargajaz'a* 'пляшущий', *tuwl'iz'a* 'ветренный', *mal'l'a* (< **mal'ja*) 'миска', *min'n'a* (< **min'ja*) 'невестка', *pal'l'aš* (< **pal'jas*) 'голый', *anduas's'a* (< *anduais's'a*) 2 инф. инесс. от *andua* 'давать', *koškies's'a* 2 инф. инесс. от *koškie* 'трогать', *puhuos's'a* 2 инф. инесс. от *puhuo* 'дуть', *šanuos's'a* 2 инф. инесс. от *šanuo* 'сказать'; **всг.**: *hevos't'a* (< *hevois't'a*) парт. ед. от *hebon'e* 'лошадь', *yks'itois't'a* 'одиннадцать', *nuor'iz'o* 'молодежь', *val'l'aštua* 'запрягать', *koi's's'a* инесс. ед. от *kod'i* 'дом', *pais's'a* 'говорить', *pagiz'ow* 3 л. ед. през. инд. от *pais's'a* 'говорить' (Осталопово), *raviz'ow* 3 л. ед. през. инд. от *ravis'a* 'кричать' (Труфаново), *ljad'ies's'a* 2 инф. инесс. от *ljad'ie* 'делать'; **држ.**: *n'ab* 'пупок', *n'okku* 'клевать', *min'n'at* 'невестки', *val'l'aštu* 'запрягать';

2) прогрессивная палатализация в абсолютном конце слова, напр., **тлм.**: *jän'is* 'заяц', *kal'l'is* 'дорогой', *myöt* 'вдоль', *pet'el*

‘пест’, *tul’is*’ 3 л. ед. имп. конд. от *tulla* ‘приходить’, *valmis*’ ‘готовый’; **всг.:** *aivis*’ ‘постоянно’, *kir’ves*’ ‘топор’, *n’ivel*’ ‘сустав’, *ol’iis*’ 3 л. ед. имп. конд. от *olla* ‘быть’, *pois*’ ‘прочь’, *tytär*’ / *tytär*’ ‘дочь’; **држ.:** *ois*’ 3 л. ед. имп. конд. от *olla* ‘быть’, *n’ivel*’ ‘сустав’, *petkel*’ ‘пест’, *veis*’ 3 л. ед. имп. конд. от *viiij* ‘отвозить’.

Следствием апокопы в держанском диалекте стало появление большого числа палатализованных согласных, выступающих в абсолютном конце слова. Следует добавить, что палатализация в нем взяла на себя различительную функцию, например, в таких минимальных парах, как: *män* и *män*’ от *männ* ‘идти’, *ol* и *ol*’ от *oll* ‘быть’, *pan* и *pan*’ от *pann* ‘класть’, *tul* и *tul*’ от *tulla* ‘приходить’, где палатализация позволяет отличить форму 2 л. ед. ч. имп. и форму 3 л. ед. ч. имп. инд.; или *tyt’t’zen* и *tyt’t’zen*’ от *tyt’t*’ ‘девочка’, где *n* – показатель генитива, а *n’* – притяжательный суффикс 1 л. ед. ч.

Как показывают многочисленные примеры, корреляция по твердости / мягкости является важной фонетической составляющей тверских диалектов карельского языка. Двухязычие тверских карелов, а также большое количество заимствований из русского языка, очевидно, только усилило ее.

На уровне диалектов и говоров с точки зрения палатализации особо выделяются весьегонские говоры, а также группа периферийных (северных) говоров толмачевского диалекта, находящихся на границе с весьегонским диалектом, в которых явление представлено более широко, чем в остальных толмачевских говорах и держанском диалекте. Именно представительство палатализации, а также дистрибуция свистящих и шипящих согласных в северных говорах толмачевского диалекта, являются основанием для выделения некоторыми исследователями переходного диалекта между толмачевским и весьегонским.

1.3. Структура слога и слова

Слог – фонетико-фонологическая единица, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом. Слог реализуется как цельный артикуляционный комплекс [ЛЭС: 470]. В зависимости от структуры, выделяют закрытые, заканчивающиеся на согласный звук, и открытые, заканчивающиеся на гласный звук,

прикрытые, начинающиеся на согласный звук, и неприкрытые, начинающиеся на гласный, слоги. Слово может быть односложным, двусложным и многосложным.

Структуру слога и слова в толмачевском и весьегонском тверских диалектах карельского языка можно представить в виде таблицы¹.

Таблица 5

**Структура слога и слова в толмачевском
и весьегонском диалектах карельского языка**

Допустимые схемы слога	Однослож- ное слово	1-й слог	2-й слог	Последний слог
Неприкрытые слоги				
V	<i>i</i> ‘и’	<i>a-bu</i> ‘помощь’		
VC	<i>en</i> ‘я не’	<i>ak-ka</i> ‘старуха’		
VV	<i>yö</i> ‘ночь’	<i>ui-ja</i> ‘плыть’		
VVC	<i>uin</i> 1 л. ед. имп. инд. от <i>uija</i> ‘плыть’	<i>ait-ta</i> ‘амбар’		
Прикрытые слоги				
CV	<i>že</i> ‘тот’	<i>ma-da-la</i> ‘низкий’	<i>ma-da-la</i> ‘низкий’	<i>ma-da-la</i> ‘низкий’
CVC	<i>ken</i> ‘кто’	<i>kol-mič-či</i> ‘трижды’	<i>kol-mič-či</i> ‘трижды’	<i>šo-me-huš</i> ‘красота’
CVCC		<i>hurš-ti</i> ‘половик’		
CVV	<i>myö</i> ‘мы’	<i>kuo-l’ie</i> ‘покойник’	<i>kuo-l’ie</i> ‘покойник’	<i>kar-ba-luo</i> парт. ед. от <i>karbalo</i> ‘кнюква’
CVVC	<i>hiän</i> ‘он’	<i>kuop-ra</i> ‘яма’	<i>ke-viäl-lä</i> ‘весной’	<i>koi-vu-loih</i> илл. мн. от <i>koivu</i> ‘береза’
CCV	<i>što</i> ‘что’	<i>pla-kut-tua</i> ‘равномер- но стучать’		
CCVC		<i>hrom-šut-tua</i> ‘скрипеть’		
CCVV		<i>bl’iä-gyö</i> ‘блеять’		
CCVVC		<i>kriič-kut-tua</i> ‘скрипеть’		
CCCV		<i>str’e-la</i> ‘стрела’		
CCCVC		<i>ströp-pu</i> ‘о невзрач- ном человеке’		
CCCVV		<i>sprua-vie</i> ‘справить’		
CCCVVC		<i>str’iäp-pie</i> ‘стряпать’		

¹ Серым цветом в таблице залиты заимствования из русского языка и дескриптивная лексика.

Слогообразующим элементом (ядром слога) всегда является гласный компонент (одиначный гласный, дифтонг, долгий гласный, трифтонг). Для тверских диалектов карельского языка характерно наличие как кратких (открытые слоги, слогообразующим компонентом которых выступает одиначный гласный), так и долгих (все закрытые слоги и слоги, слогообразующим компонентом которых выступают долгие гласные или дифтонги) слогов.

Слово может начинаться с одиначного согласного (сочетание согласных возможно в дескриптивных словах и заимствованной лексике) или гласного компонента, который способен образовывать отдельный слог. Наиболее распространенными слоговыми структурами начала слова являются CV, CVC, CVV, CVVC, V, VC, VV, VVC. Для заимствованной и дескриптивной лексики возможны также структуры с двумя и даже тремя начальными согласными. Далее в слове наличие неприкрытых слоговых структур, а также слогов с начальным сочетанием согласных невозможно. Для вторых и последующих слогов, в том числе и последнего слога слова, характерны структуры CV, CVC, CVV, CVVC. Согласные компоненты геминаты, как правило, относятся к разным слогам.

В результате фонетических явлений апокопы и синкопы, присущих держанскому диалекту карельского языка, слоги в нем представлены большим количеством структур.

Таблица 6

Структура слога и слова в держанском диалекте карельского языка

Допустимые схемы слога	Односложное слово	1-й слог	2-й слог	Далее в слове
Неприкрытые слоги				
V	<i>i</i> 'у'	<i>o-len</i> 1 л. ед. през. инд. от <i>olla</i> 'быть'		
VC	<i>om</i> 'свой'	<i>yk-s'in</i> 'в одиночку'		
VCC	<i>akk</i> 'старуха'	<i>aht-mah</i> 3 инф. илл. от <i>ahtu</i> 'насаживать снопы'		
VV	<i>ei</i> 'не'	<i>ui-not</i> 'засыпать'		
VVC	<i>ois</i> '3 л. ед. имп. конд. от <i>olla</i> 'быть'	<i>ait-tah</i> илл. ед. от <i>aitt</i> 'амбар'		

Прикрытые слоги				
CV	<i>da</i> ‘и’	<i>ka-r’ie-la-zet</i> ‘карелы’	<i>ted-r’i</i> ‘тетерев’	<i>laš-kie-či</i> ‘ложиться’
CVC	<i>pah</i> ‘плохой’	<i>pat-tie</i> ‘злой’	<i>pia-luš</i> ‘подушка’	<i>kod-va-zen</i> ‘недолго’
CVCC	<i>kurg</i> ‘журавль’	<i>hamb-hat</i> ‘зубы’	<i>ta-lošt</i> элат. ед. от <i>tal</i> ‘дом’	<i>ka-r’ie-lakš</i> ‘по-карельски’
CVV	<i>šua</i> ‘болото’	<i>hia-mut</i> ‘рукава’	<i>pat-tie</i> ‘злой’	<i>e-mān-nāl-lyö</i> аппр. ед. от <i>emän’d’</i> ‘хозяйка’
CVVC	<i>tuon</i> ‘такой’	<i>vuat-tiet</i> ‘одежда’	<i>vuat-tiet</i> ‘одежда’	<i>vuua-ži-lois</i> инесс. мн. от <i>vuaz</i> ‘год’
CVVCC	<i>tuatt</i> ‘отец’	<i>huwht-mah</i> 3 инф. илл. от <i>huwhtu</i> ‘полоскать’	<i>l’eik-kuamm</i> 1 л. мн. от <i>leikat</i> ‘резать’	
CCV	<i>što</i> ‘что’	<i>bro-n’it</i> ‘вороны’		
CCVC	<i>štob</i> ‘чтобы’	<i>hvat-t’i</i> ‘схватить’		
CCVV		<i>knua-kan</i> ген. ед. от <i>knuakk</i> ‘галка’		
CCVVC	<i>pruud</i> ‘пруд’	<i>pruaz-n’ik</i> ‘праздник’		
CCVVCC	<i>svuat’t</i> ‘сватья’			
CCCV		<i>str’i-gal-du</i> ‘подстричь’		
CCCVC	<i>str’iž</i> ‘стриж’	<i>skvor-čan</i> ‘скворец’		
CCCVC	<i>strušk</i> ‘стружка’			
CCCVV		<i>Stroi-čal</i> адд. ед. от <i>Stroič</i> ‘Троица’		
CCCVVC	<i>Stroič</i> ‘Троица’	<i>skroič-čie-či</i> ‘скрыться’		

Как наглядно показывают данные таблиц, держанская система значительно отличается от толмачевской и весьегонской наличием большего числа слоговых структур, оканчивающихся сочетанием согласных. Также следствием синкопы стало значительное увеличение количества односложных слов в держанских говорах. По остальным аспектам структуры слога и слова тверские карельские диалекты совпадают.

1.4. Ударение

В тверских диалектах карельского языка, как и в остальных карельских диалектах и прибалтийско-финских языках, выступает связанное фиксированное словесное ударение. Главное ударение в них всегда падает на первый слог слова, второстепенное – обычно на каждый нечетный слог многосложных слов, кроме последнего, при этом второй слог и четные слоги остаются безударным. Напр., **тлм.**, **всг.:** *háravóija* ‘грести’, *háravoičéldua* ‘сгрести’, *láisendel’lečie* ‘лениться’, *méččän’iekka* ‘лесовик’, *míel’ettömyš* ‘глупость’, *pélvahášta* элат. ед. от *pelvaš* ‘лен’.

На общем фоне выделяется держанский диалект, в котором в результате синкопы произошло сближение слогов, содержащих главное и второстепенное ударение, слог же, ставший последним вследствие апокопы, сохранил второстепенное ударение. Напр., **држ.:** *émännäl* адесс. ед. от *emän’d* ‘хозяйка’, *núarembán* ‘молоденький’, *páimendmín* ‘пастьба’, *pélvháš* элат. ед. от *pelvaš* ‘лен’, *šúahuštélmah* 3 инф. илл. от *šuahuštell* ‘искать’.

В сложных словах главное ударение падает на первый слог слова, второстепенное – на первый слог второй части сложного слова, напр., **тлм.**, **всг.:** *kielen|kándaja* ‘сплетник’, *pýhā|páivä* ‘воскресенье’, *yö|lákko* ‘летучая мышь’; **држ.:** *kúkom|már’i* ‘ягода терновника’, *kúwž|méčč* ‘ельник’, *pää|lág* ‘темя’.

ГЛАВА 2

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ТВЕРСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Для тверских диалектов, как и для остальных диалектов карельского языка, характерны вызванные определенными фонетическими условиями звуковые изменения гласных и согласных звуков в основе слова, происходящие в процессе словоизменения и словообразования. Речь идет об альтернации или чередовании звуков, т. е. факте различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления [Ахманова 2007: 513–514; ЛЭС: 580].

По типу чередующихся сегментов в прибалтийско-финских языках принято различать консонантные и вокалические чередования [см. Маркус, Рожанский 2011: 48]. Консонантные чередования затрагивают согласные фонемы, вокалические – гласные. Напр., тлм.: *orava* : *oravu-a* ‘белка’ ном. ед. : парт. ед. – чередование гласных *u* : *a*; *rawda* : *rawva-lla* ‘железо’ ном. ед. : адесс. ед. – чередование согласных *d* : *v*. Каждый из приведенных видов чередования играет важную роль в процессе словоизменения и словообразования.

2.1. Чередования гласных

Все возможные изменения гласных можно подразделить на три группы: изменения корневых гласных компонентов, чередования конечных гласных лексической основы слова, чередования гласных в словоизменительной основе слова.

2.1.1. Изменения гласных компонентов ударного слога

В ходе словоизменения и словообразования происходят следующие количественные и качественные изменения корневых гласных звуков:

1) чередование дифтонгов с дифтонгами / долгими гласными:
uo : *uw* / *ui*, *yö* : *yw* / *yy*, *ie* : *ii*, напр., тлм., всг.: *ruoga-* : *ruwvat* / *ruuvvat* ‘корм’ сильн. осн. : ном. мн., *vuode-* : *vuwvet* / *vuuvet* ‘год’

сильн. осн. : ном. мн., *ruoda-* : *ruwvat* / *ruuvat* ‘рыбья кость’ сильн. осн. : ном. мн., *t’iedä-* : *t’iijän* ‘знать’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд., *vuode-* : *vuwven* / *vuiven* ‘год’ сильн. осн. : ген. ед.; **држ.**: *vuade-* : *vuwven* ‘год’ сильн. осн. : ген. ед., *t’iedä-* : *t’iijän* ‘знать’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд.; **пвс.**: *juw-va* / *juw-v* (држ.) : *juo-n* ‘пить’, 1 инф. : 1 л. ед. през. инд., *tuw-va* / *tuw-v* (држ.) : *tuo-n* ‘приносить’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд., *šuw-vä* / *syw-vä* (всг.) / *šuw-v* (држ.) : *šyö-n* / *syö-n* (всг.) ‘есть’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд. *vii-jä* / *vii-j* (држ.) : *vie-n* ‘относить’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд.;

2) дифтонгизация нехарактерных для фонетических систем диалектов сочетаний гласных, выступающих в слабой ступени чередования в результате выпадения смычно-взрывных согласных: **a-a** : **ua** / **ja** (всг.), **ä-ä** : **iä**, **a-e** : **ua** / **ja** (всг.), **ä-e** : **iä**, **e-e** : **ie**, **i-ä** : **ie**, **ua-a** / **ja**: **ua** / **ja** (всг.), напр., **пвс.**: *jaga-* : *juan* / *jjan* (всг.) ‘делить’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд., *pada-* : *puat* / *pjat* (всг.) ‘горшок’ сильн. осн. : ном. мн., *šada-* : *šuat* / *šjat* (всг.) ‘сто’ сильн. осн. : ном. мн., *lage-* : *luat* / *ljat* (всг.) ‘потолок’ сильн. осн. : ном. мн., *käge-* : *kiät* ‘кукушка’ сильн. осн. : ном. мн., *nägöy-* : *n’iän* ‘видеть’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд., *väge-* : *viällä* ‘сила’ сильн. осн. : адесс. ед., *vede-* : *viet* ‘вода’ сильн. осн. : ном. мн., *pidä-* : *pien* ‘держать’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд., *ruada-* : *ruan* ‘работать’ сильн. осн. : 1 л. ед. през. инд.; **тлм.**, **всг.**: *hädä-* : *hiät* ‘беда’ сильн. осн. : ном. мн., *käde-* : *kiät* ‘рука’ сильн. осн. : ном. мн., *rege-* : *riet* ‘сани’ сильн. осн. : ном. мн.; **тлм.**: *ruaga-* : *ruat* ‘сырой’ сильн. осн. : ном. мн.;

3) чередование кратких гласных с долгими в положении перед согласным *r* < *rr*, являющимся слабоступенным соответствием сочетаний согласных *rg*, *rd*, встречающееся в говорах всех трех тверских диалектов, напр., **пвс.**: *kerda* / *kerd* (држ.) : *keeran* / *kerran* ‘раз : однажды’; **тлм.**: *arga* : *aarat* / *arrat* ‘робкий’ ном. ед. : ном. мн., *märgä* : *määrät* / *märrät* ‘мокрый’ ном. ед. : ном. мн., *pergua* : *peeran* / *perran* ‘бить’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд.; **всг.**: *šordua* : *šooran* / *šorran* ‘ронять’ 1 инф. : 1 л. ед. през. инд.; **држ.**: *kurg* : *kuuret* ‘журавль’ ном. ед. : ном. мн., *härg* : *häärät* ‘бык’ ном. ед. : ном. мн.

2.1.2. Чередования конечных гласных лексической основы слова

Для тверских карельских диалектов характерны следующие изменения гласных, выступающих на границе лексической основы слова:

1) в именных системах тверских карельских диалектов следующие изменения проявляются при противопоставлении форм номинатива единственного числа (исходных форм) и косвенных падежей:

- **i** : **e** (в одноосновных именах), напр., **тлм.**, **всг.**: *jogi* : *joge-h* ‘река’ илл. ед.¹, *kivi* : *kive-n* ‘камень’ ген. ед., *n’imi* : *n’ime-t* ‘имя’ ном. мн., *ovi* : *ove-n* ‘дверь’ ген. ед., *šoppi* : *šope-šša* ‘угол’ инесс. ед.;

- **i** : **e** (в двуосновных именах), напр., **тлм.**, **всг.**: *hiil’i* : *hiil’e-t* ‘уголь’ ном. мн., *kiel’i* : *kiel’e-n* ‘язык’ ген. ед., *lapši* : *lapše-t* ‘ребенок’ ном. мн., *lumi* : *lume-šša* ‘снег’ инесс. ед., *nuor’i* : *nuore-t* ‘молодой’ ном. мн., *pien’i* : *piene-t* ‘маленький’ ном. мн., *šuwri* : *šuwre-šša* ‘большой’ инес. ед., *vuožī* : *vuode-h* ‘год’ илл. ед. Ни первое, ни второе изменение в держанском диалекте не представлено по причине апокопы конечного гласного исходной формы слова;

- **e** : **ie** / **i** (држ.) (в двуосновных именах), напр., **тлм.**, **всг.**: *kašše* : *kaštie-n* ‘роса’ ген. мн., *late* : *lattie-t* / *lat’t’ie-t* ‘пол’ ном. мн., *vuate* : *vuattie-t* ‘одежда’ ном. мн.; **држ.**: *puaje* : *puad’i-n* ‘под (печи)’ ген. ед.;

- **u** : **uo**, **y** : **yö** (в двуосновных именах на *-uš* / *-yš*, *-ut* / *-yt*), напр., **тлм.**, **всг.**: *hyuüş* : *hyuüöt* ‘добро’ ном. мн., *nuoruš* : *nuoruon* ‘молодость’ ген. ед., *šomiuš* : *šomuo-n* ‘красота’ ген. ед., *šyüüş* : *šyüüön* ‘глубина’ ген. ед., *kätyt* : *kät’kyöt* ‘колыбель’ ном. мн., *lyhyt* : *lyhyöt* ‘короткий’ ном. мн. В держанском диалекте изменение не происходит, что является следствием синкопы, напр., *kätyt* : *kätkyt* ‘колыбель’ ном. мн.;

- **o** : **e** (в двуосновных именах с гласной основой на *-ehe-*, *-ene-*, *-el’e-*, *-ere-*), напр., **тлм.**, **всг.**: *paimen* : *paimene-t* ‘пастух’ ном. мн., *veneh* : *venehe-ššä* ‘лодка’ инесс. ед., *pereh* / *per’eh* : *perehe-ššä* / *per’ehe-ssä* ‘семья’ инесс. ед., *tadeh* : *tadehe-t* ‘навоз’ ном. мн., *huovis* : *huogehe-t* ‘дешевый’ ном. мн., *kawn’is* : *kawnehe-t* ‘красивый’ ном. мн., *kir’veš* : *kir’vehe-t* ‘топор’ ном. мн., *nagris* : *nagrehe-t* ‘репа’ ном. мн.; **држ.**: *paimen* : *paimne-t* ‘пастух’ ном. мн., *kywn’el* : *kywn’l’e-n* ‘слеза’ ген. ед., *per’eh* : *per’he-n* ‘семья’ ген. ед., *tytär* : *tyt’re-t* ‘дочь’ ном. мн.; **пвс.**: *kal’l’is* : *kallehe-t* / *kalhe-t* (држ.) ‘дорогой’ ном. мн., *valmis* : *valmehe-t* / *valmhe-t* (држ.) ‘готовый’ ном. мн. В двух последних примерах следует обратить внимание также на изменение предпоследней гласной основы *i* > *e* (држ.: *i* > *o*);

¹ В данном пункте дается перевод лексемы и указывается грамматическая форма слова, расположенного справа от двоеточия, поскольку слева дается словарная форма слова, т. е. форма номинатива единственного числа.

- **θ** : **a**, **θ** : **ä** (в двуосновных именах с основой на *-aha-* / *-ähä-*), напр., **тлм.**, **всг.**: *eräš* : *erähä-t* ‘некоторый’ ном. мн., *porraš* : *pordaha-t* ‘ступенька’ ном. мн., *puhaš* : *puhtaha-t* ‘чистый’ ном. мн., *rahvaš* : *rahvaha-lla* ‘народ’ адесс. ед., *varvaš* : *varbaha-t* ‘палец на ноге’ ном. мн.; **држ.**: *pelvaš* : *pelvha-n* ‘лен’ ген. ед., *puhaš* : *puhtha-t* ‘чистый’ ном. мн.

В результате апокопы в держанском диалекте одиночный конечный гласный исходной формы имен выпал, поэтому для него характерны также следующие изменения:

- **θ** : **V** (в одноосновных именах), напр., **држ.**: *brih* : *briha-t* ‘парень’ ном. мн., *pyh* : *pyhä-n* ‘святой’ ген. ед., *tuam* : *tuamo-ll* ‘мама’ адесс. ед., *löt't* : *lötö-t* ‘лягушка’ ном. мн., *šav* : *šavu-n* ‘дым’ ген. ед., *väv* : *vävy-ll* ‘зять’ адесс. ед., *šarv* : *šarve-t* ‘рог’ ном. мн., *kaz* : *kaz'i-t* ‘кошка’ ном. мн.;

- **θ** : **e** (в двуосновных именах), напр., **држ.**: *kiäl* : *kiäl'e-n* ‘язык’ ген. ед., *r'iih* : *r'iihe-t* ‘рига’ ном. мн., *lapš* : *lapše-t* ‘ребенок’ ном. мн., *uwž* : *uwve-t* ‘новый’ ном. мн., *lum* : *lume-šš* ‘снег’ инесс. ед.;

- **θ** : **i** (в двуосновных именах), напр., **држ.**: *kuar* : *kuar'i-n* ‘сметана’ ген. ед.;

2) в процессе образования форм партитива единственного числа происходит следующие чередования гласных:

- **a** : **u** / **i** (всг.), напр., **тлм.**, **всг.**: *aiga-* : *aigu-a* / *aigi-a* ‘время’¹, *aida-* : *aidu-a* / *aidi-a* ‘забор’, *mušta-* : *muštu-a* / *muštj-a* ‘черный’, *oma-* : *omi-a* / *omi-a* ‘свой’, *paikka-* : *paikku-a* / *paikkj-a* ‘платок’, *šada-* : *šadu-a* / *šadi-a* ‘сто’; **држ.**: *kala-* : *kalu-(w)* ‘рыба’, *nahka-* : *nahku-(w)* ‘кожа’, *oma-* : *omi-a* ‘свой’, *šuarpa-* : *šuarpu-(w)* ‘сказка’, *villa-* : *villu-a* ‘шерсть’;

- **ä** : **i**, напр., **тлм.**, **всг.**: *eläjä-* : *eläji-ä* ‘житель’, *kylä-* : *kyl'i-ä* ‘деревня’, *l'ehmä-* : *l'ehmi-ä* ‘корова’, *l'eibä-* : *l'eibi-ä* ‘хлеб’, *šil'mä-* / *s'il'mä* : *šil'mi-ä* / *s'il'mi-ä* ‘глаз’; **држ.**: *kylä-* : *kyl'i-e* ‘деревня’, *meččä-* : *mečči-i* ‘лес’;

- **o** : **u**, напр., **тлм.**, **всг.**: *čikko-* : *čikku-o* ‘сестра’, *halgo-* : *halgu-o* ‘полено’, *hebo-* : *hebu-o* ‘лошадь’, *tuamo-* : *tuamu-o* ‘мать’; **држ.**: *buabo-* : *buabu-o* ‘бабушка’, *kainlo-* : *kainlu-(w)* ‘подмышка’, *kukko-* : *kukku-(w)* ‘петух’, *rebo-* : *rebu-(w)* ‘лиса’;

¹ Для иллюстрации чередования приводится сильноступенная основа слова, поскольку форма номинатива единственного числа в держанском диалекте не позволяет обнаружить изменение, и форма партитива единственного числа.

- **ö** : **y**, напр., **тлм.**, **всг.**: *löttö-* : *lötty-ö* ‘лягушка’, *tyttö-* : *tytty-ö* ‘девочка’; **држ.**: *tyttö-* : *tytty-(w)* ‘девочка’;

- **e** : **i**, напр., **тлм.**, **всг.**: *joge-* : *jogi-e* ‘река’, *kolme-* : *kolmi-e* ‘три’, *ove-* : *ovi-e* ‘дверь’; **држ.**: *šarve-* : *šarvi* ‘рог’;

3) - **a** : **e**, **ä** : **e**, в процессе образования форм сравнительной степени прилагательных, а также пассивных форм и форм третьего лица множественного числа глаголов, напр., **тлм.**, **всг.**: *hoikka-* : *hoikembi* ‘слабый’ сравнит. ст.¹, *kova-* : *kovembi* ‘крепкий’ сравнит. ст., *paha-* : *pahembi* ‘плохой’ сравнит. ст., *vahna-* : *vahnembi* ‘старый’ сравнит. ст., *veššälä-* : *veššel’embi* ‘веселый’ сравнит. ст.; *ošta-* : *oššettu* ‘покупать’ 2 прич. пасс., *eis’tä-* : *eis’s’etäh* ‘двигать’ 3 л. мн. през. инд., *elä-* : *el’etäh* ‘жить’ 3 л. мн. през. инд., *opašta-* : *opaššetah* ‘учить’ 3 л. мн. през. инд., *otta-* : *otetah* ‘братъ’ 3 л. мн. през. инд.; **држ.**: *vanha-* : *vanhemb* ‘старый’ сравнит. ст., *vähä-* : *vähemb* ‘мало’ сравнит. ст.; *aja-* : *ajetah* ‘ехать’ 3 л. мн. през. инд., *anda-* : *annetah* ‘давать’ 3 л. мн. през. инд.;

4) в процессе глагольного словоизменения происходят следующие чередования гласных лексической основы одноосновных глаголов:

- **u** : **a**, **i** : **a** (всг.), напр., **тлм.**, **всг.**: *kandu-a* / *kandj-a* : *kanna-n* ‘носить’², *opaštu-a* / *opaštj-a* : *opašša-n* ‘учить’, *ottu-a* / *ottj-a* : *ota-n* ‘братъ’, *poltu-a* / *poljtj-a* : *polta-n* ‘жечь’; **држ.**: *andu* : *anna-n* ‘давать’, *makšu* : *makša-n* ‘платить’;

- **i** : **ä**, напр., **тлм.**, **всг.**: *jät’t’i-ä* : *jätä-n* ‘оставлять’, *keit’t’i-ä* : *keitä-n* ‘варить’, *n’iit’t’i-ä* : *n’iitä-n* ‘косить’, *peit’t’i-ä* : *peitä-n* ‘прятать’; **држ.**: *löwd’i* : *löwdä-n* ‘находить’;

- **u** : **o**, напр., **тлм.**, **всг.**: *kudu-o* : *kuvo-n* ‘ткать’, *opaštu-o* : *opaššu-n* ‘учиться’, *šidu-o* : *šivo-n* ‘завязать’; **држ.**: *kačšu* : *kačo-n* ‘смотреть’, *šani* : *šano-n* ‘сказать’;

- **i** : **e**, напр., **тлм.**, **всг.**: *is’ki-e* : *is’s’e-n* ‘бить’, *laški-e* : *lašše-n* ‘пускать’; **држ.**: *läht’i* : *lähe-n* ‘отправиться’, *šyl’gi* : *šyl’e-n* ‘плевать’;

и двусловных:

- **a** : **ua**, **a** : **ja** (всг.), **a** : **u** / **uw** (држ.), напр., **тлм.**, **всг.**: *ava-ta* : *avua-n* / *avja-n* ‘открывать’, *lad’ja-ta* : *lad’jua-n* / *lad’ja-n* ‘склады-

¹ Для примеров данного пункта указаны сильноступенная основа слова и соответственная форма именного или глагольного словоизменения.

² Левый член примеров чередования представлен в форме инфинитива, правый – в форме первого лица единственного числа презенса индикатива.

вать', *l'eika-ta : l'eikkua-n / l'eikkja-n* 'резать', *šalva-ta : šalbua-n / šalbja-n* 'закрывать'; **држ.**: *kiza-t : kizu-n / kizuw-n* 'играть', *kuiva-t : kuivu-n* 'сушить', *l'eika-t : l'eiku-n / l'eikkua-n* 'резать';

- **ä** : **iä**, **ä** : **i** (држ.), напр., **тлм.**, **всг.**: *hypä-tä : hyppiä-n* 'бежать', *kezrä-tä : kezr'ä-n* 'прясть'; **држ.**: *kez'rä-t : kez'r'in* 'прясть';

- **u** : **uo**, **u** : **u** / **uw** (држ.), напр., **тлм.**: *l'ipšu-ta : l'ipšuo-n* 'мять';

- **o** : **uo**, **o** : **u** / **uw** (држ.), напр., **тлм.**, **всг.**: *ero-ta : eruo-n* 'расставаться', *pako-ta : pakkuo-n* 'просить', *uino-ta : uinuo-n* 'заснуть'; **држ.**: *kiro-t : kiru-n / kiruw-n* 'ругать', *pako-t : pakku-n* 'просить';

- **e** : **ie**, **e** : **i** (држ.), напр., **тлм.**, **всг.**: *kate-ta : katkie-n* 'ломать', *lange-ta : langie-n* 'падать', *ruve-ta : rubie-n* 'начинать'; **држ.**: *ruve-t : rubi-n / rubie-n* 'начинать';

5) в системе глагольного словоизменения тверских диалектов чередование гласных обнаруживается также в процессе образования глагольных форм 3 л. ед. ч. през. инд. в положении перед полугласным *w* (*v*); в толмачевских говорах изменение возможно также в позиции перед согласным *m* показателя третьего инфинитива. В данном случае речь идет о лабиализации¹. Напр.: **e** : **o**, **e** : **ö**, напр., **тлм.**, **всг.**: *käške- : käškōw* 'просить'², *mäne- : mänōw* 'идти', *näge- : nägōw* 'видеть', *tule- : tulow* 'приходить'; **држ.**: *it'ke- : it'kōw* 'плакать', *tule- : tulow* 'приходить'; **тлм.**: *kovene- : kovenomah* 'твердеть', *luvettele- : luvettelomah* 'причитывать', *nowže- : nowžomah* 'подниматься', но *mittual'e- : mittual'emah* 'измерять', *ottuače- : ottuačemah* 'взяться', *tavottele- : tavottelemah* 'догонять'; **всг.**: *kirjutjače- : kirjuttjačemah* 'расписываться', *šanele- : šanelemah* 'рассказывать', *tule- : tulemah* 'приходить'; **држ.**: *kuivuče- : kuivičemah* 'сушиться'.

2.1.3. Чередования гласных в словоизменительной основе слова

Результатом присоединения показателя (-*ii*) в процессе образования форм множественного числа косвенных падежей имен, а также форм имперфекта индикатива и кондиционала глаголов в словоизменительной основе происходят следующие чередования гласных:

¹ См. раздел 1.1.2. Лабиализация гласных.

² В данном случае с левой стороны от двоеточия указана сильноступенная основа слова, а с правой – форма третьего лица единственного числа презенса индикатива или форма третьего инфинитива иллатива.

- **a : o**, в двусложных лексемах, в первом слоге которых выступают гласные *a, e, i*, или восходящие дифтонги, компонентом которых является один из перечисленных гласных, а также в части многосложных имен (если в положении перед гласным *a* основы выступают смычно-взрывные согласные или *n*, а в предпоследнем слоге содержатся гласные *a, e, i*), напр., **тлм.**: *ikkuna-* : *ikkunoi-h* ‘окно’ илл. мн.¹, *kana-* : *kanoi-lla* ‘курица’ адесс. мн., *lut'ikka-* : *lut'ikkoi-h* ‘клоп’: илл. мн., *vahna-* : *vahnnoi-lla* ‘старый’ адесс. мн.; *anda-* : *annoi-n* ‘давать’ 1 л. ед. имп. инд., *autta-* : *autoi-n* ‘помогать’ 1 л. ед. имп. инд.; **всг.**: *aiga-* : *aigoi-h* ‘время’ илл. мн., *pagina-* : *paginoid-ssa* ‘разговор’ инесс. мн., *paikka-* : *paikoid-ssa* ‘платок’ инесс. мн., *vičča-* : *viččoi-lla* ‘прут’ адес. мн.; *kažva-* : *kažvoi-n* ‘расти’ 1 л. ед. имп. инд., *malta-* : *maltoi-n* ‘понимать’ 1 л. ед. имп. инд.; **држ.**: *jalga-* : *jalloi-st* ‘нога’ элат. мн., *langa-* : *langoi-l* ‘нитка’ адесс. мн., *mužikka-* : *mužikoi-l* ‘мужчина’ адесс. мн., *nahka-* : *nahkoi-s* ‘кожа’ инесс. мн.; *kažva-* : *kažvoi-t* ‘расти’ 2 л. ед. имп. инд., *ruada-* : *ruavoi-t* ‘работать’ 2 л. ед. имп. инд.;

- **a : 0 (нуль звука)**, в двусложных лексемах, в первом слоге которых выступают гласные *o, u*, или дифтонги, их содержащие, а также в части многосложных имен и всех многосложных глаголах, напр., **тлм.**: *madala-* : *madal'i-h* ‘низкий’ илл. мн., *mušta-* : *mušti-h* ‘черный’ илл. мн.; *muista-* : *muissi-n* ‘помнить’ 1 л. ед. имп. инд., *ošta-* : *ošši-n* ‘покупать’ 1 л. ед. имп. инд., *otta-* : *otii-t* ‘брать’ 2 л. ед. имп. инд., *unahta-* : *unahii-n* ‘забывать’ 1 л. ед. имп. инд.; **всг.**: *oma-* : *omi-lla* ‘свой’ адесс. мн., *pordaha-* : *pordahii-n* ‘лестница’ ген. мн., *ruoška-* : *ruošii-lla* ‘кнул’ адесс. мн., *šorža-* : *šorži-lla* ‘утка’ адесс. мн., *tukka-* : *tuki-šta* ‘волосы’ элат. мн.; *kažvatta-* : *kažvati-n* ‘растить’ 1 л. ед. имп. инд., *muhahta-* : *muhahti* ‘улыбаться’ 3 л. ед. имп. инд.; **држ.**: *oma-* : *omi-s* ‘свой’ инесс. мн., *šoba-* : *šobi-h* ‘рубашка’ илл. мн.; *alotta-* : *aloti-n* ‘начинать’ 1 л. ед. имп. инд., *nošta-* : *nošši-t* ‘поднимать’ 2 л. ед. имп. инд., *otta-* : *oti-t* ‘брать’ 2 л. ед. имп. инд., *tahotta-* : *tahoti-n* ‘хотеться’ 1 л. ед. имп. инд.;

- **ä : 0**, в большинстве случаев, напр., **тлм.**: *kylä-* : *kyl'ii-ssä* ‘деревня’ инесс. мн., *l'ehmä-* : *l'ehmi-h* / *l'ehmii-h* ‘корова’ илл. мн.,

¹ В примерах данного вида чередования приводится сильноступенная основа слова, обнаруживающая исходный гласный, форма же слова, содержащая измененный гласный, отмечена после перевода лексемы.

l'eibä- : l'eibi-h 'хлеб' илл. мн.; *elä- : el'ii-n* 'жить' 1 л. ед. имп. инд., *keittä- : keit'i-t* 'варить' 2 л. ед. имп. инд., *kiändä- : kiän'n'i-n* 'переворачивать' 1 л. ед. имп. инд.; **всг.**: *igä- : iji-ssä* 'жизнь' инесс. мн., *meččäz'e- : meččäz'ii-ssä* 'лес' (дим.) инесс. мн., *pit'kä- : pit'ii-llä* 'длинный' адесс. мн., *s'il'mä- : s'il'mi-ssä* 'глаз' инесс. мн.; *keittä- : keit'ii-t* 'варить' 2 л. ед. имп. инд., *kyn'dä- : kyn'd'i* 'пахать' 3 л. ед. имп. инд., *n'iittä- : n'iit't'i* 'косить' 3 л. ед. имп. инд., *vedä- : veji-n* 'тянуть' 1 л. ед. имп. инд.; **држ.**: *kylä- : kyl'i-st* 'деревня' элат. мн., *pit'kä- : pit'i-l'* 'длинный' адесс. мн.; *jättä- : jät't'i-n* 'оставлять' 1 л. ед. имп. инд., *kyl'mähtä- : kyl'mäht'i-t* 'простудиться' 2 л. ед. имп. инд., *lämttä- : lämt'ii-n* 'топить' 1 л. ед. имп. инд.;

- **ä : ö**, в некоторых многосложных именах (в основном, когда в положении перед гласным *ä* основы выступают смычно-взрывные согласные или *n*, а в предпоследнем слоге содержатся гласные *e, i*), напр., **тлм.**: *per'en'n'ikkä- : per'en'n'ikkö-ih* 'передник' илл. мн., *värt'inä- : värt'inöi-l'dä* 'веретено' абл. мн.; **всг.**: *räččinä- : räččinö-ih* 'сорочка' илл. мн.;

- **e : 0**, напр., **тлм.**: *järve- : järvi-h* 'озеро' илл. мн., *kallehe- : kallehi-h* 'дорогой' илл. мн., *šarvuz'ii-ssa* (< *šarvuze-*) 'рог' (дим.) инесс. мн.; *itke- : it'i-n* 'плакать' 1 л. ед. имп. инд., *tule- : tul'ii-s'* 'приходить' 1 л. ед. имп. конд.; **всг.**: *naiz'e- : naiz'i-lla* 'женщина' адесс. мн., *toiz'e- : toiz'i-nke* 'другой' ком. мн.; *luad'i- : luajii-n* 'делать' 1 л. ед. имп. инд., *luge- : lugi* 'читать' 3 л. ед. имп. инд., *kuole- : kuol'i* 'умереть' 3 л. ед. имп. инд., *kyz'el'e- : kyz'el'i-n* 'расспрашивать' 1 л. ед. имп. инд., *kyl'be- : kyl'vi-t* 'купаться' 2 л. ед. имп. инд., *pane- : pan'i* 'положить' 3 л. ед. имп. инд., *ole- : ol'ii-s'* 'быть' 1 л. ед. имп. конд.; **држ.**: *hebze- : hebz'ii-l* 'лошадь' (дим.) адесс. мн., *kaikke- : kaikki-ll* 'все' адесс. мн., *naize- : naiz'i-ll* 'женщина' адесс. мн.; *kävel'e- : kävl'ii-n* 'ходить' 1 л. ед. имп. инд., *mäne- : män'i-t* 'идти' 1 л. ед. имп. инд., *tule- : tul'i-n* 'приходить' 1 л. ед. имп. инд.;

- **ie : e, uo : u, yö : y, uo : o, yö : ö, ua : a, iä : ä, ia : a** (всг.), **ua : o, yä : ö** (држ.), **uw : u, yw : y**, напр., **тлм.**: *abie- : abei-lla* 'обида' адесс. мн., *vuattie- : vuatte-ih* 'одежда' илл. мн., *harmua- : harmai-ssa* 'серый' инесс. мн., *mua- : mai-lla* 'земля' адесс. мн., *tuw- : tui-lla* 'другой' адесс. мн.; *langie- : langei-n* 'падать' 1 л. ед. имп. инд., *vie- : vei-n* 'относить' 1 л. ед. имп. инд., *tukkuo- : tukkui-n* 'собирать'

в кучу' 1 л. ед. имп. инд., *tuo-* : *toi-n* 'приносить' 1 л. ед. имп. инд., *luo-* : *loi-n* 'кидать' 1 л. ед. имп. инд., *uinuo-* : *uinoi-t* 'засыпать' 2 л. ед. имп. инд., *šyö-* : *šöi-n* 'есть' 1 л. ед. имп. инд., *šua-* : *šai-n* 'получать' 1 л. ед. имп. инд., *šalbua-* : *šalbai-n* 'закрывать' 1 л. ед. имп. инд., *jä-* : *jäi-n* 'оставаться' 1 л. ед. имп. инд.; **всг.**: *az'ie-* : *az'ei-h* 'дело' илл. мн., *syi-t* 'из-за' (< *syö* 'причина'), *kiwgia-* : *kiwgai-da* 'печка' парт. мн., *puw-* : *pui-sta* 'дерево' элат. мн.; *rubie-* : *rubei-mma* 'начинать' 1 л. мн. имп. инд., *eruo-* : *eroi-mma* 'расставаться' 1 л. мн. имп. инд., *tuo-* : *toi* 'приносить' 3 л. ед. имп. инд., *uinuo-* : *uinoi* 'засыпать' 3 л. ед. имп. инд., *arvua-* : *arvai-t* 'отгадывать' 2 л. ед. имп. инд., *avua-* : *avai* 'открывать' 3 л. ед. имп. инд., *leikkua-* : *laikkai-n* 'резать' 1 л. ед. имп. инд., *magua-* : *magai* 'спать' 3 л. ед. имп. инд., *hyppiä-* : *hyppäi-n* 'бегать' 1 л. ед. имп. инд.; **држ.**: *vuattie-* : *vuattei-s* 'одежда' инесс. мн., *šuappua-* / *šuappu-* : *šuappai-d* 'сапог' парт. ед.; *pakkuo-* / *pakku-* : *pakko* 'просить' 3 л. ед. имп. инд., *rubie-* / *rubi-* : *rubei-n* 'начинать' 1 л. ед. имп. инд., *uinuo-* / *uinu-* : *uinoi* 'засыпать' 3 л. ед. имп. инд., *šyö-* : *šöi-n* 'есть' 1 л. ед. имп. инд., *l'eikka-* / *l'eikku-* : *l'eikkai* 'резать' 3 л. ед. имп. инд., *šua-* : *šai-n* 'получать' 1 л. ед. имп. инд., *jua-* : *joi-n* 'пить' 1 л. ед. имп. инд., *myä-* : *möi* 'продавать' 3 л. ед. имп. инд.

Кроме того, в держанском диалекте, в связи с апокопой, в процессе образования форм 3 л. ед. ч. имп. инд. и 2 л. ед. ч. имп., происходит чередование конечных гласных основы с нулем звука, напр., *män'e-* : *män* / *män* 'идти', *ošta-* : *ošt* 'покупать', *tavotta-* : *tavott* 'ловить', *tule-* : *tul* / *tul* 'приходить'.

2.2. Альтернация согласных

Альтернация или чередование ступеней согласных карельского языка, восходящее к прибалтийско-финскому языку-основе, заключается в различии смычно-взрывных согласных фонем *k*, *t*, *p*, *g*, *d*, *b*, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы, в процессе словоизменения и словообразования.

В зависимости от морфемы, обнаруживающей альтернацию, в прибалтийско-финском языкознании выделяют радикальное и суффиксальное чередование. При радикальном (от лат. *radix* «корень») чередовании изменение происходит в основе слова в процессе формо- и словообразования вследствие присоединения к ней

аффикса. Суффиксальная же альтернация затрагивает, соответственно, сами аффиксы [Lehtinen 2007: 146]. Суффиксальное чередование в современных прибалтийско-финских языках, в том числе карельском, постепенно становится достоянием языковой истории, так как в процессе развития многие его виды утратились или уравнились в пользу одной из ступеней. Следы суффиксального чередования можно найти во всех тверских диалектах (напр., тлм.: формы партитива: *mua-da* < **maa-ta* ‘земля’ : *randu-a* < **ranta-da* ‘сторона’), однако, оно не является более продуктивным, по этой причине суффиксальное чередование изъято из дальнейшего рассмотрения. Радикальное же чередование, напротив, является продуктивным в тверских диалектах.

По характеру дифференциальных признаков альтернантов различают количественные и качественные чередования. Количественная (квантитативная) альтернация согласных распространяется на геминаты и вызывает их сокращение, качественная же (квалитативная) затрагивает смычно-взрывные согласные, находящиеся в интервокальной или постконсонантной позиции, в результате чего происходит замена этих согласных другими, их полное исчезновение (*0*) или ассимиляция с предшествующими согласными.

Механизм альтернации заключается в смене различных позиций чередования, относительно которых употребляется термин ступени чередования. Для карельского языка характерно наличие двух ступеней чередования: сильной, когда морфема, а, следовательно, и сама чередующаяся фонема, остается неизменной, и слабой, которая представляет измененную, модифицированную морфему. Этимологически первичной считается сильная ступень чередования, в то время как слабая является вторичной.

Выбор той или иной ступени зависит от признака прогрессивности / регрессивности позиции, т. е. от направления воздействия основ на аффиксы (при суффиксальном чередовании) или, наоборот, формантов на основы (при радикальном чередовании). При радикальном чередовании идентификация ступени обусловлена регрессивной позицией чередующейся фонемы, а именно качеством слога, ее содержащего, что в свою очередь напрямую зависит от фонетической структуры аффикса. Обычно, присоединяясь к основе, аффикс, в зависимости от своей структуры, оставляет ее

последний слог открытым, что предполагает сохранение сильной ступени чередования, либо закрывает его, что ведет к ослаблению основы. Данное правило и является основным законом функционирования альтернации согласных прибалтийско-финских языков.

Консонантное чередование карельского языка распространяется на одиночные (в том числе выступающие в качестве второго компонента сочетаний согласных) и геминированные смычно-взрывные согласные, а также геминату *čč*. Рассмотрим далее представительство количественного и качественного чередований ступеней согласных в тверских карельских диалектах.

2.2.1. Количественное чередование ступеней согласных

Во всех тверских карельских диалектах в отношении количественной альтернации вступают удвоенные смычно-взрывные согласные *kk*, *tt*, *pp* и аффриката *čč*. Альтернация затрагивает геминаты, выступающие как в положении после ударного слога, так и далее в слове. Напр., *kk* : *k*: пвс.: *akka*- : *akat* ‘старуха’¹, *harakka*- : *harakat* ‘сорока’; тлм.: *loukko*- : *loukot* ‘дырка’, *vakka*- : *vakat* ‘корзина’; всг.: *pakka*- : *pakat* ‘мороз’; држ.: *rokka*- : *rokat* ‘суп’;

tt : *t*: пвс.: *nuotta*- : *nuotat* ‘невод’, *otta*- : *otan* ‘брат’; тлм.: *jättä*- : *jätän* ‘оставлять’, *tyttö*- : *tytöt* ‘девочка’; всг.: *löttö*- : *lötöt* ‘лягушка’, *sättä*- : *sätät* ‘червь’;

pp : *p*: пвс.: *pappi*- : *papit* ‘поп’; тлм.: *l’eppä*- : *l’epät* ‘ольха’, *šeppä*- : *šepät* ‘кузнец, дрожжи’; всг.: *appe*- : *apet* ‘тесть’;

čč : *č*: пвс.: *mečča*- : *mečät* ‘лес’, *vičča*- : *vičät* ‘прут’; тлм.: *olgikubačču*- : *olgikubačut* ‘связка соломы’, *kučču*- : *kučun* ‘звать’; всг.: *miččo*- : *mičot* ‘невеста’, *počči*- : *počit* ‘свинья’, *pičči*- : *pičit* ‘бочка’; држ.: *lawčča*- : *lawčät* ‘лавка’.

В положении после сонорных согласных *l*, *r* и носового *n* на месте геминат в тверских карельских диалектах выступают нечередующиеся одиночные согласные². Напр., тлм.: *per’t’i*- : *per’t’it* ‘изба’, *ven’čä*- : *ven’čät* ‘венец’; всг.: *vär’či*- : *vär’čit* ‘мешок’; држ.: *tur’ki*- : *tur’kit* ‘шуба’.

¹ В примерах указаны сильноступенная основа слова и обнаруживающая слабую ступень чередования форма номинатива множественного числа для именного словоизменения и первого лица единственного числа презенса индикатива – для глагольного.

² См. раздел 1.2.3. Геминаты.

2.2.2. Качественное чередование ступеней согласных

Качественное чередование в тверских диалектах затрагивает смычно-взрывные согласные *g, d, b*, выступающие в звонком интервокальном и постконсонантном положении, а также согласные *k, t, p*, выступающие в глухом постконсонантном положении.

Слабоступенным соответствием одиночных смычно-взрывных *g, d*, в зависимости от фонетического окружения, являются альтернанты *j, v*, или нуль звука (*0*). В положении между двумя краткими одинаковыми гласными альтернант *v* выступает между лабиальными гласными *и-и, у-у, о-о*. Между двумя гласными *е-е* возможно как наличие в слабой позиции согласного *j*, так и его отсутствие. В положении между гласными *а-а, ä-ä* во всех диалектах происходит выпадение смычно-взрывного, что сопровождается дифтонгизацией, согласно диалектным особенностям. Напр., **пвс.**: *lugu-* : *luvut* ‘число’, *rege-* : *rejet / riet* ‘сани’, *jaga-* : *juan* ‘делить’; **пвс.**: *kydy-* : *kuvyt* ‘деверь’; **тлм.**: *kudu-* : *kuvut* ‘нерест’; **пвс.**: *vede-* : *vejet / viet* ‘вода’; **пвс.**: *pada-* : *puat / pjat* (всг.) ‘горшок’; **тлм.**: *šada-* : *šuat* ‘сотня’, *hädä-* : *hiät* ‘беда’.

В положении между двумя разными краткими гласными также выступают все возможные слабоступенные альтернанты. Смычно-взрывной чередуется с согласным *v* при условии, что один из окружающих гласных лабиальный. В позиции после одиночного гласного *i* в слабой ступени используется альтернант *j*. В положении перед гласным *e* происходит полное выпадение согласного, сопровождающееся последующей дифтонгизацией. Использование альтернанта *j* возможно также в положении после гласного *e*. В остальных позициях смычно-взрывной чередуется с нулем звука. В данном случае происходит дифтонгизация нехарактерных фонетической системе диалектов образовавшихся сочетаний гласных. Напр., **пвс.**: *joge-* : *jovet* ‘река’, *vago-* : *vavot* ‘борозда’; **тлм.**: *hago-* : *havot* ‘колода’, *magu-* : *mavut* ‘вкус’, *nago-* : *navot* ‘щека’, *noge-* : *novet* ‘сажа’, *šuga-* : *šuvat* ‘гребень’; **всг.**: *magu-* : *mavut* ‘вкус’, *rago-* : *ravot* ‘щель’; **држ.**: *kego-* : *kevot* ‘стог’; **пвс.**: *igä-* : *ijät* ‘возраст’; **тлм.**: *šiga-* : *šijat* ‘свинья’; **пвс.**: *väge-* : *viät* ‘сила’; **тлм.**: *lage-* : *luat* ‘потолок’; **всг.**: *nägöy* : *näit* ‘видеть’ 3 л. ед. през. инд. : 2 л. ед. имп. инд., *lage-* : *lĭat* ‘потолок’; **држ.**: *lage-* : *lavet* ‘потолок’; **пвс.**: *mado-* : *mavot* ‘змея’, *redu-* : *revut* ‘грязь’; **тлм., држ.**: *nado-* :

navot ‘золовка’; **тлм.**: *koda-* : *kovat* ‘хижина’, *muda-* : *muvat* ‘муть’; **всг.**: *šido-* : *šivon* ‘завязывать’; **пвс.**: *pidä-* : *pien* ‘держать’, *käde-* : *kiät* ‘рука’.

Смычно-взрывные *g, d* в позиции после долгого гласного в слабой ступени представлены альтернантом *j* в положении после долгого *ii* или дифтонга *ii*, *v* – после долгих *uu*, *уу*, перешедших в большинстве говоров в дифтонги *uw*, *уw*. Дифтонги *uo*, *уö*, *ie* в положении перед слабоступенными альтернантами смычно-взрывных *g, d* переходят в *uw* / *uu*, *уw* / *уу* (перед *v*), *ii* (перед *j*). Напр., **пвс.**: *ruoga-* : *ruwvat* ‘еда’, *l’iiga-* : *l’ijjat* ‘излишек’; **пвс.**: *vuode-* : *vuwvet* ‘год’; **тлм.**: *ruoda-* : *ruwvat* ‘ребро’; **пвс.**: *viide-* : *vijjet* ‘пять’; **всг.**: *riida-* : *riijjat* ‘ссора’.

В зависимости от фонетического окружения происходит и выбор слабоступенного альтернанта, находящегося в положении после дифтонга. Во всех диалектах слабоступенный альтернант *v* выступает после дифтонгов, вторым компонентом которых является лабиальный гласный или *w*. Согласный *j* появляется в позиции за стяженным дифтонгом на *i*, однако, в отдельных лексемах в данном случае *i* перед согласным *j* выпадает, что можно объяснить близкой артикуляцией гласного и полугласного согласного звуков. В остальных случаях происходит полное исчезновение смычно-взрывного. Образованный долгий гласный в данном случае сокращается, так как трифтонги подобного рода не характерны для фонетической системы карельского языка. Напр., **пвс.**: *hawge-* : *hawvit* ‘щука’; **тлм.**: *lewga-* : *lewvat* ‘подбородок’; **држ.**: *riwgu-* : *riwvut* ‘брус’, *towgo-* : *towvot* ‘личинка’; **пвс.**: *aiga-* : *aijat* / *ajat* ‘время’, *poiga-* : *poiijat* / *pojat* ‘мальчик’; **тлм.**: *ruaga-* : *ruat* ‘сырой’; **пвс.**: *hawda-* : *hawvat* ‘могила’, *lawda-* : *lawvat* ‘доска’; **тлм.**: *powda-* : *powvat* ‘ясная погода’, *rawda-* : *rawvat* ‘железо’; **всг.**: *löwdä-* : *löwvän* ‘находить’, *rjado-* : *rjavot* ‘работа’; **држ.**: *tawde-* : *tawvet* ‘болезнь’, *ruado-* : *ruavot* ‘работа’; **пвс.**: *aida-* : *aijat* ‘забор’, *maido-* : *majot* ‘молоко’; **тлм.**, **држ.**: *paida-* : *paijat* ‘рубашка’; **тлм.**: *raida-* : *raiijat* ‘ива’, *laida-* : *laijat* ‘борт’, *uid’i-* : *uijin* ‘уходить’; **пвс.**: *ruada-* : *ruan* ‘работать’; **тлм.**: *kuada-* : *kuan* ‘лить’.

Лабиальный смычно-взрывной согласный *b* в интервокальном положении чередуется с согласным *v*. Напр., **пвс.**: *huabu-* : *huavut* ‘сосна’, *l’eibä-* : *l’eivät* ‘хлеб’, *rebo-* : *revot* ‘лиса’, *šiibe-* : *šiivet*

‘крыло’, *šoba-* : *šovāt* ‘рубашка’, *taba-* : *tavat* ‘обычай’; **тлм.**, **всг.**: *šeibähāt* : *šeiväs* ‘столб’ ном. мн. : ном. ед.; **тлм.**: *n’aba-* : *n’avat* ‘пупок’; **всг.**: *hebo-* : *hevot* ‘лошадь’, *käby-* : *kävyt* ‘шишка’, *rebi-* : *revin* ‘рвать’, *rube-* : *ruvet* ‘оспа’.

В положении после сонорных согласных *l, r* смычно-взрывные *g, d* ассимилируются с впереди стоящими согласными. В некоторых говорах всех тверских диалектов гемината *rr* в положении после гласного сокращается, а сам гласный удлиняется¹. В положении после носового согласного *n* смычно-взрывной *g* в слабой позиции остается неизменным, в то время как согласный *d* ассимилируется с носовым. В позиции же после сонорных согласных смычно-взрывной *b* в слабой ступени чередуется с согласным *v*, в позиции после носового согласного *m* происходит ассимиляция. Напр., **lg** : **ll**: **пвс.**: *jalga-* : *jallat* ‘нога’; **тлм.**: *algu-* : *allut* ‘начало’, *kyl’ge-* : *kyl’l’et* ‘бок’, *olge-* : *ollet* ‘солома’; **всг.**: *halgo-* : *hallot* ‘полено’, *šulga-* : *šullat* ‘перо’; **држ.**: *jäl’ge-* : *jäl’l’et* ‘след’;

rg : **rr** / **r**: **пвс.**: *härgä-* : *härrät* ‘бык’, *kurge-* : *kurret* ‘журавль’; **тлм.**: *arga-* : *aarat* ‘дикий’, *arge-* : *aaret* ‘будничный’, *märgä-* : *määrät* ‘мокрый’, *šarga-* : *šaaran* ‘грубое сукно’, *šarge-* : *šääret* ‘плотва’, *kargajaw* : *kaarata* ‘плясать’ 3 л. ед. през. инд. : 1 инф., *kergien* : *keeritä* ‘успевать’ 1 л. ед. през. инд. : 1 инф., *perga-* : *peerat* ‘бить’;

ld : **ll**: **пвс.**: *ilda-* : *illat* ‘вечер’, *peldo-* : *pellot* ‘поле’, *humaldu-* : *humallun* ‘пьянеть’, *kiel’dä-* : *kiellän* ‘запрещать’; **тлм.**: *kulda-* : *kullat* ‘золото’;

rd : **rr** / **r**: **пвс.**: *kerda-* : *keerat* ‘раз’, *merda-* : *merrat* ‘мережа’, *parda-* : *parrat* / *paarat* ‘борода’, *kumarda-* : *kumarran* ‘кланяться’, *piirdä-* : *piirrän* ‘чертить’; **тлм.**: *korde-* : *korret* ‘стебель’, *pirda-* : *piirat* ‘бедро’, *virda-* : *viirat* / *virrat* ‘течение’, *šorda-* : *šorran* ‘валить’; **всг.**: *šorda-* : *šooran* ‘валить’; **држ.**: *r’engi-* : *r’engit* ‘ведро’, *šänge-* : *šänget* ‘жнивье’;

nd : **nn**: **пвс.**: *emän’dä-* : *emännät* ‘хозяйка’, *izän’dä-* : *izännät* ‘хозяин’, *l’indu-* : *l’innut* ‘птица’, *randa-* : *rannat* ‘берег’, *työn’dä-* : *työnnän* ‘отправлять’; **тлм.**: *kondu-* : *konnut* ‘угодьё’, **всг.**: *kanda-* : *kannat* ‘пятка’; **држ.**: *avando-* : *avannot* ‘прорубь’, *issunda-* : *issunnat* ‘заседание’, *kindhat* : *kinnaš* ‘рукавица’ ном. мн. : ном. ед.;

¹ См. раздел 1.1.3. Долгие гласные.

lb : **lv**, **rb** : **rv**: **тлм.**: *šalba-* : *šalvat* ‘задвижка’, *arba-* : *arvat* ‘жеребий’; **всг.**: *kyl’be-* : *kyl’ven* ‘париться’; **држ.**: *varbhat* : *varvaš* ‘палец на ноге’ ном. мн. : ном. ед., *virba* : *virvat-* ‘верба’;

mb : **mm**: **пвс.**: *hambahat* : *hammaš* ‘зуб’ ном. мн. : ном. ед., *lambahat* : *lammaš* ‘овца’ ном. мн. : ном. ед., *vahnemba-* : *vahnemmat* ‘родитель’, *vembel’et* : *vemmel’* ‘дуга’ ном. мн. : ном. ед.; **тлм.**: *l’embe-* : *l’emmet* ‘привлекательность’, *ramba-* : *rammat* ‘хромой’; **всг.**: *l’embo-* : *l’emmot* ‘черт’; **држ.**: *ombelen* : *ommella* ‘шить’ 1 л. ед. през. инд. : 1 инф.;

ng : **ng**: **пвс.**: *langa-* : *langat* ‘нитка’; **тлм.**: *henge-* : *henget* ‘душа’, *onge-* : *onget* ‘удочка’; **всг.**: *hange-* : *hanget* ‘сугроб’, *kangahat* : *kangaš* ‘полотно’ ном. мн. : ном. ед., *panga-* : *pangat* ‘ручка ведра’.

Чередованию ступеней согласных подвержены сочетания согласных *sk*, *šk*, *tk*, *ht*, *st*, *št*. В случае чередования сочетаний *tk*, *ht* смычно-взрывной выпадает. При чередовании сочетаний согласных *sk*, *šk*, *st*, *št* в слабой позиции происходит ассимиляция смычно-взрывных с *s*, *š*, однако, в положении после дифтонгов или долгих гласных в слабой ступени возможны одиночные согласные *š*, *s* в качестве слабоступенных альтернантов сочетаний *sk*, *šk*. Сочетание согласных *hk* остается за рамками чередования, однако, удалось обнаружить редкие примеры альтернации. Слабоступенным соответствием сочетания *tk* выступает *t*. Напр., **šk** : **šš** / **š**, **sk** : **ss** / **s**: **пвс.**: *laške-* : *laššen* ‘отпускать’; **пвс.**: *is’ke-* : *is’s’en* ‘бить’, *leške-* : *leššet* ‘вдова’, *ruoška-* : *ruoššat* ‘хлыст’; **тлм.**: *keške-* : *keššet* ‘середина’, *laiska-* : *laisat* ‘ленивый’, *n’iška-* : *n’iššat* ‘затылок’, *kisko-* : *kisson* ‘вырывать’;

št : **šš** / **š**, **st** : **ss** / **s**: **пвс.**: *laštu-* : *laššut* ‘щепка’, *mušta-* : *muššat* ‘черный’, *istū-* : *issun* ‘сидеть’; **всг.**: *rista-* : *rissat* ‘крестный’; **тлм.**, **всг.**: *aštu-* : *aššun* ‘шагать’; **тлм.**, **држ.**: *vašta-* : *vaššat* ‘веник’; **држ.**: *košto-* : *koššot* ‘сарафан’, *val’l’ašta-* : *val’l’aššan* ‘запрягать’;

hk : **hk** / **h**: **пвс.**: *nahka-* : *nahkat* ‘кожа’, *vihko-* : *vihkot* ‘тряпка’, *tahkuon* : *tahkota* ‘точить’ 1 л. ед. през. инд. : 1 инф.; **тлм.**: *kewhko-* : *kewhkot* ‘легкое’, *šohka-* : *šohkat* ‘подпорка’, *tahko-* : *tahkota* ‘точило’, *puhkean* : *puheta* ‘чистить’ 1 л. ед. през. инд. : 1 инф.; **всг.**: *r’iähkä-* : *r’iähät* ‘грех’, *tähkä-* : *tähkät* ‘колос’; **држ.**: *r’iähkä-* : *r’iähät* ‘грех’, *tuhka-* : *tuhkat* ‘зола’;

ht : **h**: пвс.: *ahtahat* : *ahaš* ‘тесный’ ном. мн. : ном. ед., *l’ehet* : *l’ehet* ‘лист’, *yhte* : *yhet* ‘один’, *kahte* : *kahet* ‘два’; тлм.: *puhtahat* : *puhaš* ‘чистый’ ном. мн. : ном. ед., *täht’e* : *tähet* ‘звезда’, *läht’e* : *lähen* ‘отправиться’, *pirahtu* : *pirahun* ‘посыпаться’; всг.: *kohta* : *kohat* ‘место’, *vyuht’e* : *vyuhet* ‘катушка’;

tk : **t**: пвс.: *pet’kel’et* : *pet’el* ‘пест’ ном. мн. : ном. ед., *pit’kä* : *pität* ‘длинный’, *it’ke* : *it’en* ‘плакать’; тлм.: *butke* : *butet* ‘дудка’, *šotke* : *šoten* ‘мешать’; всг.: *itku* : *itut* ‘плач’, *jatko* : *jatot* ‘продолжение’; држ.: *röt’ke* : *röt’et* ‘редька’.

Как показали примеры, одни и те же грамматические формы одно- и двусловных слов обнаруживают разные степени чередования в основе. Речь идет о прямом и обратном чередовании. Напр., тлм.: одноосновные лексемы *kukko* : *kukotta* ‘петух’ ном. ед. : абесс. ед., *jogi* : *jovetta* ‘река’ ном. ед. : абесс. ед.; двусловные лексемы *hammaš* : *hambahatta* ‘зуб’ ном. ед. : абесс. ед., *vemmel* : *vemmel’etta* ‘дуга’ ном. ед. : абесс. ед. [см. Новак 2014 : 134–135].

Согласно основному правилу чередования, все закономерно: слабая ступень выступает в закрытом слоге, а сильная – в открытом, т. е. согласная основа двусловных имен содержит слабую ступень чередования, а гласная – сильную. Однако, если в рассмотренных примерах чередующаяся фонема гласной основы отдалена от границы морфем и, следовательно, присоединение аффикса не способно вызвать консонантную альтернацию, то в двусловных именах, оканчивающихся на *si* с согласной основой на *t*, также обнаруживающих чередование ступеней согласных, ситуация иная. Напр., тлм.: *vez’i* : *vet-tä* : *ved’e-nä* : *ved’e-h* : *veje-t* ‘вода’ ном. ед. : парт. ед. : эсс. ед. : илл. ед. : ном. мн. О том, что приведенная лексема является двусловной, свидетельствует форма партитива единственного числа, обнаруживающая согласную основу. Образование же остальных форм происходит как и в случае с одноосновными именами, т. е. выбор ступени чередования зависит от условия закрытости (номинатив множественного числа) / открытости (эссив единственного числа) слога, возможны исключения из данного правила (иллатив единственного числа). Это объясняется тем, что в рассмотренном случае чередующаяся фонема находится на стыке морфем и подвержена влиянию показателей.

2.2.3. Морфологическая составляющая альтернаций согласных

Чередование ступеней согласных играет важную роль в процессе словоизменения, так как варьирование фонологического состава морфемы является средством маркирования морфологической роли морфа. В карельском языке альтернация согласных в качестве дополнительного средства активно используется в морфологических целях, она помогает сохранить противопоставление категорий и дифференцировать различные грамматические формы слова. Анализ образования различных словоизменительных форм в современных диалектах карельского языка позволяет сделать вывод о том, что присоединение грамматического форманта к основе имени или глагола требует особого внимания к явлению альтернации согласных. В карельском языке стало возможным существование слабой ступени в открытом, а сильной – в закрытом слоге; решающее место теперь имеет лишь облик морфемы, а не ее фонологическая структура. При образовании большинства словоизменительных именных и глагольных форм в карельских наречиях все еще действует правило, согласно которому при закрытии формантом последнего слога основы слова в ней происходит изменение смычно-взрывного согласного компонента, а в том случае, когда основа остается открытой, сохраняется сильная ступень чередования. Таким образом, при прямом чередовании ступеней согласных форманты, состоящие из одного согласного (C) или двух согласных и гласных (CCV / CCVV), присоединяются к слабой основе, а аффиксы, состоящие из одного гласного (V), согласного и гласного (CV) или согласного, гласного и согласного (CVC) – к сильной. Однако образование целого ряда именных и глагольных форм во всех тверских диалектах обнаруживает исключения из основного альтернационного правила. В держанском же диалекте количество таких исключений значительно выше, что можно объяснить довольно поздней апокопой конечных гласных грамматических показателей.

История формирования показателей позволяет объяснить все имеющиеся отступления: в силу определенных фонетических изменений (в частности, преобразование ослабленных геминат в одиночные согласные, выпадение слабоступенных вариантов согласных и др.) открытые слоги становятся закрытыми и, наоборот, закрытые открываются. Обозначенные изменения, хронологически относительно

поздние, оказались уже неспособными изменить исторический облик основ, и, таким образом, современный их вид в целом ряде грамматических форм сохраняет память об исторических истоках.

Представим в виде таблицы образование наиболее употребительных грамматических форм в тверских диалектах карельского языка. Серым цветом в таблице выделены случаи, когда присоединение словоизменительных показателей и окончаний происходит фонетически незакономерно, т. е. в закрытом слоге выступает сильная ступень, а в открытом, наоборот, слабая.

Таблица 7

	Толмачевский и весьегонский диалекты		Держанский диалект	
Именное словоизменение				
число	ед. ч. (0) aitta ¹ +	мн. ч. (сильн. / слаб. ст. + i; сильн. ст. + IOi) + aitto+i+	ед. ч. (0) aitta+	мн. ч. (слаб. / сильн. ст. + i; сильн. ст. + IOi) + aitt+loi+ / aito+i+
ном.	сильн. ст. aitta	слаб. ст. + t aita+t	сильн. ст. - V aitt	слаб. ст. + t aita+t
ген.	слаб. ст. + n aita+n		слаб. ст. + n aita+n	
парт.	сильн. ст. + A, O, e aittu+a		сильн. ст. + w, i aittu+w	
эсс.	сильн. ст. + nA aitta+na		сильн. ст. + n aitta+n	
транс.	слаб. ст. + kši, ks' i aita+kši		слаб. ст. + kš, ks' aita+kš	
инесс.	слаб. ст. + ššA, ssA aita+šša		слаб. ст. + šš, ss, š, s aita+šš	
элат.	слаб. ст. + štA / stA aita+šta		слаб. ст. + št, st aita+št	
илл.	сильн. ст. + h aitta+h		сильн. ст. + h aitta+h	
адесс.- алл.	слаб. ст. + llA aita+lla		слаб. ст. + ll, l aita+ll	
абл.	слаб. ст. + ldA aita+lda		слаб. ст. + ld aita+ld	
абесс.	слаб. ст. + ttA aita+tta		слаб. ст. + tt aita+tt	
ком.	слаб. ст. + nke aita+nke		слаб. ст. + nken aita+nken	

¹ От *aitta* / *aitt* (држ.) 'амбар'.

Глагольное словоизменение				
Лично-числовые формы				
индикатив (0)				
презентс (0)				
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	слаб. ст. + n anna+n ¹	слаб. ст. + mmA anna+mma	слаб. ст. + n anna+n	слаб. ст. + mm anna+mm
2 л.	слаб. ст. + t anna+t	слаб. ст. + ttA anna+tta	слаб. ст. + t anna+t	слаб. ст. + tt anna+tt
3 л.	сильн. ст. + w anda+w	слаб. ст. + tAh anne+tah	сильн. ст. + w anda+w	слаб. ст. + tAh anne+tah
	отрицание			
	отриц. глаг. + слаб. ст. en anna		отриц. глаг. + слаб. ст. - V en ann	
имперфект (сильн. / слаб. ст. + i) +				
1 л.	слаб. ст. + i + n anno+i+n	сильн. ст. + (i) + mA ando+ma	слаб. ст.+ i + n anno+i+n	сильн. ст. + i + m / mm ando+i+m
2 л.	слаб. ст. + i + t anno+i+t	сильн. ст. + (i) + jA ando+ja	слаб. ст. + i + t anno+i+t	сильн. ст. + (i) + ji ando+ji
3 л.	сильн. ст. + (i) ando	слаб. ст. + ttiH anne+ttiH	сильн. ст. - V and	слаб. ст. + ttiH anne+ttiH
кондиционал				
1., 2 л. ед. и мн.	сильн. ст. + z'i, z'ii + anda+z'ii+n		сильн. ст. + z'i, z'ii + anda+z'ii+n	
3 л. ед.	сильн. ст. + is' anda-is'		сильн. ст. + is' anda-is'	
императив				
2 л.	слаб. ст. + 0 anna	сильн. ст. + kkUA anda+kkua	слаб. ст. - V ann	сильн. ст. + kku / kkuw anda+kku
Именные формы				
1 инф.	сильн. ст. + A, o, e andu+a		сильн. ст. + (w) andu+(w)	
3 инф.	сильн. ст. + mA + anda+ma+h		сильн. ст. + mA + and+ma+h	
1 прич. акт.	сильн. ст. + jA anda+ja		сильн. ст. + i anda+i	
2 прич. акт.	сильн. ст. + n(nun) anda+n(nun)		сильн. ст. + n(nun) anda+n(nun)	
2 прич. пасс.	слаб. ст. + ttu anne+ttu		слаб. ст. + tt anne+tt	

¹ От *andua* / *andu* (држ.) 'давать'.

Итак, при именном словоизменении в тверских карельских диалектах исключения из основного правила чередования ступеней согласных обнаруживает образование форм иллатива. Напр., тлм.: *Läks'imä meččih šuwrih eččimäh l'ehmie*. [ОКР: 54] 'Пошли в леса большие искать коров.'; *Kumbazeh randah mänen miehellä*. [ОКР: 101] 'В какую сторону выйду замуж.'; всг.: *Män'e meččäh*. [ОКР: 88] 'Иди в лес.'; *Pappi pan'i vakkah arbuwzan*. [ОКР: 15] 'Поп положил в корзину арбуз.'; држ.: *Vijäh hänen jogeh*. [ОКР: 267] 'Отнесут его в реку.'; *Hukk ka skroiččičči meččäh*. [ОКР: 179] 'Волк вот скрылся в лес.'

Присоединение форманта иллатива *-h* приводит к закрытию последнего слога основы, но альтернация согласных в ней не происходит. По происхождению рассматриваемый показатель восходит к финно-волжскому **-sen > *-hen*, перешедшему в прибалтийско-финский язык-основу [см. Nakulinen 1979: 104]. Очевидно, что в таком виде формант не мог повлиять на ослабление согласного основы. Большинство карельских диалектов сохранило лишь первый компонент древнего показателя, однако, изменение его структуры уже не способно было привести к трансформации сильной основы в слабую.

В держанском диалекте число форм именного словоизменения, обнаруживающих исключения, пополняется за счет апокопы. Речь идет об образовании эссива. Напр., држ.: *A jo kun Roštun...* [СКГ: 124] 'А уже как на Рождество...'; *Pruazn'ikkan hyviin šuar'ičettih*. [СКГ: 98] 'По праздникам хорошо одевались'.

По происхождению эссив возводится исследователями к финно-угорскому локативу на **-nA* [см. Nakulinen 1979: 101]. В прибалтийско-финском праязыке, сохранив свой облик, он не мог вызывать альтернацию согласных лексической основы. Очевидно, вследствие апокопы показатель эссива в держанском диалекте утратил конечный гласный компонент, что, однако, уже не могло отразиться на чередовании ступеней согласных основы слова.

В глагольном словоизменении исключения обнаруживает образование отрицательных форм презенса индикатива, форм 3 л. мн. ч. през. индикатива, 3 л. ед. ч. кондиционала, форм повелительно-го наклонения, а также образование форм 2 причастия актива.

В случае с отрицательными формами презенса индикатива, а также формами 2 л. ед. ч. императива, наличие открытого конечного слога не способно фонетически объяснить слабоступенное представительство глагольной основы. Напр., отрицание: **тлм.:** *En šuata* (< *šuatta-*). [PM3: 1] ‘Не провожу.’; **всг.:** *Kylyh en lähe* (< *läht’e-*)! [NKK: 22] ‘В баню не пойду!’; **држ.:** *Ka unhat jo vrod’, et muiss* (< *muista*). [СКГ: 170] ‘Вот забудешь уже все, не помнишь.’;

2 л. ед. имп.: **тлм.:** *Ota* (< *otta-*) *kod’in’iekakši!* [КПКС: 119] ‘Возьми меня домовничающим!’; **всг.:** *Kačo* (< *kaččo-*) *kedä otat.* [LSK: 22] ‘Смотри, кого берешь.’; **држ.:** *Aššu* (< *aštu-*)! [DKT: 142] ‘Ступай!’.

Отрицательные формы презенса образованы из лично-числовых форм отрицательного глагола *ei* ‘нет’ и слабоступенных лексических основ глагола. Очевидно, первоначально к лексической основе присоединялся показатель презенса **-k*, который закрывал последний слог и вызывал чередование ступеней согласных в ней. Со временем этот показатель выпал, но слабая ступень основы сохранилась [см. Nakulinen 1979: 246–247]. Показателем же императива в прибалтийско-финском праязыке являлся финно-угорский по происхождению формант **-k*, который также со временем исчез из формы 2 л. ед. ч. [см. Häkkinen 1985: 107], но образовавшийся открытый слог уже не способен был повлиять на выбор сильной ступени чередования.

Против основного альтернативного правила происходит и образование форм 3 л. мн. ч. през. инд., лично-числовое окончание *-h* которых присоединяется к пассивной основе на *-ta-* / *-tä-*. Негеминированный показатель пассива, однако, требует перед собой наличия слабой ступени глагольной основы. Напр., **тлм.:** *Kačotah* (< *kačotta-* < *kaččo-*), *aštuw heidä vaštah hukka.* [PM3: 1] ‘Смотрят они, идет навстречу волк.’; **всг.:** *Lapšet tas’tä ikkunaz’ešta lawdaz’en eis’etäh* (< *eis’tä-*)... [OKP: 22] ‘В этом окошке дети дощечку сдвинут...’ **држ.:** *Muwvennet ka löwvetäh* (< *löwdä-*) *i tuwvah.* [СКГ: 33] ‘Некоторые вот находят и приносят.’

В исследовании «Вепсский глагол» Н. Г. Зайцева выделяет две формы, выражающие 3 л. мн. ч. инд.: форма активная по проис-

хождению и пассивная. Если в вепсском языке употребляются обе формы, то в карельском произошло слияние форм, что в итоге привело к активизации пассивных форм и употреблению их в значении 3 л. мн. ч. инд. Активные же по происхождению формы в карельском языке не сохранились [см. Зайцева 2002: 60, 69]. Наличие слабой ступени чередования в исходной глагольной основе может объяснить первичное геминированное представительство показателя пассива, сократившегося в силу определенных обстоятельств (*-tah* < **-ttA+h* < **-ttA+hen*).

Следует обратить внимание на то, что в тверских диалектах, как и в других собственно карельских и ливвиковских диалектах, функционируют формы 3 л. мн. ч. одноосновных многосложных глаголов с основой на *-e*, не обнаруживающие в основе слабой ступени чередования и не сохранившие показатель пассива (*läht'eih* имп. от **läht'ieh* през.), а также контаминированные формы (*läht'ietäh* / *läht'itäh* (држ.) / *lähtäh* (држ.)), объединяющие оба варианта [см. Зайков 2000: 87–97]. Напр., тлм.: *Nu hyö tuaš läht'eih*. [ОКР: 161] 'Ну, они опять отправились.'; вsg.: *Rugehet loppietah kaikki*. [ОКР: 237] 'Уборку ржи заканчивают все.'; држ.: *Tytöt i läht'itäh toiz'eh küläh gul'aimah*. [СКГ: 99] 'Девушки и отправляются в другую деревню гулять.'

Л. Кеттунен объясняет появление подобного рода форм следующим образом: в языке-основе изначально функционировал лишь один показатель пассива **-tA* : *-δA* (геминированный показатель развился позже из стяженных глаголов и по аналогии распространился на одноосновные), поэтому формы типа *läht'eih* имп. от **lähtieh* < **lähteäh* < **lähte-dä-hen* являются более древними по сравнению с остальными формами пассива одноосновных глаголов [Kettunen 1915: 112].

Образование формы императива 2 л. мн. ч. также происходит не по правилу, поскольку присоединение геминированных показателей к сильноступенной основе фонетически незаконно. Напр., тлм.: *Kaččokkua lapšet*. [LSKL: 60] 'Посмотрите, дети.'; вsg.: *Vedäkkiä kylyh*. [KKN: 22] 'Отведите в баню.'; држ.: *Laškekkua ildkezroh*. [DKT: 18] 'Пустите на беседу.'

Согласно Л. Кеттунену, геминированное окончание сформировалось первоначально в двусловных стяженных глаголах на *-ta / -tä*, в результате ассимиляции согласного *t* основы глагола и показателя императива **-k*, затем по аналогии удвоился палатальный смычно-взрывной показатель в одноословных глаголах [Kettunen 1915: 110–111]. Следовательно, формант **-ka* не мог повлиять на ослабление смычно-взрывных в лексической основе глагола, что представлено и в современных карельских диалектах.

Против основного альтернативного правила происходит и образование форм кондиционала 3 л. ед. ч. на *-is*. Напр., **тлм.**: *Il'la štobi awttais' uber'ie kaikki*. [КПКС: 137] ‘Чтобы Илья помог все убрать.’; **држ.**: *My n'iiit't'im äijän hein'i, štobi hvat't'is*. [СКГ: 26] ‘Мы косили много сена, чтобы хватило!’

Исследователи возводят показатели сослагательного наклонения к финно-угорскому суффиксу **-ηsi-*, перешедшему в прибалтийско-финском праязыке в **-isi-* [см. Häkkinen 1985: 111], который не мог требовать слабой ступени чередования в основе слова. Такое фонологическое положение вещей сохранилось и после сокращения показателя, приведшего к закрытию последнего слога лексической глагольной основы.

Также против правила происходит образование форм 2 причастия актива с показателем *-n(nun / nyn)*, когда фонетически незакономерно словоизменяемые форманты присоединяются к сильной основе одноословных многословных глаголов, что объясняется их происхождением от прибалтийско-финского негеминированного показателя **-nUt* [см. Häkkinen 1985: 128]. Напр., **тлм.**: *N'i midä emmä maltannun*. [ОКР: 172] ‘Мы ничего не понимали.’; **всг.**: *Että andan vähäs'tä vielä ištuo*. [ОКР: 15] ‘Не дали даже немного посидеть.’ **држ.**: *Tän vun en i issutannun*. [СКГ: 88] ‘В этом году и не сажала.’

Образование форм 1 л. мн. ч. имп. инд. в держанском диалекте также происходит вопреки основному правилу альтернции согласных, так как сильноступенная основа выступает в закрытом слоге, что является следствием апокопы. Напр., **држ.**: *Hebzill kan'ešn andoim i kagrua*. [СКГ: 20] ‘Лошадям, конечно, и овес давали.’; *My ottim vaštu*. [СКГ: 41] ‘Мы взяли веник.’

Анализ диалектного материала показал, что сокращение показателей в держанском диалекте привело к грамматической омонимии формы генитива единственного числа (*akan* от *akk* ‘жена, старуха’) и эссива единственного числа (*akkan*).

Во всех описываемых диалектах омонимию обнаруживают также образование форм 3 л. ед. ч. имп. инд. (*kačšo / kačš* (држ.) от *kačšuo / kačši* (држ.) ‘смотреть’) и 2 л. ед. ч. имп. глаголов с основой на *u / y, o / ö, i* (*kačo / kač* (држ.)), а также форм 1 л. ед. ч. през. инд. (*kačon*) и 2 причастия актива (*kačšon*). В первом случае омонимия грамматических форм была вызвана отпадением суффиксов имперфекта **-i* и императива **-k*, несущих грамматическую информацию, во втором к совпадению привело сокращение трехморфового суффикса **-nun / -nup* [см. Зайков 2000: 148].

В рассмотренных примерах грамматической омонимии консонантные чередования являются единственным средством разграничения словоформ. В контексте определения грамматической формы, конечно, не вызывает затруднения, однако, идентифицировать отдельно взятые словоформы позволяет лишь наличие в них той или иной ступени консонантной альтернации. В данных случаях чередования ступеней согласных являются функционально значимыми, т. е. берут на себя самостоятельную грамматическую роль, в отличие от других словоформ, где альтернация согласных не выражает определенного грамматического значения, а лишь сопровождает те или иные словоизменяемые морфемы, выполняя вспомогательную функцию.

ГЛАВА 3

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛЕКСИКИ

Условия многовекового экономического и культурного взаимодействия карельского населения региона с русским, а в дальнейшем и двуязычия, не могли не сказаться на карельском языке. Согласно Л. Г. Громовой, «Если первые два столетия проживания карелов в Верхневолжье основные коммуникативные функции выполнял родной язык, то к началу XX в. в регионе установилось двуязычие, при котором русский язык обслуживал производственную и торговую сферы, а карельский – социально-культурную и бытовую» [Громова 1997: 12–13]. Политико-экономические и социальные перемены в годы советской власти многократно усилили процесс языковой ассимиляции карелов, в результате чего карельский язык перешел в разряд обиходного.

Наиболее восприимчивой к влиянию соседнего языка является лексика, находящаяся в состоянии непрерывного развития и изменения. Заимствования постоянно приходят в язык. В первую очередь усваиваются лексемы, отсутствующие в принимающем языке, но необходимые для выполнения коммуникативной функции. Иноязычные слова приходят вместе с новыми предметами или понятиями, иногда заимствуется только одно значение слова, или ему придается переносное значение, возможна также полная утрата первоначального значения, довольно часто встречаются и кальки [Злобина 1963: 67–68].

«Словарь карельского языка: Тверские говоры», составленный А. В. Пуужиной [СКЯ 1994], включает около 12–15 % заимствованной из русского языка общенародной и диалектной лексики. Очевидно, что в повседневной речи этот процент значительно выше и растет год от года.

Проникновение русских заимствований в карельский язык происходит уже на протяжении многих веков. Условно их можно разделить на три группы:

1) заимствования из древнерусского языка (начиная со второй половины I тыс. до XIV–XV вв.), характерные для большинства прибалтийско-финских языков, напр, **тлм.**: религиозные термины: *ris't'i* ‘крест’, *pagana* ‘язычник’, *pappi* ‘поп’; лексика домашнего хозяйства: *luz'ikka* ‘ложка’, *värt'inä* ‘веретено’, *pirda* ‘бердо’ [см. ОФУЯ 1975: 119–121]. В древнерусских заимствованиях отражается различие между долгими и краткими гласными, не сохранившееся в восточнославянских языках [Kalima 1952: 189–192]. Л. Хакулинен выделяет также наличие незначительного количества славянских заимствований, предшествующих древнерусским (напр., **тлм.**: *hirži* ‘бревно’) [Hakulinen 1979: 364–368];

2) заимствования из русского языка (XVI–XIX вв.), вошедшие в карельский язык в ранний период его развития, напр., общественно-политические термины: **тлм.**: *čuar'i* ‘царь’, *bajar'i* ‘помещик’, *barčina* ‘барщина’, *kniäz'i* ‘князь’, *kupča* ‘купец’; термины родства: **тлм.**: *tuamoto* ‘мать’, *tuatto* ‘отец’;

3) поздние заимствования из русского языка (XX–XXI вв.), напр., **тлм.**: *revol'ucija* ‘революция’, *škola* ‘школа’, *part'ija* ‘партия’, *pojezda* ‘поезд’, *t'el'efona* ‘телефон’, *toku* ‘ток’, *rad'io* ‘радио’. Эта группа наиболее многочисленная, поскольку относится к периоду двуязычия карелов. Она непрерывно пополняется новейшими заимствованиями, напр., **тлм.**: *kompjut'era* ‘компьютер’, *d'iska* ‘диск’, *faksa* ‘факс’, *internetta* ‘интернет’.

Кроме того, всю заимствованную из русского языка лексику можно разделить на заимствования из общенародной лексики (литературная и разговорная норма русского языка) и заимствования из русских говоров [Зайцева 1990: 92]. Количество заимствований из общенародной лексики, пришедших в тверское карельское наречие в разные периоды его функционирования, значительно. Можно выделить следующие основные тематические группы: социально-экономические, общественно-политические, научные и технические термины, сельскохозяйственная терминология, названия частей тела, наименования растений и животных, названия построек, транспортных средств, предметов быта, одежды, обуви и украшений, обозначение пищи и продуктов питания, названия явлений природы и географических объектов, лексика

из областей искусства, культуры, религии, промышленности, медицины, метеорологии и пр. Отдельную группу составляют заимствованные имена прилагательные и глаголы.

Исторически сложилось, что традиционные территории проживания тверских карелов расположились в пограничной зоне восточных (Владимирско-Поволжский диалект) и западных (Селигеро-Торжковские говоры) среднерусских и севернорусских (Белозерско-Бежецкая подгруппа) говоров [ТСГТО 2003: 3], из которых тверские карельские диалекты заимствовали немалое число диалектной лексики различных тематических групп: земледелие, растения, одежда, обувь, пища, продукты питания, постройки, транспорт, хозяйственная утварь и др. [Пунжина 1971: 42–45]. Напр., **тлм.**: *bladenča* < бладенец 'младенец', *fat'era* фатира < 'квартира', *kal'idora* < колидор 'коридор', *l'esora* < лесора 'рессора', *merluwga* < мерлуга 'берлога', *mošel'n'ikka* < мошельник 'мошенник', *namas't'er'i* < намастырь 'монастырь', *n'ekrutta* < некрут 'рекрут', *obl'eizana* < облезьяна 'обезьяна', *panafiida* < панафида 'панихида', *perčanka* < перчанка 'перчатка', *prol'ieha* < пролеха 'прореха', *skusnoi* < скусной 'вкусный', *sus'ieda* < сусед 'сосед'; **држ.**: *dohtar* < дохтор 'доктор', *kukšin* < кукшин 'кувшин'; **тлм.**: *d'erbinä* < дербина 'залежь', *l'eha* < леха 'полоса', *t'opluhat* < тепляки 'валенки', *obarn'ikka* < опарник 'ржаной пирог', *lagunka* < лагунок, *mos't'ina* < мостина 'корзина' [Пунжина 1971]; *navid'ie* < навидеть 'любить', *nagol'e* < наголо 'постоянно'; **всг.**: *jiäzviččä* < язвец 'барсук', *staiččä* < ставец 'деревянная миска' [СОСД 2007].

Попадая в карельский язык, новые слова начинают подстраиваться под его фонетические законы. Фонетическая адаптация русских заимствований тверских диалектов карельского языка до настоящего времени не являлась объектом специального изучения. В 1952 г. вышло исследование лингвиста Я. Калима «Slaavilaisperäinen sanastomme» [Kalima 1952], посвященное анализу лексики, заимствованной из русского языка в различные периоды его развития в прибалтийско-финский язык-основу и его дочерние языки. Их фонетический анализ позволяет автору судить о хронологии заимствования. В ранних пластах выражается более древнее фонетическое состояние русского языка. Автор приводит

примеры, в том числе, из южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, распространенных на территории Республики Карелия, а также ливвиковских и людиковских диалектов. Тверские карельские диалекты здесь не представлены, однако, как показал проведенный анализ, картина существенно не отличается, поскольку основы фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики были заложены еще на стадии функционирования древнекарельского языка.

Основные аспекты взаимодействия карельского и русского языков освещены в статье А. А. Белякова «Результаты влияния русского языка на карельскую фонетику и лексику» [Беляков]. Непосредственно проблеме русских заимствований в тверских карельских диалектах посвящена статья А. В. Пунжиной «О некоторых лексических заимствованиях в карельском языке». В ней автор анализирует группу заимствований, пришедших в карельский язык из русской диалектной лексики тверского региона, описываются их основные тематические группы. В заключении делаются краткие выводы относительно фонетической адаптации заимствованной лексики [см. Пунжина 1971: 45].

Анализ заимствованной из русского языка общенародной и диалектной лексики всех тверских карельских диалектов позволил представить систему их фонетической адаптации, определить ее специфические диалектные особенности, а также выявить закономерности, связанные с периодом перехода лексемы из русского в карельский язык.

3.1. Фонетические изменения в системе гласных звуков

1. Замена ударного гласного русского слова дифтонгом или долгим гласным.

Фонетической системе современного русского языка не свойственно наличие долгих гласных звуков. Однако ударные гласные произносятся в нем более долго, чем безударные. В тверских диалектах карельского языка встречаются три долгих гласных *ии*, *уу*, *йй*, которые в большинстве говоров перешли в нисходящие дифтонги *иw*, *уw*, *й [ij]*. Прибалтийско-финские долгие гласные **aa*, **ää*, **oo*, **öö*, **ee* представлены в них восходящими дифтонгами¹.

¹ См. разделы 1.1.3. Долгие гласные и 1.1.4.1. Восходящие дифтонги.

В процессе фонетической адаптации русских заимствований на место ударных гласных русского слова в карельских диалектах пришли дифтонги или в некоторых говорах долгие гласные *ii*, *uu*, *yy*. Напр., **тлм.**: *juablokka* < яблоко 'картофель', *juaššikka* 'ящик', *kanuatta* 'канат', *luapot't'i* 'лапоть', *samvuara* 'самовар', *Spuasu* 'Спас', *suad'iba* 'свадьба', *škuappa* 'шкаф', *ualoi* 'алый', *d'iädö* 'дядя', *miäčču* 'мяч', *piät'inčä* 'пятница', *pr'ian'ikkä* 'пряник', *sr'äppie* 'стряпать' (диал.), *sviäz'i* 'связь', *šl'iäppä* 'шляпа', *muožot* 'может', *d'ielä* 'дело', *kl'iever'i* 'клевер', *miela* 'мел', *sovietta* 'совет', *pr'imietta* 'примета', *n'iežnoi* 'нежный', *partr'ietta* 'портрет', *miero* 'мир', *piisar'i* 'писарь', *riihi* 'рига', *viisen'ja* 'вишня', *viigona* 'выгон'; **брууду** 'пруд', **huutora** 'хутор', **čuwa** 'чудо', **kruwga** 'круг', **stuwla** 'стул', **uwl'ičča** 'улица', **l'uwbö** 'любо' (диал.); **всг.**: **biäbo** 'баба', **čuasu** 'час', **kriäs'ie** 'красить', **liädu** 'лад', **mias't'er'i** 'мастер', **muäciha** 'мачеха', **saldjatat** 'солдаты', **sluava** 'слава', **stijada** 'стадо', **stijaja** 'стая', **sviäd'iba** 'свадьба', **sviataija** 'святать', **uprijava** 'управа', **vliäs't'i** 'власть'; **d'iedo** 'дед', **gaz'ietta** 'газета', **sovieta** 'совет', **sus'ieda** 'сосед', **ud'ielä** 'удел', **gr'iiva** 'грива', **kn'iiga** 'книга', **niiva** 'нива'; **duwmaiija** 'думать', **pluwga** 'плуг', **suwkat** 'сutki'; **држ.**: **buab** 'баба', **duačn'ik** 'дачник', **juašikk** 'ящик', **kruask** 'краска', **luad** 'лад', **luap** 'лапа', **luapot't'i** 'лапоть', **muak** 'мак', **svuat't'** 'сватья', **žual** 'жалко', **miäč** 'мяч', **r'iäd** 'ряд', **rowž** 'роза', **d'iad** 'дед', **biägloi** 'беглый', **iin'ei** 'иней', **riisa** 'рысь', **viid** 'вышло', **buwl** < буля (диал.) 'простокваша', **čuwd** 'чудо', **čuw'n'at** 'чуни' (диал.), **gruwš** 'груша', **kruwg** 'круг', **pluwg** 'плуг', **podruwga** 'подруги', **pruwd** 'пруд', **tuwč** 'туча'.

Диалектные отличия здесь проявляются в различии восходящих дифтонгов. Если в толмачевском и держанском диалектах представлен дифтонг *ua* (соответствие ударного *a*), то на большей территории распространения весьегонского диалекта, а также в отдельных южных толмачевских говорах на его месте встречаем дифтонг *ia*. Держанский диалект отличается появлением дифтонгов *iä* / *ia* на месте ударного *e*, тогда как в двух других диалектах встречаем дифтонг *ie*.

В более поздних заимствованиях изменение не происходит, на место ударного гласного русского языка приходит соответствующий одиночный гласный.

2. Синкопа.

Исключительной особенностью держанского диалекта карельского языка является наличие в нем явления синкопы, т. е. выпадения гласного звука в середине слова. Это явление распространилось и на заимствованную лексику, затронув, в том числе, и ударные гласные русского слова, напр., **држ.:** *borvik* ‘боровик’, *gold* ‘голод’, *jalvoi* ‘яловый’, *kolt’ie* ‘колотить’, *kormislot* ‘коромысла’, *moltok* ‘молоток’, *nard* ‘народ’, *pesk* ‘песок’, *polvik* ‘половик’, *sarfan* ‘сарафан’, *zanvesk* ‘занавеска’, *venk* ‘венок’.

3. Соблюдение сингармонизма.

Закон гармонии гласных карельского языка, согласно которому одновременно в слове выступают гласные либо переднего *ä, ö, y*, либо заднего ряда *a, o, a*, гласные *i, e* в этом отношении нейтральны, достаточно последовательно проявляется в заимствованной лексике. Напр., **тлм.:** *pruazn’iekalla* адесс. ед. от *pruazn’iekka* ‘праздник’; **всг.:** *bohataalla* адесс. ед. от *bohatta* ‘богатый’, *udalalla* адесс. ед. от *udala* ‘удалой’; **држ.:** *vinukkan’* ‘внучек’, *dorgalla* адесс. ед. от *dorog* ‘дорога’, *uber’mah* 3 инф. илл. от *uber’i* ‘убирать’.

Если в русском слове представлены гласные звуки, относящиеся к разным рядам, то при переходе в карельский язык, слово получает единообразное вокалическое оформление. Напр., **тлм.:** *juaššikka* ‘ящик’, *mäkel’n’iččä* мякельница (диал.) ‘сенной сарай’, *mel’l’iččä* ‘мельница’; **всг.:** *juakkor’i* ‘якорь’, *veššelä* ‘веселый’; **држ.:** *syd’i* ‘судья’, *šluappat* ‘шляпы’, *tyr’mäh* илл. ед. от *tyr’m* ‘тюрьма’, *ängel* ‘ангел’.

4. Перенос ударения на первый слог.

Для карельского языка характерно наличие главного ударения, падающего на первый слог, в отличие от русского языка, в котором любой слог слова может быть ударным. В процессе фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики во всех тверских карельских диалектах последовательно произошел перенос ударения на первый слог, напр.: **тлм.:** *ógurča* ‘огурец’, *mólotka* ‘молоток’, *kól’essu* ‘колесó’; **всг.:** *árbufza* ‘арбуз’, *dóroga* ‘дорóга’, *fámil’ja* ‘фамилия’, *kássa* ‘косá’, *kázakka* < ‘казак’ (диал.) ‘батрак’, *ród’n’a* ‘родня’, *sús’ieda* ‘сосéд’, *z’él’ena* ‘зелéный’, *žén’iha* ‘же-нiх’, *údala* ‘удалóй’, *úd’iela* ‘удéл’, *véššelä* ‘весéлый’; **држ.:** *ámbar*

‘амбар’, *ápr’el* ‘апрель’, *ból’n’ičč* ‘больница’, *dóltušč* ‘толтушка’, *dórog* ‘дорога’, *ógord* ‘огорód’, *ógurč* ‘огурец’.

Следует отметить, что если о явлении переноса ударения на первый слог можно сказать, что оно является продуктивным и в новейших заимствованиях, то для аналогичного вывода относительно соблюдения гармонии гласных нет основания.

3.2. Фонетические изменения в системе согласных звуков

1. Субституция согласных звуков.

Одиночные звонкие смычно-взрывные, сонанты и щелевые заимствованной лексики, в большинстве своем, не подвержены изменениям, поскольку консонантные системы русского и карельского языков достаточно близки, напр., **тлм.:** *ber’oga* ‘берег’, *gor’a* ‘горе’, *d’iela* ‘дело’, *doroga* ‘дорога’, *l’ožanka* ‘лежанка’, *luapot’t’i* ‘лапоть’, *mašina* ‘машина’, *noska* ‘носок’, *proima* ‘пройма’, *r’emen’i* ‘ремень’, *r’iädy* ‘ряд’, *častuška* ‘частушка’, *čäijy* ‘чай’, *foto* ‘фото’, *horu* ‘хор’, *s’irot’ina* ‘сиротина’ (диал.), *sruwba* ‘сруб’, *šurjakka* ‘шурьяк’ (диал.) ‘шурин’, *z’irkalo* ‘зеркало’, *žen’iha* ‘жених’, *venča* ‘венец’; **всг.:** *buat’ko* ‘батька’ (диал.), *d’iedo* ‘дед’, *gaz’ietta* ‘газета’, *gr’iiva* ‘грива’, *kn’iiga* ‘книга’, *l’itra* ‘литр’, *mel’l’iččä* ‘мельница’, *n’ed’el’i* ‘неделя’, *rad’ivo* ‘радио’ (диал.) ‘радио’, *rod’n’a* ‘родня’, *sjaharu* ‘сахар’, *čuwd’ie* ‘чудить’, *z’el’onan’e* ‘зеленый’, *z’emstva* ‘земство’, *ud’iela* ‘удел’; **држ.:** *ad’ežd* ‘одежда’, *bajar’it* ‘помещики’, *d’engat* ‘деньги’, *d’iado* ‘дядя’, *luapot’t’izet* ‘лапти’, *Muasl’enč* ‘Масленица’, *tor’elk* ‘тарелка’, *žual’* ‘жаль’, *uber’i* ‘убрать’, *viid’i* ‘выйти’, *vet’* ‘ведь’.

Однако во всех тверских диалектах встречаются случаи субституции согласных, заключающейся в замене звуков, не характерных для фонетической системы заимствующего языка. Так, например, для фонетической системы карельского языка до недавнего времени было нехарактерно наличие согласных звуков *f*, *c*, соответствующих русским *ф*, *ц*. В процессе освоения заимствования на место согласного *ц* пришла аффриката *č*, согласный *f* также подвергся замене или выпадению, однако, это явление уже не затронуло поздние русские заимствования. Напр., **тлм.:** *bol’n’ičča* ‘больница’, *čuari* ‘царь’, *l’es’n’ičča* ‘лестница’, *mel’l’iččä* ‘мельница’, *Muasl’enča* ‘Масленица’, *piät’inčä* ‘пятница’, *sver’ez’i* ‘ферязь’ (диал.); **всг.:** *jäiččä* ‘яйцо’, *kol’ča* ‘кольцо’, *mjat’ičča* ‘матица’,

ogurča ‘огурец’; **држ.**: *bol'n'ičč* ‘больница’, *božn'ičč* ‘божница’ (диал.), *jäič* ‘яйцо’, *kolč* ‘кольцо’, *škuar* ‘шкаф’.

2. Озвончение глухих согласных.

В тверских карельских диалектах, как и в других диалектах карельского языка, встречается явление озвончения глухих согласных заимствованной из русского языка лексики, если они выступают в звонком фонетическом окружении. Держанские говоры отличаются обилием подобных примеров. Напр., **тлм.**: *guwba* ‘куб’, *oddiela* ‘отдел’, *zbornoi* ‘сборный’, *zduačča* ‘сдача’, *zuaharo* ‘сахар’; **всг.**: *bruwdu* ‘пруд’, *zdohn'ie* ‘сдохнуть’; **држ.**: *brud* ‘пруд’, *doltušk* ‘толтушка’ (диал.), *gl'iaver* ‘клевер’, *jorž* ‘ерш’, *koz'ink* ‘косынка’, *luab* ‘лапа’, *nuasmorg* ‘насморг’, *zuahkar* ‘сахар’, *ugropp* ‘укроп’; *d'el'mi* ‘возиться’, *grink* ‘крынка’, *gud'el'k* ‘кудель’.

3. Замена одиночного согласного геминатой.

Практически все согласные звуки карельского языка могут выступать как в виде одиночной согласной фонемы, так и в виде геминаты. В результате фонетической адаптации во многих заимствованиях стало возможным появление геминаты, напр., **тлм.**: *baidakka* ‘байдак’ (диал.), *biessa* ‘бес’, *d'iekkuna* ‘дьякон’, *furgučču* ‘фургуч’ (диал.) ‘игрушка-пуговица’, *čieppi* ‘цепь’, *juablokka* ‘яблоко’, *kanuatta* ‘канат’, *pas's'ibo* ‘спасибо’, *pl'iitta* ‘плита’, *pr'imietta* ‘примета’; **всг.**: *kassa* ‘коса’, *kazakka* ‘казак’ (диал.) ‘батрак’, *komnatta* ‘комната’, *s'ilossu* ‘силос’, *žiivatta* ‘скотина’, *veššälät* ‘веселые’, *veššat* ‘вещи’; **држ.**: *bol'n'ičč* ‘больница’, *čerdakk* ‘чердак’, *čerepp* ‘черепа’, *gračč* ‘грач’, *kassat* ‘косы’, *klikk* ‘клык’, *kuššak* ‘кушак’ (диал.), *l'is's'iped* ‘лосопед’ (прост.) ‘велосипед’, *luapot't'i* ‘лапоть’, *maššin* ‘машина’, *ošēn'n'ik* ‘ошейник’, *ugropp* ‘укроп’, *vuņukkan* ‘внучек’.

Следует отдельно отметить, что смычно-взрывные геминаты в заимствованной лексике последовательно подвергаются количественной альтернации, напр., **тлм.**: *palat't'i* : *palat'it* ‘полати’ (диал.),¹ *mužikka* : *mužikat* ‘мужчина’; **всг.**: *kazakka* : *kazakat* ‘батрак’ (диал.), *pajan'iekka* : *pajan'iekat* ‘баянист’, *čužakka* : *čužakat*

¹ Здесь и в следующем пункте в примерах слева от двоеточия приводится форма номинатива единственного числа, а справа – номинатива множественного числа.

‘чужак’, *tuluppa* : *tulupat* ‘тулуп’; **држ.**: *luwkk* : *luwkut* ‘луковица’, *svičč* : *svičat* ‘свеча’.

4. Отсутствие качественной альтернативы.

Если количественное чередование последовательно представлено в заимствованной лексике, то в большинстве случаев в закрытом слоге сохраняется сильноступенное представительство одичных смычно-взрывных согласных. Лексемы, обнаруживающие чередование, как правило, относятся к более ранним заимствованиям. Напр., **тлм.**: *l’ista* : *l’issat* ‘лист’, *loška* : *loškat* ‘сверло’, *mesta* : *mestat* ‘место’, *moška* : *moškat* ‘мошка’, *röt’kä* : *röt’kät* ‘редька’, *sadu* : *sadut* ‘сад’, *skirda* : *skiirat* ‘скирда’, *torgu* : *toorut* ‘ярмарка’, *vata* : *vatat* ‘вата’; **всг.**: *loga* : *lovat* ‘луг’, *luuga* : *luugat* ‘луг’; **држ.**: *bulk* : *bulkat* ‘булка’, *čuwđ* : *čuwdat* ‘чудо’, *golovešk* : *goloveškat* ‘головешка’, *grib* : *gribat* ‘гриб’, *grob* : *grobat* ‘гроб’, *hod* : *hodut* ‘ход’, *kapust* : *kapussat* ‘капуста’, *kork* : *korkat* ‘корка’, *kruwg* : *kruwgat* ‘круг’, *kukušk* : *kukuškat* ‘кукушка’, *l’ist* : *l’istat* ‘лист’, *mod* : *modat* ‘мода’, *plod* : *plodat* ‘плод’, *pluwg* : *pluwgat* ‘плуг’, *pruwd* : *pruwvat* ‘пруд’, *skird* : *skiirat* ‘скирда’, *täd* : *täd’it* ‘тетя’.

3.3. Фонетические изменения конца слова

1. Фонетическая адаптация имен существительных.

Для карельского языка свойственно наличие одноосновных имен, имеющих единственно возможную гласную основу, и двучосновных, обладающих согласной и гласной основой. Образование большинства словоизменительных форм происходит именно от гласной основы. Русские слова, заканчивающиеся на согласный звук, при переходе в карельский язык получили на конце гласный с целью облегчения процесса словоизменения. Эпитеза гласного звука напрямую зависит от качества последнего согласного звука русского слова: за редким исключением, в положении после твердого согласного выступает гласный *a*, а после мягкого – *i*. Исследователь Я. Калима объясняет выбор этих гласных формой родительного падежа русского языка [Kalima 1952: 76]. Напр., **тлм.**: *ber’oga* ‘берег’, *poezda* ‘поезд’, *stola* ‘стол’, *traktora* ‘трактор’, *učastka* ‘участок’, *viigona* ‘выгон’; *kravat’t’i* ‘кровать’, *ladon’i* ‘ладонь’, *stal’i* ‘сталь’, *gost’a* ‘гость’, *rubl’a* ‘рубли’; но *ambar’i* ‘амбар’, *miero* ‘мир’, *zuaharo* ‘сахар’, *konu* ‘кон’, *rodu* ‘род’, *r’iädy*

‘ряд’; **всг.**: *l’itra* ‘литр’, *čjar’i* ‘царь’, *pos’t’el’i* ‘постель’; но *kl’iever’i* ‘клевер’, *sjaharu* ‘сахар’; **држ.**: *gordah* илл. ед. от *gord* ‘город’, *l’istall* адесс. ед. от *l’ist* ‘лист’, *lugall* адесс. ед. от *lug* ‘луг’, *noskat* ‘носки’; *ambar’iss* инесс. ед. от *ambar* ‘амбар’, *kravat’ill* адесс. ед. от *kravat’t* ‘кровать’, *post’el’ill* адесс. ед. от *post’el* ‘постель’, *tufel’it* ‘туфли’; но *lukull* адесс. ед. от *lukk* ‘лук’, *mozgull* адесс. ед. от *mozg* ‘мозг’, *saduh* илл. ед. от *sad* ‘сад’.

Для формы номинатива единственного числа в держанском диалекте свойственно обратное явление — апокопа, т. е. выпадение конечного гласного звука слова. Этому явлению оказалась подвержена и заимствованная лексика (конечный гласный основных падежах), напр., **држ.**: *belk* ‘белка’, *čisl* ‘число’, *gor* ‘горе’, *gor* ‘гора’, *kol’es* ‘колесо’, *l’ic* ‘лицо’, *mod* ‘мода’, *Muasl’enč* ‘Масленица’, *pal’t* ‘пальто’, *sorokk* ‘сорока (головной убор)’, *suvat’t* ‘сватья’.

2. Фонетическая адаптация имен прилагательных.

Отдельно следует обратиться также к фонетической адаптации заимствованных из русского языка прилагательных. В карельском языке на место окончаний прилагательных *-ий*, *-ый*, характерных для русского языка, приходят формы с основами на *-oi*, *-öi*, что объясняется влиянием севернорусских диалектов, или формы на *-a*, *-ä*, *0* (држ.), восходящие к кратким прилагательным [Kalima 1952: 79]. Напр., **тлм.**: *dovol’noi* ‘довольный’, *druwžnoi* ‘дружный’; *bohatta* ‘богатый’, *gluwppa* ‘глупый’, *luaskova* ‘ласковый’, *spes’ivä* ‘спесивый’ (диал.); **всг.**: *boikoi* ‘бойкий’, *ud’el’noi* ‘удельный’, *važnoi* ‘важный’, *z’el’ena* ‘зеленый’, *udala* ‘удалой’, *veššälä* ‘веселый’; **држ.**: *bednoi* ‘бедный’, *čistoi* ‘чистый’, *družnoi* ‘дружный’, *glatkoi* ‘гладкий’, *gluwhoi* ‘глухой’, *raznoi* ‘разный’, *rihloi* ‘рыхлый’, *siroi* ‘сырой’, *žuadnoi* ‘жадный’; *glupp* ‘глупый’.

3. Фонетическая адаптация глаголов.

Заимствованные глаголы образуются от форм настоящего времени или инфинитива русского глагола путем прибавления показателей двух глагольных типов на *-ja*, *-jä* и *-e*, сократившихся в держанском диалекте до *-j*, *0*. Напр., **тлм.**: *br’eija* ‘брить’, *doid’ie* ‘дойти’, *duwmaija* ‘думать’, *fat’t’ie* ‘схватить’, *gul’aija* ‘гулять’, *kolduija* ‘колдовать’, *kupaija* ‘купать’, *kur’ie* ‘курить’, *l’ubuija* ‘лю-

бовать' (диал.), *nadoimie* 'надоесть', *naviid'ie* 'навидеть' (диал.), *nān'küijä* 'нянчить', *obiid'ie* 'обидеть', *pohod'ie* 'походить', *porad'ie* 'попасть', *proid'ie* 'пройти', *počitaija* 'почитать', *podar'ie* 'подарить', *prost'ie* 'простить', *spor'ie* 'спорить', *staraija* 'стараться', *zaid'ie* 'зайти', *zaviiduija* 'завидовать', *zvon'ie* 'звонить', *žal'eija* 'жалеть', *t'irpua* 'терпеть', *torguija* 'торговать', *uid'ie* 'уйти', *vier'ie* / *vieruija* 'верить', *viid'ie* 'выходить'; **всг.**: *čuw'd'ie* 'чудить', *duwmaiija* 'думать', *s'ilosuija* 'силосовать', *sviataiija* 'сва-тать'; **држ.**: *bel'i* 'белить', *bivaij* 'бывать', *bur'i* 'бурить', *dar'i* 'да-рить', *davaij* 'давать', *duij* 'дуть', *gadaij* 'гадать', *gul'aij* 'гулять', *kataij* 'катать', *kur'i* 'курить', *pitaij* 'питать', *rugaij* 'ругать', *zaid'i* 'заходить'.

Проведенный анализ показал, что фонетическая адаптация заимствованной из русского языка лексики в карельских диалектах затрагивает как гласные, так и согласные звуки, выступающие в начале, середине и на конце слова. Обнаруженные незначительные диалектные отличия (различия восходящих дифтонгов, синкопа и апокопа) возводятся к фонетическим особенностям отдельных тверских карельских диалектов. Основы же фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики, очевидно, были заложены еще на стадии функционирования древнекарельского языка, поскольку аналогичные процессы встречаются повсеместно не только на исследуемой территории, но и в других карельских диалектах.

С точки зрения периода усвоения русского слова выявлена сле-дующая тенденция: с развитием двуязычия заимствования все в меньшей степени подвергаются фонетической адаптации (частич-ная адаптация). В самых поздних заимствованиях слово имеет практически такое же фонетическое оформление, как и в русском языке, однако, ударение все еще переносится на первый слог, оди-ночные согласные довольно продуктивно переходят в геминаты, конец слова также подвергается фонетической адаптации с целью дальнейшего участия заимствованной лексики в процессах слово-изменения, т. е. заимствованная лексика без особых затруднений встраивается в грамматическую систему карельского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фонетической и фонологической систем тверских говоров южнокарельской подгруппы собственно карельского наречия карельского языка подтверждает выделение здесь трех отличных друг от друга диалектов: толмачевского, весьегонского и держанского. Довольно компактное расселение в Верхневолжье, отсутствие контактов с близкородственными народами и незначительное влияние со стороны русского языка вплоть до конца XIX в. позволили тверским карелам довольно хорошо сохранить черты древнекарельского языка. Однако на новой территории язык не остановился в своем развитии, результатом чего является появление существенных диалектных отличий на уровне фонетики. Конечно, отдельные из выявленных отличий, очевидно, восходят к диалектным особенностям древнекарельского языка, все же большая их часть является результатом самостоятельного развития тверских карельских говоров. Условия многовекового экономического и культурного взаимодействия карельского населения региона с русским, двуязычие, а с XX в. сильная ассимиляция, приведшая к угасанию держанского диалекта, не могли не сказаться на карельском языке. Влияние русского языка ощутимо на всех уровнях, прежде всего в лексике и фонетике, подвергающихся влиянию иноязычных систем в большей степени. Наиболее устойчивые категории – синтаксис и особенно грамматика, также не остались в стороне от этого процесса.

В целом, фонетическая и фонологическая системы тверских диалектов карельского языка незначительно отличаются на фоне остальных южных собственно карельских диалектов. К ярким особенностям данной группы можно отнести отсутствие противостояния долгий / краткий гласный, более обильную палатализацию, появление вторичных долгих гласных в процессе чередования ступеней согласных.

К основным фонетическим особенностям, маркирующим отдельные тверские диалекты, относятся:

1) говоры толмачевского диалекта обнаруживают явление лабиализации гласного *e*, выступающего в положении перед показателем третьего инфинитива *-ta-* / *-mä-*. В остальных позициях лабиализация в тверских диалектах представлена неравномерно, конечно, за исключением форм 3 л. ед. ч. през. инд., лабиализация гласного в которых является довольно древним явлением, одинаково представленным во всех диалектах карельского языка, а также в близкородственных языках. Очевидно, именно из этой позиции лабиализация еще в древнекарельском языке начала распространяться на гласные *i*, *e*, находящиеся непосредственно в положении перед или на удалении от лабиализованного гласного или лабиального согласного компонента;

2) в большей части говоров тверских карельских диалектов произошло изменение качества второго компонента исторически долгих гласных *ии*, *уу*, приведшее к образованию нисходящих дифтонгов *иw*, *уw*. Отдельные группы весьегонских и толмачевских говоров сохранили долгие гласные *ии*, *уу*, тогда как относительно держанского диалекта исследователями единогогласно отмечается наличие на их месте нисходящих дифтонгов. Использование полугласного *w* в качестве второго компонента свойственно также изначально нисходящим дифтонгам на *и*, *у*.

Появление в тверских диалектах карельского языка полугласного *w* в качестве второго компонента первоначально долгих гласных и некоторых нисходящих дифтонгов считается довольно молодым явлением, вызванным результатом фонетического сближения с русским языком. Конечно, явление могло развиваться в карельских диалектах самостоятельно, поскольку для этого в языке имелись все необходимые условия;

3) тверские диалекты карельского языка обнаруживают существенные отличия в системе восходящих дифтонгов. Отличительной особенностью восточных говоров весьегонского диалекта и некоторых южных говоров толмачевского является наличие дифтонга *ја* там, где в остальных тверских говорах выступает дифтонг *иа*. Появление первого компонента дифтонга *ј* здесь, очевидно, является результатом влияния фонетической системы русского языка.

Фонетическая система держанского диалекта, в свою очередь, выделяется двумя противоположными тенденциями, а именно,

дальнейшим расширением дифтонгов и сужением расширяющихся дифтонгов. Дальнейшему расширению оказались подвержены дифтонги *uo*, *yö*, *ie*, преимущественно выступающие в ударном слоге: *uo* > *ua*, *yö* > *yä*, *ie* > *iä* в словах с переднерядной огласовкой и *ie* > *ia* в словах с заднерядной огласовкой. Очевидно, расширение дифтонгов в держанском диалекте карельского языка является поздним самостоятельным явлением, поскольку, как показывают диалектные материалы, на заключительном этапе функционирования диалекта в его говорах встречались и дифтонги *uo*, *yö*, *ie*.

Для безударных слогов держанского диалекта характерен обратный процесс – сужение дифтонгов, являющийся результатом сильной редукции гласных. В держанских говорах на месте изначально восходящих дифтонгов *uo*, *ua*, *yö*, выступают нисходящие *uw*, *uw* или происходит полная утрата второго компонента дифтонга;

4) представление нисходящих дифтонгов на *i* в тверских карельских говорах практически не обнаруживает диалектных отличий. Однако держанский диалект выделяется наличием немалого количества фиксаций дифтонгов на *i* в отдельных многосложных словоформах, образованных путем присоединения словообразовательного или диминутивного суффикса *-in'e*, тогда как в двух других описываемых диалектах дифтонг в данной позиции не сохранился;

5) основным фонетическим отличием держанского диалекта карельского языка от остальных является наличие в нем довольно поздних явлений апокопы и синкопы, развитие которых, очевидно, было вызвано влиянием местных говоров русского языка. Апокопе подвергаются конечные гласные двусложных и многосложных словоформ, а также вторые компоненты дифтонгов. Синкопа заключается в выпадении гласных кратких слогов, а также целых слогов внутри слова.

Вследствие апокопы и синкопы, держанский диалект приобрел следующие отличительные черты по сравнению с двумя другими тверскими диалектами: расширение инвентаря согласных, выступающих в абсолютном конце слова; увеличение инвентаря и количества сочетаний согласных; частотное употребление сочетаний из трех и более согласных; сближение слогов, содержащих главное и второстепенное ударение;

6) для говоров толмачевского диалекта характерна метатеза в сочетании согласных *nh* : *hn*, при том как в весьегонском диалекте выступает сочетание *hn*, а в держанском – *nh*;

7) в отношении дистрибуции шипящих и свистящих согласных можно выделить три группы тверских карельских говоров: толмачевские, держанские и западные говоры весьегонского диалекта, в которых согласные *š*, *ž* употребляется в любых позициях слова, независимо от того, является оно предне- или заднерядным, за исключением позиции после гласного *i* или дифтонга на *i*, а также некоторых лексем, в которых согласный выступает в положении перед гласным *i*; группа восточных весьегонских говоров, в которой выбор щелевого согласного зависит преимущественно от рядности гласных слова, т. е. свистящие *s* и *z* (*s'*, *z'*) выступают в позиции перед гласными переднего ряда и мягкими согласными, а также всегда в начале слова в позиции перед гласными *i*, *e*, в положении же перед гласными заднего ряда представлены согласные *š*, *ž*; группа переходных говоров (северные говоры толмачевского диалекта), в которых дистрибуция переднеязычных щелевых согласных, выступающих в положении перед гласными переднего ряда, в отдельных случаях представлена непоследовательно, в позиции же после гласного *i* выступают преимущественно согласные *s*, *z*, а в остальных позициях *š*, *ž*.

Столь пестрое представительство свистящих и шипящих во всех южнокарельских диалектах собственно карельского наречия, очевидно, является результатом влияния различных внешних и внутренних факторов в период их самостоятельного развития. Особенность дистрибуции переднеязычных щелевых согласных (*š*, *ž* / *s*, *z*) в восточных весьегонских говорах в сравнении с остальными тверскими карельскими диалектами, можно объяснить переселением сюда карелов с территории бывшей Паданской волости, в карельских говорах которой описываемое явление представлено аналогичным образом. Непоследовательное же представительство явления в северных говорах толмачевского диалекта, в свою очередь, является следствием их расположения в так называемой «зоне вибрации»;

8) существенные отличия на уровне диалектов и говоров обнаруживают отдельные случаи палатализации. Так, словообразовательный суффикс *-n'e*, преимущественно сохраняющий свою мягкость

в независимости от ряда гласных основы слова, в восточных весьегонских и отдельных толмачевских говорах палатализации не подвержен, тогда как палатализованный *z'*, в том числе встречающийся в косвенных падежах имен на *-n'e*, выступает перед гласным *e* лишь в весьегонских и северных толмачевских говорах. Палатализация дентальных согласных, выступающих в глагольных формах 3 л. мн. ч. имп. инд., преимущественно зависит от передне- или заднерядной огласовки слова, лишь в весьегонских говорах возможно употребление здесь мягких согласных и в лексемах заднерядной огласовки. В целом на общем фоне выделяются весьегонские и северные толмачевские говоры, в которых палатализация представлена значительно обширнее. В держанском же диалекте палатализация взяла на себя различительную функцию, разграничивая именные и глагольные грамматические формы, совпавшие вследствие апокопы.

Устойчивая фонологическая система тверских карельских диалектов, в отличие от фонетической, не обнаруживает существенных диалектных маркеров, выделение же на общем фоне держанского диалекта связано с особенностями его фонетической системы.

Чередования гласных и согласных компонентов основы слова играет важную роль не только в процессе словоизменения, так как варьирование фонологического состава морфемы является средством маркирования ее морфологической роли, но и словообразования.

Все возможные чередования гласных звуков, характерные для диалектов карельского языка, в том числе и тверских, можно подразделить на три группы: изменения корневых гласных звуков; чередования конечных гласных лексической основы слова; изменения гласных в словоизменительной основе слова в результате образования форм множественного числа с показателем *-i-* в именном словоизменении, а также форм имперфекта индикатива и кондиционала в глагольном.

Альтернация согласных во всех тверских диалектах карельского языка представлена двумя видами: количественной, распространяющейся на смычно-взрывные геминаты и геминату *čč*, и качественной, затрагивающей звонкие и глухие смычно-взрывные согласные, выступающие в интервокальной или постконсонантной позиции. Образование большинства словоформ подчиняется

основному альтернативному правилу, согласно которому, выбор степени чередования зависит от открытости / закрытости последнего слога основы слова, на что, в свою очередь, влияет фонетическая структура аффикса. Однако образование целого ряда грамматических форм во всех диалектах обнаруживает исключения из этого правила. Следствием апокопы в держанском диалекте явилось увеличение количества подобного рода исключений.

Таким образом, стало возможным существование слабой степени в открытом, а сильной – в закрытом слоге, что можно объяснить, прибегнув к помощи истории языка. Решающую роль теперь играет облик морфемы, а не ее фонологическая структура. На современном этапе развития альтернативная система согласных карельского языка обнаруживает сильную зависимость от грамматики, в то же время она взяла на себя морфологическую функцию в качестве дополнительного средства выражения грамматического значения слова, а в случаях грамматической омонимии стала единственным средством разграничения словоформ.

Произведенный анализ фонетических и фонологических систем тверских карельских диалектов привел к следующему выводу: изоглоссы фонетических маркеров, дифференцирующих толмачевский и весьегонский диалекты, не совпадают с принятой диалектной границей. Фонетическая структура весьегонского диалекта позволяет выделить в нем отличные друг от друга восточные и западные говоры, по большинству параметров совпадающие с толмачевским диалектом. Относительно толмачевского диалекта можно сделать вывод о достаточной однородности исследуемого диалектного материала. Лишь группа говоров Максатихинского района, граничащая с весьегонским ареалом, обнаруживает несущественное влияние весьегонского диалекта. Именно представительство палатализации, а также дистрибуция свистящих и шипящих согласных в северных говорах толмачевского диалекта являются основанием для выделения некоторыми исследователями переходного диалекта между толмачевским и весьегонским.

Держанский же диалект значительно отличается от двух остальных. Удаленное, изолированное расположение диалекта, конечно, не могло не сыграть своей роли.

Развитие междиалектных отличий в тверских диалектах карельского языка вызвано двумя процессами: сохранением современными тверскими карельскими говорами диалектных особенностей древнекарельского языка и влиянием на них русского языка. Произведенный анализ указывает на то, что широкое распространение двуязычия среди тверских карелов, когда русский язык сначала становится вторым родным языком, а со временем и первым, не могло не привести к изменению внутренней структуры карельского языка. В тверские карельские диалекты пришло огромное число русских заимствований (общенародных и диалектных) из самых разных тематических областей, посредством которых русский язык существенно повлиял на их фонетическую систему. Этот процесс активно продолжается и в настоящее время в толмачевском и весьегонском диалектах.

Изначально, в большинстве своем, русские заимствования, при переходе в карельский язык, подвергались значительной переработке и становились максимально приближенными к фонетической системе принимающего языка. Фонетическая адаптация затронула гласные и согласные звуки, выступающие в начале, середине и на конце слова. Ее основы, очевидно, были заложены еще на стадии функционирования древнекарельского языка, поскольку аналогичные процессы встречаются во всех карельских диалектах. Конечно, как показал анализ заимствованной из русского языка лексики, с течением времени заимствования все в меньшей степени подвергаются изменению, а в самых поздних заимствованиях слово имеет практически такое же фонетическое оформление, как и в русском языке. Конец слова, однако, все также подвергается фонетической адаптации, что позволяет слову встроиться в грамматическую систему принимающего языка.

Стремительное сокращение численности карельского населения региона, а также неблагоприятная языковая ситуация приводят к мысли, что спасти тверское наречие карельского языка от исчезновения, как это уже произошло с его держанским диалектом, может лишь развитие нормированного новописьменного языка. Выбор толмачевского диалекта (говоры Лихославльского и Спировского районов) в качестве его основы правомерен не только с точки зрения процентного соотношения носителей тверских карельских

диалектов, но и с грамматической. Во-первых, он выделяется на общем фоне наиболее однородными фонетической и морфологической системами, а во-вторых, именно он претерпел меньше всего изменений в сравнении с древнекарельским языком. Отсутствие большого числа существенных отличий между толмачевским и весьегонским диалектами на уровне фонетики и практически идентичные словоизменительные системы, делают его вполне приемлемым и для весьегонских карелов.

Основная неразрешенная к настоящему моменту проблема, с которой столкнулся новописьменный карельский язык, основанный на лихославльских и спировских говорах толмачевского диалекта, заключается в отсутствии нормативной грамматики, отражающей нормы и правила языка. Если отдельные спорные фонетические моменты, возводимые к внутридиалектным отличиям, были удачно решены, например, отсутствие в новописьменном языке вторичных долгих гласных или использование сочетания согласных *nh*, то другие так и остаются вариативными.

Как показал анализ материалов учебных пособий «Bukvari» (1992) М. М. Орлова, «Armaš šana» (1998) З. А. Туричевой, «Aiga lugie i paissa karielakši» (2002) Л. Г. Громовой, такие фонетические моменты, как обозначение палатализации, а также долгих гласных и дифтонгов на *u*, *y*, представлены в них по-разному, что является нежелательным для литературного языка. Так, в букваре и книге для чтения «Armaš šana» в качестве второго компонента первоначальных долгих гласных и нисходящих дифтонгов на *u*, *y* используется согласный *v* (*šuvri* ‘большой’, *havgi* ‘щука’). В то же время в пособии «Aiga lugie i paissa karielakši» сохраняется гласный (*šuuuri*, *haugi*). Исследование фонетической системы тверских карельских диалектов показало, что наиболее распространенным является использование в рассматриваемой позиции полугласного согласного *w*. Тот факт, что полугласный *w* не выступает в качестве самостоятельного звука и не выполняет смыслоразличительной функции, правомерно позволяет относить его к аллофонам фонем *u*, *y*. В таком случае за норму следовало бы принять вариант, представленный в учебном пособии, подготовленном Л. Г. Громовой.

Важной фонетической составляющей толмачевского карельского диалекта и, следовательно, новописьменного карельского языка,

принявшего его за основу, является корреляция по твердости / мягкости. Если в пособии «Aiga lugie i paissa karielakši» регулярно отмечена позиционно необусловленная палатализация, а в книге для чтения «Armaš šana» также некоторые случаи позиционной палатализации, то в букваре полностью отсутствуют примеры смягчения согласных. Конечно, обозначение фонетически необусловленной палатализации (в позиции перед гласными заднего ряда и на конце слова) не вызывает сомнения, тогда как использование специального символа перед гласными *ā, õ, u*, практически всегда требующими смягчения впереди стоящих переднеязычных согласных, является излишним. Иначе дело обстоит с позицией перед гласными *i, e*, представленными в тверских карельских диалектах передне-рядными и среднерядными аллофонами, по-разному влияющими на артикуляцию впереди стоящего согласного. С одной стороны, палатализация в данном случае является позиционно обусловленной, однако, отсутствие специальных символов, обозначающих различные варианты фонем *i, e*, вызывает определенные затруднения при чтении и диктует необходимость употребления знаков смягчения на письме. То же касается и положения перед другими палатализованными согласными, в том числе со слабой степенью палатализации, и согласным *j*. Конечно, разработка этих и других норм и рекомендаций для новописьменного карельского языка, основанного на толмачевском диалекте, требует дополнительных исследований, консультаций со специалистами и апробации.

ОБРАЗЦЫ ТВЕРСКОЙ КАРЕЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ¹

Текст № 1

Информант 1882 г. р. и информантка 1875 г. р. из д. Свищево Лесного р-на.

Запись М. И. Муллонен, 1958 г.

ФА – 32.

– Mie naduumaičiin naija. Löyz'in omašta kylästä. Tuattuo i muamuo n'eiččyöllä koissa evle, soglas'jua ei kellä andua. Vel'l'i andua soglas'jan ajel'i n'eiččyön tautolluo i muamolluo. Vel'l'i tul'i šinne, dogovor'ieči tuatonke, muamonke n'eiččyön. Nu, zavod'ima svuad'bua. Sosvataičiin, ando miula ... šulkuzen paikan, polot'encan hyvän.

Neskol'ko päiviä proid'i, zavod'ima svuad'bua. Val'l'aššima heboz'ie, kolme tuarua ... i kir'ikköh, venčaiččiečemah. Venčaiččiečima, tul'ima kod'ih stolan tagakši, obieda, cer'emon'ija, viinat, virret: tyttölöin, naiz'in, mužikoin virret, olut. Toispiänä stoluimah. Istuočima stolan taguakši. Vruči podarkat kaikin, kaikkih rodn'ih varoin, toi, pan'i stolalla. Ka ruvettih virzilöidä laulamah. Vielä midäi? Svuaaha n'eiččyön rannašta otdel'aiččou kaikkie. A tytöt, naizet lauletah vir'tä. N'in ka el'iin jäl'geh tämän naizenke, jäl'geh voinua. Jo kymmenen vuotta kun naista elošša evle. Jäin yks'iin, lapšet šuuret, eräš elošša. Yks'i voinalla pogibn'i, ol'i nainnun, šuurenke per'ehenke. Elän yheššä s'izär'enke. Vos'emdes'at' tr'i goda s'izär'ellä. Elämmä i muokkuačemma. Kaikki.

– Ol'iin nuor'i, el'iin per'eheššä, ol'i kolme vel'l'ie, kolme muččuo, tätä da muamo oldih, a mie yks'iin. Voť, a potom ka el'imä, razdel'iečima. Vel'l'et ujit't'ih er'is', a mie jäin yks'iin yhenke mučonke. A šid'ä per'eid'in omah pert'ih muamonke omankena, i ruavoin. Jogo pellošša ol'i polostaz'iin, i n'it't'iin, i l'eikkain, kyn'n'iin, pelvašta kyl'viin, i der'iin, jogo midä ruavoin. Hein'ia vejiin, i korovan'e ol'i, lammašta ol'i. Hyviin el'iin, hyviin. A nyt... Mie p'atnadcat' godov kolhozašša ruavoin, nu da, olgah n'iin, p'atnadcat' godov kolhozašša ruavoin. P'atnadcat' godov, a šidä i uijiin vovs'e kolhozašta. Ka, vaivuin, vaivuin, vanhen'iin, vanhen'iin.

¹ См. прил. 19: Тверские карельские говоры, тексты образцов речи которых представлены в работе.

— Я решил жениться. Нашел из своей деревни (невесту). Отца и матери у девушки дома нет, согласия некому и дать. Брат за согласием к отцу и матери девушки ездил. Брат приехал туда, договорился с отцом, с матерью девушки. Ну, начали свадьбу (играть). Посватался, подарила мне шелковый платок, полотенце хорошее.

Несколько дней прошло, начали свадьбу (играть). Запрягли коней, три повозки... и в церковь, обвенчались. Обвенчались, приехали домой, за стол, обед, церемония, вино, песни: девушки, женщины, мужчины поют, пиво. На следующий день застолье. Сели за стол. Девушки подарки все (несут), ... принесла сюда на стол. Вот начинают песни петь. Еще что? Сваха от девушки ограждает всех. А девушки, женщины поют песни. Так вот жил с этой женой после войны. Уже десять лет жены нет в живых. Остался один, дети большие, один жив. Один на войне погиб, был женат, с большой семьей. Живу вместе с сестрой. Восемьдесят три года сестре. Живем и мучаемся. Все.

— Была я молодая, жила в семье, было три брата, три невестки, папа и мама были, а я одна. Вот, а потом вот жили, разделились. Братья ушли отдельно (жить), а я осталась одна с одной невесткой. А потом перешла в свой дом с мамой своей, и работала. У каждого в поле было по полосе, и косила, и жала, пахала, лен сеяла, и теребила, постоянно что-то делала. Сено возила, и корова была, овец было. Хорошо жила, хорошо. А сейчас... Я пятнадцать лет в колхозе работала, ну да, пусть будет пятнадцать, пятнадцать лет в колхозе работала. Пятнадцать лет, а потом и ушла вовсе из колхоза. Вот, устала, уснула, постарела, постарела.

Текст № 2

Информантка 1896 г. р. из д. Кожино Максатихинского р-на.

Запись М. М. Муллонен, 1958 г.

ФА – 33.

– Ol’iin mie tyttön’e dvadcat’ l’et. I zagul’aičin mie br’ihanke i män’iin mie, jäl’geh näidä vuožiloida, miehellä. Naiččiečima, ka, el’imä enžimmäzen vuwven hyviin. Meilä tul’i jäl’geh näidä vuožiloida kakši lašta, vot. Hiän zagul’aičči toiz’enke i kakši lašta ol’i tällä miwn mužikalla, vot. A prišlos’ meilä vposl’edstvii i erota, erota. Ka myö näimä häd’iä i gor’ua, i jogo midä, vot. Hiän naičči. Hiän kuol’i pahah vuol’eh, nain’e uglah istuoči... A meilä lapšet hyvät kažvettih. I doučil’is’ molemmat. Potom i hutorah nowz’ima, gor’ua näimä, logaz’ista nowz’ima, vaivunuot, i tr’i n’edel’i myö i yhtä buhankua šöimä vain. A potom tul’i meilä hyvä elän’dä, značit. Kolhozat meilä annettih l’eibiä, i hyvin, i kaikki. Vot, značit. Vot. ...

– Mužikka ei tule kod’ih. Omat ketut provez’iw šiiheh, proigraiččow. Nu vielä, tädä, midä ruadua? Tulen kodih, šanotah: ”Pywdy muččo, min’täh sie et opašša mužikkua, štobi kartih ei kizais’.” A midä miwla ruadua? Hyvä rahvaš opašsettih: ”Ota sie käbrykkiä, tädä, kuin händä, koivumua, karžinalla vala da nuoralla šivo, da nal’ešnikkah r’iputa, i ka hyö ei ruveta kartih kizuamah.” Mie otiin vielä heidä lukkoin, čiepin pan’iin, vir’it’iin i läks’iin. Hyö: ”Karavul, spasait’e! Karavul, spasait’e! Mis’tä ottuači? Mis’tä ottuači? Emmä t’ijä.” A mie že hypyllä, da poikki zuagordoista, da pinon all, duumaičiin, tapetah milma. Mie i hengettä šiel’ issun. Aštuw mužikka miwnoma, i piä painettu. Aštuw, i šobua piällä ei ole. Šyöt’t’iä jumalan’e, miwla pidäw tuaš od’evaija. Mie mittyzen kumman luajiin! Tul’i kod’ih, kiwgualla nouz’i i kolmet suutkat ei i syönyn. A mie nagol’e it’en, nagol’e it’en, midä miwla ruadua? Pod konec: pidäw erota täštä mužikašta.

– Была я девушка двадцатилетняя. И загуляла я с парнем, и вышла я, после этих лет, замуж. Поженились, вот, жили первый год хорошо. У нас после этих лет появилось два ребенка, вот. Он гулял с другой, и два ребенка было у этого моего мужа, вот. А пришлось нам впоследствии и развестись, развестись. Вот, повидали мы и бед, и горя, и всего, вот. Он женился. Он умер по плохой воле, жена в угол села... А у нас дети хорошие выросли. И доучились оба. Потом и на хутор перебрались, горя повидали, с луга перебрались, уставшие, и три недели мы одной только буханкой питались. А потом наступила у нас хорошая жизнь, значит. Колхозы дали нам хлеба и хорошо, и все. Вот, значит. Вот. ...

— Муж не идет домой. Свои вещи отвезет туда, проиграет. Ну, еще, это, что делать? Прихожу домой, говорят: "Попалась жена, почему ты не отучишь мужа, чтобы в карты не играл." А что мне делать? Хорошо, народ научил: "Возьми ты бересты, этой, как ее, березовой, керосином полей и веревкой завяжи, да на наличник повесь, и вот они не будут в карты играть." Я взяла еще их заперла, цепь повесила, зажгла и пошла. Они: "Караул, спасайте! Караул, спасайте! Откуда взялся? Откуда взялся? Не знаем." А я же бегом, да по задворкам, да под поленницу, думала, убьют меня. И сижу я там тихонечко. Идет муж мой, с поникшей головой. Идет, и рубашки нет. Боже милостивый, мне нужно опять одевать. Какую беду я натворила! Пришел домой, на печку поднялся и трое суток даже и не ел. А я все плачу, все плачу, что мне делать? Под конец: надо разводиться с этим мужиком.

Текст № 3

Информант 1898 г. р. из д. Сельцы Максатихинского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1970 г.

ФА – 1975.

– *Šanokkua kuin toko en'n'ei Työ luad'ija regie?*

– En'n'ei luajittih, koivuz'en varuššetah, skol'ko šielä, dvenadcat' sant'imetrov pakšuhutta. Nu, šin'd'e händä, luajittu oli stuanu. Händä kiän'n'etäh per'otkah. Tuorešta kiän'n'etäh, da. A šin'd'e händ'en šivotah i kuivatetah. Hiän kuivi šygyžyh šuaten. Šin'd'e rubiew mužikka r'egie luad'imah händ'eštä, kaikki händ'en obd'elajet. Šin'd'e luad'iw kablahaat koivuz'et kuivat hyvät. Ei ole šuwret. Ka i vain näih polozn'iččoih lowkoz'et kablaih varoin ollah. I ažettaw šin'd'e yl'en jo kiind'iekši, štobi hyö l'ekuttais' ei. Šin'd'e šidow hiät kablahaat molemmista jallakšista na skol'ko šielä sant'imetrov polozn'ičča pologajeca. Polozn'ičča on šielä sant'imetrov tr'idcat' al'i sorok, štobi ol'is yhen rownuo händ'en. Nu, ka šidow r'ejen. Nahl'ostkat panow, vičoilla händ'en obd'elajet, per'otkan, štobi hiän ei l'ekkuis'. I gotovoje delo i r'egi. Kablahaat ollah, šidä nahl'ostkat ollah pandu kaikki šubi. Šido i gotovoje d'elo...

– *A mon'igo toko kablachie ka pandih?*

– Šeiččimiin kablahiin, viiz'iin kablahiin pannah i ka.

– *A mittynäzeštä puušta toko kainalovičat bol'se oldih?*

– Tuomin'e, raidan'e. Ka ollah, kainalovičat.

– *A mintän?*

– A hiän štobi per'otkan šidois'. Hiän on kablahah jo dolbittu, pandu, kablašta aštuw per'otkah hiän. Per'otkah händä kiän'n'etäh, štobi hiän katkeis' ei. I šivotah yhteh, yhen tiäl'dä puolelda, toizen tiäl'dä puolelda, vaššakkeh. A šin'd'e keššeštä viel' hvat'itah, viel' sv'azka on, ka. Ka i r'egi gotovo, kar'ielan'e rubiew ajelemah.

– *A jesl'i ka kuin kunne edäh pidäw ajua, n'iin pannah vielä midällow?*

– L'iew panna laijat... Ka duga, i per'otkah händ'en n'okat šivotah, a duga l'ienöw laijoin piällä. Min l'evyz'en luad'iw i že i l'ienöw. Ka, šin'd'e pl'et'itäh pl'et'oškoida kuin post'ilkaz'eks'i, tämän post'ilkaz'en panow händ'ellä, hiän istuw, ajua hyvä, spokoino.

– *I keralla hein'ä otetah?*

– Keralla hein'ä otetah, täh i pannah pl'etuhah, pl'etuhakši kučutah...

– *A jesl'i ka edäh läht'iet't'ih, n'iin hebozella vielä i kagrua otettih?*

– Ob'azat'el'no, kagratka ei ajeldu en'n'en.

– *A mih pandih?*

– Toroba ol'i en'n'en, holščovkoista kuvottu, täštä luajittu. Tädä väh, ottaw värčän vielä puolen. Šielä kilogram vos'em-des'at'.

- *A šyöt t'ia kuin?*
- A toroba pidaw r'iputtua hän'ellä, i piä torobašša i šyow hiän tämän kagran. ...
- *A ka jesl'i l'ibazet ollah?*
- Hebon'e, kun l'ibie on, rawvotat potkovoilla, potkovoilla l'ienow ei l'ibie hän'ellä. I r'egi on tarmaz'ittu šinalla. Kebie hän'ellä ved'ia i hyvä. I gorah voiččow nowšša, rawvotettu hiän on i ei ole l'ibie podkovoinke, i r'egi lähtow kebiel'd'i aštumah.
- *Nu, a jes'l'i ka toko talvella pruazn'iekalla kunne nibud' ajella, n'in šiloin ajatta rejellä?*
- Pruazn'iekalla ajua, n'iin luajittu ollah kor'jaz'et, i kor'jaz'eh issutah kolmen-n'ellän keššä i läht'ietäh ajamah.
- *A kor'jas't'a kuin luajitah? Mittynän'e hiän on?*
- Kor'jan'e on žeže puušta, koivun'e jallaš, när'eiz'illä t'ossuz'illa opšeidu pohjan'e. Kablahat žeže koivuz'et. I zadkan'e luajittu hyviin, obbeijah šielä, en'n'en fan'eroida ei ollun, n'iin lauvalla, složitah, kruas'itah. I hyvä i ajua, i šoma, i hyvä. Ka!
- *Kuin hebos't'a val'l'aššetah?*
- Länget, s'ed'olka, potpruuga, r'innuš. Längilöidä šivotah iče, koivuz'et kl'eščat luajitah, koivušta. I kaivetah lowkot, kunne rahiks'et pannah, ka i t'an'itah rahiks'en. Šin'de vommel', vommel'en žeže kiän'n'etäh. Vommel' on vetlašta luajittu, on i tuomešta, on i vāz'ināštā. Vāz'ināštā vommel' jygiemba, kovemba, vetlašta on pehmiembi vommel'. Län'gipuut obošjut voilukalla, hyviin šivotah, i zaičinkan tăn'itäh, štobi heboz'ella n'issalla n'i l'evie, n'i kaida ei ol'is'. Heboz'ella olgupiälöillä l'ienow pehmie. Ol'i hamut'ina vielä. Tämän hamut'inan šivotah län'gipuwloih ženže. Šin'de piäl'ičči hamut'inašta pannah voilukan pehmien, hän'ellä l'ienow olgupiälöillä yl'en jo pehmie, hyvä. Ka! Šl'ejat en'n'ein oldih. Nyt že ei ole šl'ejoida, nyt ajellah šl'ejoitta, en'n'ein oldih šl'ejat hyvät, hiän pod goru lähtow, n'in hiän pidaw vielä i r'egie hebon'e, šl'ejoista, hyvät kun šl'ejat. A kun pahat šl'ejat, n'in katetah. Piäh pannah ohjat, ohjat hyvät. A kun boikoi hebon'e on, n'in rawvat šuwih panet, štobi ei hyppäis' boiko.
- *A jes'l'i ka raččahalla vielä ajella?*
- Ohjakšet vielä pidaw. Ohjakšet, konečno, nyt on nahkaz'et, a en'n'ein iče mužikka puno työštä ei n'in l'iinašta. L'iina že ol'i lujemba i korgiemba. Ka... Muasl'enčana čurahamma kor'jaz'illa. Kellä on kor'jan'e, n'iin kor'jaz'eh istuoččow, a kellä ei ole kor'jas't'a, r'egeh, da r'egeh šidow nämä laijat. Täššä issuttaw lapšie, da vaššat šidow aizoih da vembel'eh i čuratah da nagretah. Muasl'enčana čuud'ittih, ka vaštua šivottih vembel'ih da, i kuda midä, i träpiččakuluo i nagratettih rahvašta lapšet. Oldih vielä našein'ikat, hebozella kaglah panet, šielä pikkaraz'et buruz'et hel'is't'ih, veššelä i hyvä. Ajaw n'in edähädä kuwluw buruz'et i kellon'e alahana yks'i pikkaran'e. Ka!

– *Расскажите, как обычно раньше Вы делали сани?*

– Раньше делали, березу приготовят, сколько там, двенадцать сантиметров толщиной. Ну, затем это, сделано было гибало. Ее (березу) гнут на передок. Сырую гнут, да. А затем ее связывают и сушат. Она высохла к осени. Затем будет мужчина сани делать из нее, всю ее обделает. Затем сделает копылья березовые сухие хорошие. Небольшие. Вот только в этих полозьях дырочки (просверлит), для копыльев. И насаживает затем очень уж прочно, чтобы они не шатались. Затем привязывает эти копылья за оба полоза, на сколько там сантиметров полоз полагается. Полоз там сантиметров тридцать или сорок, чтобы было одинаковой ширины. Ну, вот вяжет сани. Нахлестки закрепит, прутьями обделает передок, чтобы не шатался. И готовое дело – сани. Копылья есть, потом нахлестки все закреплены. Связал и готовое дело...

– *А много ли обычно копыльев использовали?*

– По семь копыльев, по пять копыльев делают, вот.

– *А из какого дерева обычно стужени делали чаще?*

– Черемуховые, ивовые. Вот стужени.

– *А почему?*

– Чтобы передок привязать. Он в копыл заколочен, закреплен, от копыла идет к передку он. К передку его загибают, чтобы он не сломался. И связывают вместе, один с этой стороны, второй с этой стороны, напротив. А потом по центру еще прихватят, еще связка, вот. Вот и сани готовы, карел будет ездить.

– *А если когда куда далеко надо ехать, так еще что-нибудь нужно?*

– Нужно приделать отводины... Вот дуга, и к передку ее концы привязывают, а дуга будет над отводинами. Какой ширины сделает, так и будет. Вот, потом плетут плетешки, как для подстилки, эту подстилку положит ему, он сядет, ехать хорошо, спокойно.

– *И с собой сено берут?*

– С собой сено берут, сюда и кладут, на редель, ределем называют...

– *А если вот далеко отправлялись, так для лошади еще и овес брали?*

– Обязательно, без овса не ездили раньше.

– *А куда клали?*

– Торба была раньше, холщевая, домотканая. Этого мало, возьмет еще полмешка. Там килограмм восемь-десять.

– *А кормить как?*

– А торбу нужно повесить на нее (на шею), и голова в торбе и ест она этот овес. ...

– *А вот когда скользко?*

— Лошадь, когда скользко, подкуешь подковами, с подковами будет не скользко ей. И сани окованы шиной. Легко ей тащить и хорошо. И в гору может подняться, подкована она и не скользко с подковами, и сани идут легче.

— Ну, а если вот обычно зимой на праздник куда-нибудь ехать, так тогда на санях едете?

— На праздник ехать, так сделаны легкие санки (возки), и в санках по трое, по четверо и едут.

— А возок как делают? Какой он?

— Возок тоже из дерева, березовый полоз, еловыми тесинами обшито днище. Копылья тоже березовые. И задок сделан хорошо, обобьют там, раньше фанеры не было, так доской, сложат, покрасят. И хорошо и ездить, и красиво, и хорошо. Вот!

— Как лошадь запрягают?

— Хомут, седелка, подпруга, супонь. Хомуты вяжут сами, березовые клещи делают, из березы. И высверливают отверстия, куда гужи хомута продевают, вот и тянут гужи. Затем дуга, дугу также гнут. Дуга из ивы сделана, есть и из черемухи, и из вяза. Из вяза дуга тяжелее, тверже, из ветлы мягче дуга. Клещевину обошьют войлоком, хорошенько привяжут, и зайчинку тянут, чтобы лошади на загровке ни широко, ни узко не было бы. Плечам лошади мягко будет. Был подхомутник еще. Этот подхомутник привяжут к клещевине также. Потом сверху подхомутник обтягивают войлоком мягким, ее плечам будет очень уж мягко, хорошо. Вот! Шлеи раньше были. Сейчас нет шлей, теперь ездят без шлей, раньше были шлеи хорошие, она под гору пойдет, так она подтормаживает еще и сани, лошадь, за шлеи, хорошие если шлеи. А если плохие шлеи, так ломаются. На голову надевают уздечку, уздечка хорошая. А если шустрая лошадь, так удила в рот положишь, чтобы не бежала быстро.

— А если вот верхом еще ездить?

— Вожжи еще нужны. Вожжи, конечно, сейчас кожаные, а раньше сам мужик вил из волокна, нет, так из конопли. Конопля же была прочнее и выше. Вот... В Масленицу катаемся на возках. У кого есть возок, так в возок садится, а у кого нет возка, в сани, да к саням привязывает эти борта. Здесь рассадит детей, да веники привяжет к оглоблям да дуге и катаются и смеются. На Масленицу чудили, вот веники привязывали к дугам у кто что, и ветошь и смешили дети народ. Были еще ошейники, лошади на шею надевали, там маленькие бубенчики звенели, весело и хорошо. Едет, так издали слышно бубенчики, и колокольчик снизу один маленький. Вот!

Текст № 4

Информантка 1959 г. р. из д. Ключевая Максатихинского р-на.

Запись М. Пенттонена, 2016 г.

– *Pagiz 'ijago työ kar'ielakši školah šuat?*

– Myö vain kar'ielaks'i. A školašša rubiemma hormiks'i, a mie kar'ielaks'i n'in zavs'o.

– *Šais 'go paissa školašša kar'ielakši?*

– Kaikinker kar'ielaks'i paistih. Vain što učit'el'at midä opašsettih, n'in tuada hormiks'i, a n'iin toin'e toiz'enker myö kar'ielaks'i pagiz'ima. Ših aigah, miwn aigah, kaikki maltettih, a nyt iče kar'ielat, a lapšie opašsetah srazu hormiks'i. Miwl ka napr'imer vanhemi poiga, n'iin hiän kar'ielaks'i vielä i šes'tä, pagizow. A šes'tä, kuin hän'dä, maltua n'in maltaw, a n'iin paissa, vähän paissah, hot' ka kyläššä i kažvettih. N'iin. Mama t'ial', ka miwn ka tuašša čikko tože.

– *Mityš t'eilä ol'i kod'i, pereh, midä ruattih?*

– Meilä kod'i ol'i... Tätä ol'i paimen, a talvel, nu ponr'adka, fermašša hiän ruado, da kaikki. A n'iin l'ehmie paimendi. Per'eh ol'i suur'i, d'ev'at' čelovek lašta. Meilä omat l'ehmät oldih, l'ehmät oldih i kanat, i poččie zavs'o myö pid'imä. Koirua, kaz'ie objazat'el'no, i nyt't'en on kakši kaz'ie i kakši koirua.

– *Kylyö t'ialä ei ole?*

– On kyly! A en'n'ein vet pez'iečimä myö kiwguášša, kiwguášša. Mama lämmitäw, lawvan šin'n'e, i kiwguášša par'ikka. Mie kiwguášša pez'iečiin lapšena, ol'ima myö jo i podrostkazet, nyt't'en mie jo en mahu. A šidä jo l'ien'i ban'a, rubeima ban'aš pez'iečömäh, ka. A n'iin koiss, da. Mama vielä missä maz'ieči, myö vet lapšet tože ol'ima, n'in šes'tä, pežel'daw, a tätä tämä, no mänöw, matkalla on voda, pihalla valuačow dai näin.

– *Äijägo oli čikkuo, vel'l'ie?*

– Miwla kakši čikkuo, myö kolmen, oi, ol'i nellä, yks'i tyttön'e pienenä lapšena kuol'i. I vielä pien'i kuol'i, kakši pien'dä kuoldih, brihaččun'e. Meidä d'ev'at' čelovek ol'i lašta, äijä. Šilloin oldih šuuret per'ehet, mie ol'iin vanhemi, pid'i kaikilla avuttua. Midä šes'tä? Pikkaran'e, en pervoih klassah käwnyn, šes'tä, viiz'i-kuuži vuotta, miwla mama i tätä läht'ietäh, en'n'ein vet i käbyö kerät't'ih, da uijitah meččäh talvel, a mie nän'kyičen näidä pikkaraz'ie, nän'kyičen i lattiet pežen, i šyvvä varuššan, i l'ožankan lämmitän, tullah, a miwla jo kaikki gotov. A nyt't'en vet s'em l'et, viiz'i-kuuži, pidäw heidä nän'kyijä, lapšie...

Parkie kiskoma. Myö meččäh mänemmä, šiakšet ka n'ieglotah miedä, a myö kiskoma parkie... Hein'ia tože srazu n'it't'ia ei annettu, pidäw vielä sofhozah n'it't'ia, kolhozah, kolhozat oldih, šin'n'e n'it't'ia, a šidä jo ičellä,

yškäz'iin, da peittoz'iin, ka lapšet mänemmä, da näih tuhjoloih, šreizotamma rugozet, da... Meilä ol'i yks'i l'ehmä, važa, počči, ol'i i lammašta, čibua ol'i. Mie ol'iin vielä pikkaran'e pacankan'e, a šidä jäl'geh ewllun, a näidä, lammašta ol'i. Lammašta meilä ol'i, hyvie lammašta, nel'l'in-kolmen tuow pikkaras't'a, nu skoko nän'kyijä pid'i, i šen'e tože kuin lapšet.

– Šaittago alaz'ie da noskuo lambahan villašta?

– Da, i šes'tä, kuin hän'dä, Val'a-t'otka ol'i meilä t'ialä, jo kuol'i, n'iin hiän i t'opluhaz'ie luad'i. A šidä n'ieglottih noskuo, alazet. Šes'tä, lähet šarvaroissa ka goralla čuruamah, tulet, rejat riputah, šarvarat nämä kaikki sosul'koissa, kiät kyl'mättännyöt, ei šua i ovi avata, što et t'ijä... Kaikkeh rukah ol'i! No i hyvä ol'i el'ia!

– Midä šöittä?

– Midä šöimmä? A midä? Kaikkie šöimmä. I juablokkua luukunker i prosto juablokkua, i juablokkua mama toko šes'tä, meilä mama ol'i provornoi, näidä ka kaikkie paisto, ka myö näidä kaikkie tože paistamma... N'iin juablokkua kuor'il, šes'tä, zal'jot i n'iin, vet pl'itkoida tože ei ollun, a l'ožankua i kežällä lämmit'et't'ih, oi, kiwguada, kiwguah pannah juablokan, zal'eijah kuorella, tulet obedah šywwä. I kaikkie, i nuat't'irokkua, nuat't'irokkua konža l'ihanker, a konža postnoi, tämä s'erije šči, ka nämä, kuin hän'däh, ei valgie kapusta, a ka nämä l'ehet piäl'immäs'tä, da, nuat't'irokkua. A vielä nuat't'irokka vielä i röt'kanker, a vielä i röt'kiä i d'er'it šez'ih, jo postnoidi. Postnoida šes'tä i šöimä. Nu ka midä? I jäiččäpäin'in'd', i jäičän šežen maijonker i tože kiwguah, a hiän šielä, ka myö kuččuma: "Nyt't'en päin'in'dä tahottaw." Kalah tože kăwd'ih, n'in kalua i žuar'ima, i tušima, a viel' midä, tože pikkaraz'ie näidä tuwvah, n'in tože čugunazeh panet dai. Midä vet pid'i šywwä. Oman šöimmä kaiken... Karbalot ker'itäh, karbaloh mänemmä, ker'iämmä, karbaluo tuomma, buolua, mus's'ikkua, kaikki nämä, da, juomukkuu, vavarnuo, vavarnuo i nyt't'en, da. Kaikkie. A muuraindu? Muuraindu, da.

– *Говорили ли Вы по-карельски до школы?*

– Мы только по-карельски. А в школе стали по-русски, а я по-карельски так постоянно.

– *Можно было ли говорить в школе по-карельски?*

– Со всеми по-карельски говорили. Только что учителя что преподавали, так это по-русски, а так друг с другом мы по-карельски говорили. В то время, в мое время, все понимали, а сейчас сами карелы, а детей учат сразу по-русски. У меня вот, например, старший сын, так он по-карельски еще и говорит. А этот, как его, понимать так понимает, а так говорить, мало говорят, хоть вот в деревне и росли. Так. Мама здесь, вот моя там сестра тоже.

– *Какой у вас был дом, семья, чем занимались?*

– У нас дом был... Папа работал пастухом, а зимой, ну, подработка, на ферме он работал, да все. А так коров пас. Семья была большая, девять человек детей. У нас свои коровы были, коровы были и куры, и свиней постоянно мы держали. Собаку, кошку обязательно, и сейчас две кошки и две собаки.

– *Бань здесь нет?*

– Есть баня! А раньше ведь мылись мы в печке, в печке. Мама истопит, доску туда, и в печке паримся. Я в печке мылась, когда ребенком была, были мы уже и подростками, сейчас я уже не помещаюсь. А потом уже появилась баня, стали в бане мыться, вот. А так дома, да. Мама еще где мазала, мы ведь детьми тоже были, так это, помоем, а папа, пойдет с водой, на улице обольется, да так.

– *Много ли было сестер, братьев?*

– У меня две сестры, мы троим, ой, было четыре, одна девочка маленьким ребенком умерла. И еще маленький умер, двое маленьких умерли, мальчик. Нас девять человек было детей, много. Тогда были большие семьи, я была старшей, нужно было всем помогать. Что с того? Маленькая, и в первый класс не ходила, это, пять-шесть лет, у меня мама и папа пойдут, раньше ведь и шишки собирали, да уйдут в лес зимой, а я нянчусь с этими маленькими, нянчусь и полы помою, и есть приготовлю, и лежанку истоплю, придут, а у меня уже все готово. А теперь ведь семь лет, пять-шесть, нужно их нянчить, детей...

Ивовое корье драли. Мы в лес пойдём, комары вот кусают, вот кусают нас, а мы дерем кору... Сено тоже косить сразу не давали, нужно еще в совхоз накосить, в колхоз, колхозы были, туда накосить, а потом уже себе, охалками, да тайком, вот дети пойдём мы, да в эти кусты, ставим копнушки, да... У нас была одна корова, теленок, поросенок, были и овцы, козы были. Я была еще маленькой пацанкой, а после не было, а этих, овец было. Овцы у нас были, хорошие овцы, по четыре – по три ягненка приносили, ну сколько нянчиться надо было, и эти тоже как дети.

– *Вязали рукавицы и носки из овечьей шерсти?*

– Да, и эти, как их, тетя Валя у нас была здесь, уже умерла, так она и валенки делала. А потом вязали носки, рукавицы. Это, пойдешь в шароварах вот кататься на горку, придешь, сопли висят, шаровары эти все в сосульках, руки замерзшие, и дверь не открыть, что не знаешь... Всякое бывало! Но и хорошо было жить!

– *Что ели?*

– Что мы ели? А что? Все ели. И картошку с луком, и просто картошку, и картошку мама обычно, это, у нас мама была проворная, это вот все печка, вот мы тоже это все печем... Так картошку сметаной, этой, зальет и

так, ведь плиток тоже не было, а лежанку и летом топили, ой, печку, в печку поставят картошку, зальют сметаной, придешь на обед есть. И все, и серые щи, серые щи когда с мясом, а когда постные, это серые щи, вот эти, как их, не белая капуста, а вот эти листья верхние, да, серые щи. А еще серые щи и с редькой, а еще и редьку сорвешь туда, уже в постные. Постные эти и ели. Ну вот что? И подболтку из яиц, и яйцо это с молоком и тоже в печку, и оно там, вот мы просим: "Как подболтки хочется." На рыбалку тоже ходили, так рыбу и жарили, и тушили, и еще что, тоже мелкой этой принесут, так тоже в чугунок положишь дай. Что-то ведь надо было есть. Все свое ели... Клюкву собирают, за клюквой пойдём, собираем, клюкву носим, бруснику, чернику, все эти (ягоды), да, голубику, малину, малину и сейчас, да. Все. А морошку? Морошку, да.

Текст № 5

Информант из д. Малое Козлово Спировского р-на.

Запись В. П. Тарасова, 1960 г.

ФА – 121.

– *Kuin luajittih regilöi?*

– Regilöidä meilä ennen luajittih koivušta, lymmyt't'ä. Ol'i miula luajittu... No regi valmistuu kuin? Tuou koivun, veštäy, halguo panou, tänne, kiuguah, kylvn kiuguah panou. Ka šiel'dä ottau da panou, šidä ka i rubieu dubinalla pyör'ittämäh, nuoran panou. Nu i lymbäy... Naglua pergau puuhis't'a. Nu i on šielä yön, päivän, hiän kuivau. Šid ka dubinan panou šinne n'okkah, tänne n'okkah, kolot't'iu, šidou i kak. Šid heittäy, kuivie. Talvella ka šygyžyllä i šidomah i napr'iu regie.

– *A kuin šivotah regie?*

– Regie šiduo ka, tämä, kablahat kaivau, kuuži kablašta, viiz', šid poikki t'äh puušta lymmyttäy tuaš, i šidou.

– *Mittynäzet puut lymmytetäh?*

– A bol'se, tämä, nagole kuin hiän tuo on puu? Raida. Raidapuu, da. Bol'se raida... I koivuo. A šid rauvotetah, da, jäl'geh rauvotetah. Tormozat pannah... A n'iidä rauvotetah äijän, vielä poikki pannah rauvat.

– *Min verran šais' rejellä ajua, talvi il'i kakši?*

– Enemmän ajau, i kolme ajau. Tormozoinke n'iin i mon'i vuotta ajau, talvella. Tormozat vet, hiän väl'ian... Konža on vielä ka vähän lunda, n'iin zad'evaiččou kivyž'ie da kaikkie, šilloin hiän väl'ian kuluu. A jes'l'i kun vuottua nastojašči lunda, n'iin tormozanke n'iinke äijän vuotta ajau. Ruvettih tammiz'ie regilöidä luad'imah... Miula ol'i kolme regie tammis't'a.

– *Ol'igo še huogembi regi šuaha ših tabah?*

– Še konečno, hiän l'ieu kallehembi, no hiän, zato, viikon keštäy. Šeže keštäy d'es'atkami, n'eskol'ko l'et, kun rauvotat hyvin hänen.

– *A talvella, raskažikkua, midä hoz'aistvennoit miehet ruattih talvella?*

– Hoz'aistvašša midä ruadua? A n'imidä ev i ruadua. Hallot vedäy kod'ih. Šidä, ka, jes'l'i ka on pellošša, hein'ät n'iittäy, ka heinät vedäy da hallot. Muuda n'imidä. Nu ajel'i, kačo, Spirovah, zarabotkill ajeldih. Ol'i meilä Morozov, tämä hänen famil'ja Morozov. Hänellä ol'i, fuabrikka ol'i oma, zavoda, nu ka hänellä meččiä ves'ma ol'i äijä. N'iin ka vejet't'ih hirtä, halguo heilä, šinne Spirovah. Mänet, viet, sdaičet, šielä d'en'gat annetah. Nu ka mie muissan šilloin vain hebozella pandih rubl'an, enämbi ei šuanun panna. A jo konža ka mie rubein ajamah, n'iin šilloin jo puolentoista rubl'ua polučit, kerran ajat, i daže i kakši rubl'ua.

– *Ol'igo rubl'a kal'l'is' šilloin?*

– Rubl’a? Rubl’a šilloin ol’i kal’l’is’. Rubl’ah šai täh näh, n’iin kuukši ol’i i produktua. Suaharu ol’i kuin, p’atnadcat’ kopejek vain funta, četir’esto gramm, n’iin. A jauho šes’at’ kopejek puuda. Da, šes’at’, sems’at’. A konža l’ien’i rubl’a, n’iin šilloin jo zarabotkat l’iet’i’ih šuuremmat. Ka mie konža läks’in opaštumah, mie odinnadcat’ let ruavoin hoz’aistvašša... Enžimmäs’tä kuuta miula makšo vain dev’at’ rubl’ei tr’idcat’ p’at’ kopeikkua. A šid rubein polučimah sorok, p’at’d’es’at’, a pos’l’edn’oi mie polučiin, kun rubein ruadomah juablokanke, mie polučaičin rub’ des’at’ päiväššä. A mie kuušša okolo tridcat’i rubl’ei polučiin. A šilloin na tridcat’ rubl’ei voičči šuoriečie. Nytten et i na tr’i tis’ači šuorieče. Ka mie oššiin, miula vašta ol’i s’emnadcat’ let. Ruavoin kuun. Nu kolmen päivänkena. Oššiin kos’t’uman ves’ma hyvän, pal’ton l’etn’oin oššiin. Karti rub’ p’at’ kopejek makšo, n’iin p’at’ kopejek makšoma täštä, on bumuağašta, vot kartonašta... Karti šielä šiämeššä on, n’in ka p’at’ kopejek šiidä annamma, a jes’l’i kun šittä n’iin vain rubl’an karti iče makšo, a žemuozešta nyt pidäy andua dvadcat’ rubl’ei, da et i löyvä. Šuappuat makšettih tr’i rubl’a, vot. Mäne ošša valmehet, tr’i rubl’a. Da mie iče ruavoin, mie mahoin. Mie opaššuin sapožn’iekakš dva goda. Mie moine special’nost’an opaššuin. Sapožn’iekka ol’iin, zakroiščiekka, mas’t’era ol’iin, mašinkua imeičiin, zagotoviin.

– *A ennen luajittihgo hoz’aistavat iče sapogat il’i oššettih?*

– Iče bol’še ruattih. Ol’i kyläššä, ka hot’ miän Kaškipuussašša ol’i n’ellä sapožn’iekkua.

– *A nahkat mis’tä otettih?*

– A nahkat, mänet ka oššat, Spirovah ajelet da tuot. Da šidä zakažitah, ka tulou: ”Luaji šuappuat!” – ”Ka luajin!” – ”Ka skol’ko?” Mie šanon: ”Tr’i rubl’a.” I vs’o. I luajit omašta nahkašta i polučit tr’i rubl’a. A jes’l’i hiän tuou nahkan, n’iin vain otat sems’at’, šes’at’ kopejek. Vot, šuappuat luajiin.

– *A nahkua eigo muokattu koissa?*

– Šilloin, ši h aigah ei, nagole oššettih valmista...

– *Ol’igo t’eilä mel’l’iččä?*

– N’iin ka zavod’in, Gorn’an mel’l’iččä, Ploskoin mel’l’iččä, Snaz’inan mel’l’iččä, ka l’ieu kolme, Ploskoilla n’elläš, Kozlovalla ol’i viiješ, tämän Kozlovan kuuveš, yhellä jovella kuuži mel’l’iččä. Vettä ol’i täššä, i kalua šilloin ol’i yl’en äijä. A Snaz’inan mel’l’iččä, že n’ikoža ei lašken vettä. Hänellä ol’i fundamenta šielä, pohja betonnoi, vettä konža vain l’iijän, vettä laškou, vez’i ol’i postojanno, postojanno. Ka meil’ Kaškipuussan ol’i mel’l’iččä, i reunašša, i Snaz’inalla ol’i mel’l’iččä. Nu ka kakie-nibud’ yks’i-kakši kilometrua da tuaš mel’l’iččä. Kilometran šiel’d’ n’in mel’l’iččä nagole: L’indaz’inoma, Gorn’anoma, miän Kaškipuussan mel’l’iččä, Snaz’inan mel’l’iččä, Ploskoin mel’l’iččä, S’olan mel’l’iččä, Kozlovan mel’l’iččä – šest’ mel’l’iččä, ka. S’olan mel’l’iččä suščestvuiččou ka, a nämä jo rikkuočennun.

A nämä kaikki šubi kavotettu, ev midä. Konečno, vähäs'tä ei hyvin ruattu, vet vejellä voit ruadua midä l'uubo, voit pil'ie, voit srugie. Toko šanotah: finskaja ščepa, päre. A näidä voit, a nämä mel'l'ičät rikottu, ei ruata. A ka tämä Kozlovan miän ruadau. Jogo kežiä perettä luajitah. No jauhotetah, da vähä.

– *On mel'l'iččä ved' täššä?*

– On, yks'i vain on. Tämä miän r'eka nazivajeca Sudoml'a. Hyö ka, tuanne, mel'l'ičän luona, ka kun Kozlovan projjit. Tuala tulou toin'e, Sudoml'a, tämä Sudoml'a i, kuin hiän nazivajeca, Tiffina, kakši yht'eh sojedin'ajeca, n'in dalše šinne lähtöy vielä šuurembi jogi, šinne. Šielä tože mel'l'iččä ol'i Jamnoissa, a nyt ev. Nämä mel'l'ičät kavottih kaikki. A vez'i ois' suamoi hyvä, huogehimmašti, midä l'uubo voit ruadua. Ka mie Kuzn'ecovalla ol'iin remontnoissa, ka midä hyö ruattih šielä? Yks'i turbina jauhotti, toin'e turbina ruado monda: tahkoï, vanhat obdelival'i, näidä, nu ka šanomma, kaikki rasp'il'iu, midä l'uubo, i loukutettih, i puidih, i šel'p'it'et't'ih, kaikki... Vez'i nagole ruado, a nyttēn ev n'imidä. Kaikki kavottih, nyt mašinalla ruatah. Mašinan ruado, mie en t'iijä, tällä mesnost'illa, vo-pervih, jyvā miän na korn'e ei kuiva, konža on vihmailma, šilloin prihodits'a talviloida myöt'en värččilöidä kiugualla kuivata. Tämä razve on d'ielä? A kun riiheššä, näin ruoga l'ieu kuiva i jyvā kuiva, i jauho l'ieu. A n'ytten ka, mie oššiin täššä jauhuo, ka, näil'dä traktoristoilda, n'iin l'eib'ia ei šua luad'ie – mušta, i vkusa n'etu häneššä. Daže ei što... Mie täššä kanoilla annoin, n'iin i kanat ei šyyvā. Tuoreš on, da. Vet ei ole tämä Ukraina. Šielä vet na korn'e hiän kuivau. Miän ei kuiva. Vet ol'iin ka, začem-to. Hiän na korn'e kuivau, a miän ei kuiva. A heilä n'in kuivau. A myö ka tämän kavottima, n'in l'eivänke on pahoin... Kun ruatais' hyö, vobščem, midä trebujet zeml'a sama, pr'iroda, n'iin šilloin, konečno, hiän ois' toizeh rukah, ei täh rukah. Iellä vet l'eibiä t'ial'ä kažvo yl'en hyvin, Kozlovalla, ol'i bohatta kyl'ä. Nu po p'at' lošad'ei piet't'ih n'iin, žemmuon'e ka ruado ois'.

– *A udobr'aittihgo peldoloida šilloin?*

– A šilloin ka, vain žiivatan tuahella.

– *Žiivattua piet't'ih äijä.*

– Žiivattua ol'i äijä, viiz'iin, šeiččimiin l'ehmiin ol'i. A kakšiin da kolmiin, tämä splošnoi ol'i, joga izännäl'l'. Nu ka heilä äijä jo i ol'i žen'täh tuahta. A nyttēn tuahet midä? L'evit't'ia ev midä, olgie že ev l'evit't'ia, nu ka ei l'ie i tuahta. Talvella vejetäh, hiän šielä vihmalla promočiu, šidä kuivau, že tuahi hyvin i makšau. Nu ka vejetäh torfua ves'ma äijän, i že ved'iačöy nagole tuah, kukuruzah varoin, a pod hl'eb n'imidä ei ole, navoza, žentän i l'eibā pahoin kažvau. A iellä l'eibā kažvo hyviin, tämänmuozenke l'eivänke ol'i kylä, n'iin äijän myöd'ih. A nyttēn ei, jogohin'e oštai, laukkah, pokol' noužet da, jo i hyppiä očer'ed'ih. Tämänmuon'e l'išn'oi hyppełyš nagole. A vet ka n'ekotorije kolhozat l'eibiä polučitah jalošti. Ka mie ol'iin v Tolmačovskom

raijon'e, n'in hyö polučittih l'eibiä äijä. Hänellä hot' šielä muuda evle, šanou: "Meilä kartoškua ei äijä". N'iin hiän l'eivällä možet počin kažvattua. Tua on l'iha, i toizen žiivatan kažvattau, nagole on pol'za, a miän t'ialä ev. Miän sovs'em toizeh ruatah, midällou en t'ijä. Nyt zagnal'i ka nyt poččie ves'ma äijän, ei šua i šyöt't'ia puut'illeh.

– *Как делали сани?*

– Сани у нас раньше делали из березы, гнуть надо. Были у меня сделаны... Ну, сани делаются как? Привезет березу, обтешет, поленья положит, сюда, в печку, в бане в печку положит. Вот оттуда вытащит и положит, затем вот и начинает дубиной гнуть, веревку привяжет. Ну и гнет... Гвозди забивает деревянные. Ну и находится там ночь, день, она сохнет. Потом вот дубину поставит туда спереди, сюда спереди, приколотит, сделает и как. Потом снимет, сухие. Зимой и осенью принимаются делать сани.

– *Как делали сани?*

– Сани делать, вот, это, копылья сушит, шесть копыльев, пять, затем об дерево гнет опять, и делает.

– *Какое дерево гнут?*

– А больше это, постоянно, как там его, есть дерево? Иву. Иву, да. Больше иву... И березу. А затем набивают подрезы, да, после набивают подрезы. Тормоза ставят... А их оковывают железом, еще поперек ставят подрезы.

– *Сколько можно на санях ездить, зиму или две?*

– Больше ездит, и три ездит. С тормозами так и несколько лет ездит, зимой. Тормоза ведь, они быстро... Когда еще вот мало снега, так задевает камни и всякое, тогда они быстро изнашиваются. А если вот дождаться настоящего снега, так с тормозами этими много лет ездит. Стали дубовые сани делать... У меня было трое саней дубовых.

– *Было ли дешевле таким образом сани делать?*

– Так, конечно, они будут дороже, но они, зато, долго служат. Такие служат десятками, несколько лет, когда окуешь железом хорошо их.

– *А зимой, расскажите, что хозяйственные мужчины делали зимой?*

– По хозяйству, что делали? А ничего не делали. Дрова возит домой. Потом, вот, если есть в поле, сено накошено, так сено возит и дрова. Другого ничего. Ну, ездил, смотри, в Спирово, на заработки ездили. Был у нас Морозов, это его фамилия Морозов. У него была, фабрика была своя, завод, ну, вот у него леса очень много было. Так вот возили бревна, дрова им, туда в Спирово. Поедешь, отвезешь, сдашь, там деньги дают. Ну, я вот помню, тогда за лошадь давали рубль, больше нельзя было платить. А уже когда вот я стал ездить, так тогда уже полрубля получишь, один раз съездишь, и даже и два рубля.

– *Был ли рубль дорогой тогда?*

– Рубль? Рубль тогда был дорогой. На рубль, получал тогда, так на месяц было и продуктов. Сахар был как, пятнадцать копеек только фунт, четыреста грамм, так. А мука шестьдесят копеек пуд. Да, шестьдесят, семьдесят. А когда стал рубль, так тогда и заработки выше стали. Вот я когда пошел учиться, я одиннадцать лет работал в хозяйстве... За первый месяц мне заплатили только девять рублей тридцать пять копеек. А потом стал получать сорок, пятьдесят, а в последний раз я получил, когда стал работать с картошкой, я получал рубль десять в день. А я в месяц около тридцати рублей получал. А тогда на тридцать рублей можно было одеться. Теперь и на три тысячи не оденешься. Вот я купил, мне было только семнадцать лет. Отработал месяц. Ну, с тремя днями. Купил костюм очень хороший, пальто летнее купил. Карты рубль пять копеек стоили, так пять копеек платили за эту, из бумаги, вот из картона... Карты там внутри находятся, так вот пять копеек за это отдавали, а если как без нее, так только рубль карты сами стоили, а за такие сейчас нужно отдать двадцать рублей, да и не найдешь. Сапоги стоили три рубля, вот. Иди, купи готовые, три рубля. Да я сам делал, я умел. Я учился на сапожника два года. Я по такой специальности учился. Сапожник был, закройщик, мастер был, машинку имел, заготовил.

– *А раньше изготавливали в хозяйстве сами сапоги или покупали?*

– Сами больше делали. Были в деревне, вот хоть в деревне Нивище было четыре сапожника.

– *А кожу откуда брали?*

– А кожу, едешь и покупаешь, в Спирово поедешь да привезешь. Да потом заказывали, вот придет: "Сделай сапоги!" – "Сделаю!" – "Сколько?" Я говорю: "Три рубля." И все. И делаешь из своей кожи и получаешь три рубля, а если он принесет кожу, так только берешь семьдесят, шестьдесят копеек. Вот, сапоги делал.

– *А кожу не яли дома?*

– Тогда, в то время нет, постоянно покупали готовую...

– *Была ли у вас мельница?*

– Так вот начну: в Горне мельница, в Плоском мельница, мельница Сназина, вот будет три, в Плоском четвертая, в Козлове была пятая, в этом Козлове шестая, на одной реке шесть мельниц. Воды было здесь, и рыбы тогда было очень много. А сназинская мельница, она никогда не спускала воду. У нее был фундамент там, фундамент бетонный, когда только слишком много воды было, тогда воду спускали, вода была постоянно, постоянно. Вот у нас в Нивищах, и рядом, и у Сназина была мельница. Ну, вот какие-нибудь один-два километра и опять мельница. В километре оттуда так постоянно мельница: линдинская, горнинская, наша

нивищенская мельница, сназинская мельница, плосковская мельница, козловская мельница, малокозловская мельница – шесть мельниц, вот. Козловская мельница существует вот, а эти все сломались. А эти все буквально пропали, нет ничего. Конечно, немного нехорошо сделано, ведь водой можно делать что угодно, можно пилить, можно стругать. Обычно говорят: финская щепка, щепка. А их можно делать, а эти мельницы испорчены, не работают. А вот эта Козловская наша работает. Каждое лето щепку делают. Ну, молят, да мало.

– *Здесь есть мельница?*

– Есть, одна только есть. Эта наша река называется Судомля. Они вот, туда, около мельницы, вот как Козлово пройдешь. Там будет другая, Судомля, эта Судомля и, как она называется, Тиффина, две в одну соединяются, так дальше туда идет еще больше река, в ту сторону. Там тоже мельница была, в Ямном, а теперь нет. Эти мельницы исчезли все. Вода была бы самой хорошей, дешевле всего, что угодно можно делать. Вот я в Кузнецове был на ремонте, так что они делали там? Одна турбина молота, вторая турбина делала несколько дел: точила, старые обдывала, эти, ну вот скажем, все распиливала, что угодно, и лен мяли, и молотили, и веяли, все... Вода постоянно работала, а теперь нет ничего. Все пропали, теперь на машинах работают. Машинная работа, я не знаю, в этой местности, во-первых, зерно наше на корню не сохнет, когда дождливая погода, тогда приходится зимы напролет мешки на печке сушить. Это разве дело? А когда в риге, тогда фураж будет сухой и зерно сухое, и мука будет. А теперь вот, я купил тут муки, вот, у этих трактористов, так и хлеб не испечь – черная, и вкуса нет в ней. Даже не то что... Я тут курам дал, так и куры не едят. Влажная, да. Ведь это же не Украина. Там ведь на корню оно (зерно) сохнет. Наше не сохнет. Ведь был я вот, зачем-то. Оно на корню сохнет, а наше не сохнет. А у них так сохнет. А мы вот этого лишились, так с хлебом теперь плохо... Если бы делали они, в общем, что требует земля сама, природа, так тогда, конечно, было бы по-другому, не так. Раньше ведь хлеб здесь рос очень хорошо, в Козлове, была богатая деревня. Ну, по пять лошадей держали ведь, такая вот работа была бы.

– *А удобряли ли поля тогда?*

– А тогда вот, только навозом.

– *Скота много держали.*

– Скота было много, по пять, по семь коров было. А по две, по три, это сплошь было, у каждого хозяина. Ну, вот у них много уже и было поэтому навоза. А теперь навоз что? Расстелить нечего, соломы же нет, чтобы расстелить, ну вот не будет и навоза. Зимой возят, его там дождем промочит, потом высохнет, этот навоз дорого и стоит. Ну, вот возят торфа очень много, и вывозится постоянно навоз для кукурузы, а под хлеб

ничего нет, навоза, поэтому и хлеб плохо растет. А раньше хлеб рос хорошо, с таким хлебом была деревня, так много продавали. А теперь нет, каждый покупает в магазине, пока проснешься, да, уже и беги в очередь. Такая лишняя беготня постоянно. А вот ведь некоторые колхозы хлеб выращивают охотно. Вот я был в Толмачевском районе, так они получают хлеба много. У него хоть там другого нет, говорит: «У нас картошки немного.» Так он на хлебе может свинью вырастить. Это мясо, и другую скотину вырастит, постоянно польза, а наши тут нет. Наши совсем по-другому делают, что-то не знаю. Сейчас загнали поросят очень много и не прокормить путно.

Текст № 6

Информантка 1906 г. р. из д. Морозовка Спировского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, В. П. Федотовой, 1966 г.

ФА – 683.

– Čolie pidāw uhuaživaija tāh rukah vain: hān'dā pidāw, kuin l'iew kežā, pidāw heidāh kaččuo, ongo muatočn'ikkua. Ew muatočn'ikkua, on hiān truwn'ua, āijā truwn'ua on, n'in pidāw tappua hiāt, a kun n'iat, što on parahiks'i truwn'ua, heidā ei pie i koškīe, hiān rubiew muatkan'e gul'aimah. Muatka ježel'i vanha on, vanhan pidāw un'ičtožit'. Pidāw erottua, kačot, s'emja šuuri on, erottua pidāw, erotat žen s'emjan, voit toin'e paččahan'e zaved'ie. Kačot, toizeh paččahazeh erotat. Kakši paččahas't'a l'iew, kolmandeh rubiet, vielā parembi l'iew. Rubiet šiel'dā ramkaz'ie ottamah, panet, zaved'it i l'iew pačaš parembi. A jes'l'i kačot, muatka kadow, muatka kadow, pidāw toizešta paččahašta ottua. D'etvua panet, možet l'ietāh i pačaš tuaš. Šidā kačot, l'iew jo m'odogonan aiga, rubiew mettā, jo ruvetah kandamah, panet magaz'inan, magaz'inan panet, rubiet magaz'inah kaččomah: ongo, tuwvahgo mis'tā. Enžimān'e mez'i, tāmā maiskoi mez'i, yl'en pol'z'it'el'noi. Ken on bol'noi čeloveka i šyōw šidā mettā, hānellā on kaikki organ'izma t'erveh, iče čuisvuičet, što l'iew hān'ellā hyvā. Voit šidā šyvwā. Toiz'ičči rubiet ottamah, toin'e l'iew zvolista, zvolista l'iew že, pečatkanke, šagie. Nu i že hyvā on mez'i, i že. Kolmanžičči otat, kolmanžičči otat, jo sn'imit pois' magaz'inat, magaz'inat panet kuivah, heitāt pois', jo nyt talveksi, talveksi kačot hān'en, čist'it šiel'dā kaikki šubi. I ruvetah čolat nait d'ielat ruadomah i paččahat l'ietāh hyvāt.

Jesl'i hiān l'iew šuwr'i perehyš, pereh šuwr'i l'iew i hiān rubiew uid'imah. Jo uid'imah rubiew, viijit ogordah, šiwla l'iew mejen duwhu. Hyō männāh, čolat kaikki šubi alla paččahan. Muatkon'e on otettu jo, a ših jiāw vain... hiān šyl'gōw muatkozeh. Muatkon'e ših i jiāw paččahaže, a iče uid'iw, uid'iw. Kon'ešno, šinā vuodena mettā vähā l'iew. Ruadajat čolat kaikki šubi hiāt ottaw, jiāhāh vain pikkuruzet, gluuppazet. Nu ka n'iinke čolinke viikko vielā pidāw vuottua mettā, kun'i hyō kažvetah, a tāmā uid'iw l'endoh, vain elā kekši fat't'ie. A esl'i šie kekšiit, kačot, što čolat on māt'dy alla paččahan, jo hyō ruvetah uid'imah, mejen duwhu on, ota vettā rengi da hiāt i sipl'i vejellā, brizgai. Brizgaičet vejellā, varušša pačaš. Paččahalla kamahlolla i nošša, hyō šilma koškieta ei, kätz'ie ei purra. Panna žuaglua ei, jo hyō t'ietāh, što emān'dā māt'i ottamah omah kod'ih heidāh.

Mez'ilōidā rubiet ottamah, tuot m'odogonan, ennein Kazanskoida kahta n'ed'el'ie. Otat enžimāzen keeran, m'odogonan laššet, šidā m'odogonan laššet, pidāw hiāt panna jār'ellāh kuivah. Kuivuatēn m'odogonan, m'odogonan žen kuivuat, n'ed'el'ie kakši piet, tuaš laššet m'odogonan, m'odogonan vielā

laššet, jo Kazanskoin aigah. Šiidä laššet kolmanžičči Il'lan jäl'geh. A Il'lan jäl'geh emämbie magaz'ina ei god'ieče panna: hiän voščinua n'imidä ei vejä, hiän vain rubiew omah iččieh varoin varuštamah. A näih, hiän magaz'inah kannä ei, jo rua ei, čola jo rubiew omah iččeh talvekši varuštamah.

A mettä, mettä šyömmä myö, tuomma čuajunke, hiän sahar'ičow, l'iew šagie, čuajunke šyömmä. I čuajunke on ves'ma pol'z'it'el'noi, vain händä p'idäw šywwä yökši, a päivällä palavah čuajuh ei voi panna, vain panet palavah čuajuh, zabol'eješ, l'ienet läz'ijä, vopče ynnäh läz'ewvyt, ei voi. I rahvahalla annamma, rahvaš tullah, n'in ber'goičemma i rahvašta, šyötämmä mejellä, ken tulow, n'in šyötämmä. A emämmän i mettä tuvvah. Rahvahalla annat i iččiellä l'iew mettä, a vain et anna i pačaš uid'iw.

— За пчелами нужно ухаживать так только: их нужно, когда наступит лето, нужно их смотреть, есть ли маточники. Нет маточников, есть трутни, если много трутней, так нужно убивать их, а если видишь, что на пользу трутни, их не надо трогать, будет матка гулять. Если матка старая, старую нужно уничтожить. Нужно разделять, смотришь, семья большая, нужно разделять, разделишь эту семью, можно второй улей завести. Смотришь, во второй улей отделяешь. Два улья будет, в третий будешь, еще лучше будет. Будешь оттуда рамки брать, поставишь, заведешь и будет улей лучше. А если смотришь, матка пропадет, матка пропадет, нужно из другого улья взять. Детву положишь, может, будет и улей опять. Потом смотришь, наступит уже время гнать мед, будет меду, уже будут носить, поставишь магазин, магазин поставишь, будешь магазин смотреть: есть ли что, носят ли откуда (мед). Первый мед, это майский мед, очень полезный. Кто больной человек и ест этот мед, у него весь организм поправится, сам чувствуешь, что станет ему хорошо. Можно его есть. Второй раз будешь брать, второй будет с ботвы, с ботвы будет он, запечатанный, густой. Ну и тот хороший мед, и тот. В третий раз берешь, в третий раз берешь, уже снимаешь прочь магазин, магазины ставишь в сухое место, снимаешь прочь, уже теперь на зиму, зимой смотришь их, вычищаешь оттуда все. И будут пчелы эти дела делать и ульи будут хорошие.

Если будет большая семья, семья большая будет, рой будет улетать. Подниматься будет, выйдешь в огород, почувствуешь запах меда. Они летят, все пчелы под улей. Матка взята уже, а там остается только... плюнет на матку. Матка там и остается в улье, а сам улетает (рой) улетает. Конечно, в такой год меда мало будет. Рабочие пчелы все улетят, останутся только маленькие, глупенькие. Ну вот с такими пчелами долго еще придется ждать меда, пока они вырастут, а этот (рой) улетит, только не

успей схватить. А если успеешь, смотришь, что пчелы ушли под улей, уже они собираются улетать, медом пахнет, бери ведро воды да на них посыпь водой, обрызгай. Обрызгаешь водой, подготовь улей. В улей пригоршнями и поднимай, они тебя не тронут, руки не ужалят. Не ужалят, они уже знают, что хозяйка пошла брать их в свой дом.

Мед будешь снимать, принесешь медогонку, за две недели до Казанской. Снимаешь первый раз, медогонку крутишь, потом медогонку крутишь, нужно ее поставить обратно в сухое место. Высушишь медогонку, медогонку эту высушишь, недели две поддержишь, опять крутишь медогонку, медогонку еще крутишь, уже в Казанскую. Затем крутишь в третий раз, уже после Ильина дня. А после Ильина дня больше магазин не нужно ставить: рой вошину больше не тянет, он будет для себя заготавливать (мед). А так он в магазин не носит, уже не работает, пчелы уже начинают для себя на зиму заготавливать.

А мед, мед едим мы, приносим с чаем, он засахаривается, становится густым, с чаем едим. И с чаем очень полезно, только его нужно на ночь есть, а днем в горячий чай нельзя добавлять, только положишь в горячий чай, заболеешь, будешь больной, вообще очень (тяжело) заболеешь, нельзя. И людям даем, люди придут, так угощаем людей, кормим медом, кто придет, так кормим. А больше и меда приносят (пчелы). Людям дашь, так и у самого будет мед, а только не дашь, так и рой улетит.

Текст № 7

Информантка 1937 г. р. из д. Линдино Спировского р-на.
Запись И. П. Новак, М. Патракка, 2015 г.

– *Pid'ijägo Työ žiivattua?*

– Miwla ol'i kolme lašta, konešno, mie i žiivattua pijiin. Yks'inäl'l'in'e ol'iin, pienet lapšetten. Mužikka kuol'i. Vanhemmalla jäi... vo vtorom klas's'e brihan'e, keškimmän'e ol'i četir'e god'ika, a nuorembazella dva goda. I kaikki yks'i, kaikki... Mie el'iin Dol'inašša, muatkonken. Mužikka kuol'i. Jiäd'ih pienet lapšetten. Muatkonke el'iin vet četir'e goda. A miwla täššä kyläššä rodit'el'at el'et't'ih, mama. I ka nämä huonehet mie oššiin. Mie yks'inäh skopiin d'en'gazetten. Vot. Meilä oldih meččä varušsettu. Tahtoma šinne srojiče. Nu, konešno, mužikka kuol'i, meččäzen mie möin, i ka nämä huonehet mie oššiin. Täššä el'et't'ih pr'eds'edat'el' s'el'skovo soveta i vrača. Muissan miwla i šanotah: "Mis'tä šie d'en'gua otiit tämän veeran? Naverno zaimiit?" Šanon: "Oma gorba zaimi!" Kaikki mie iče. Omalla gorballa... Jygie ol'i, jygie, jygie... Konešno, mama täššä ol'i omašša kyläššä, n'iin mama miwla tul'i, miwh elämäh, vel'l'enke hiän el'i. Nu mamonke ol'i yl'en hyvä. Lapšet pienet, dvorašta tulen, mamalla... Jogo päiviä hiän emannoičči. Čistota, por'adok. Čuajus't'a juollan da vönyt't'ia, oddihala. Vielä boikoi miwla ol'i mama. Hiän kuol'i v vos'emdes'at četv'ortom godu. Konešno, toista l'ien'i elän'dä... No, konešno, kaiken aijan žiivattua mie pijiin. Kaiken aijan, l'ehmä, dev'at štuk lammašta, važa.

– *Midä luad'ija lambahan villašta?*

– Iče ruavoin, kez'räin, n'iegloin lapšiilla. Kaikki iče. Mie värt'inällä mahan kez'rätä, i miwla i pr'alka ol'i, i s'čas pr'alka on. Mahoin, mahoin. N'iegloin, i prošvua n'iegloin, i alas't'a, i noskua n'iegloin. Kaikki, vs'o sama.

– *Pelvašta kažvattija...*

– Pelvašta. Pelvašta myö, kävel'imä, i prišlos' ka, dojarkana ruadoma, i prišlos' männä pelvašta d'er'imäh. A šielä makšettih dvadcat' kopejek sotka. Káz'illä d'er'imä. Vot. A vot meilä l'ehmillä ka, iče n'it't'imä. Procentat pid'i rambar'ih panna. Ei annettu kod'ih hein'ia. Annetah, mitatah, a talvella jo vejämmä kod'ih, žiivatoilla varoin. Pid'i ka šiel'dä, kilometra za dva, takalla tuwva. Konža vähän'e lambahilla. Šidä annetah tädä, annettih procentatten. A kandoma, trestašta luajitten šijan, pelvahašta. I kannat ka. I nuorazet oldih pelvahašta...

– *Äijägo kerdua vuwvešša ker'itäh lambahie?*

– Myö ker'iččimä kakši kerdua. Ker'it't'ih i kolme kerdua, n'iin miwla ol'i vain hot' kakši kerdua ker'itä: šygyžyllä i keviällä. No keviällä ker'iččimä toko, ka, lambahat laššemma, hyö čistoit l'ietäh. Vet srazu redukkahat ollah.

Villat čistoit l'ietäh, mama-pokon'n'iekka pid'i, a mie ker'ičiin ker'iččemillä. A tädä, šidä peldoh šuatamma dai... I jo mamalla l'ien'i ei šuanun n'in lapšet ruvettih pidämäh. Oldih čistoit villat. Konža ka kez'rjän, šilloin jo miwla, tädä, štobi ei haizuis' villalla, štobi čistoi langa n'ieglotten. Šidä n'ieglot järeštäh noskazet da, nämä pežet dai...

– *Kruas'ijago langua?*

– Emmä kruas'in. En-en-en-en! Meilä ollah lambahatten, i harmuada, i valgieda ol'i, i muštua. Myttynän'e vär'i on, šidä i polostaz'iinke n'ieglain, i kuin viid'i.

– *Kuvottihgo kangašta?*

– Tädä en. Mama, mama, mama. Vuota, mie t'eilä ožutan. Ožuttua? Ka, mama, ka näin pos't'el'n'ikkua hiän luad'i, pos't'el'n'ikkua ka luad'i. I miwla on vie, pos't'el'n'ikkua on kakši. Vielä muamon podarok! Da, i polovikkua, i... Tämä on ka pelvahašta, pelvahašta. I t'ijät, myö nämä pos't'el'n'ikat nabeiččima ollella, ollella. Näidä vet ewllun t'uf'akkoida, meilä n'imidä ewllun. Meilä oldih ka, pos't'eil'n'ikat da. Toko pruazn'iekoikši po šes't', po s'em' pos't'el'n'ikkua panemma kaikella pert'illä, l'evitämmä, gos't'at t'ietäh muata spokoino. ... Mama miän i polovikkoida kudo. Nu mas't'er'ica ol'i hyvä! Da, ka on ruattu mamalla-pokon'n'iekkazella! Mie män'iin miehellä, n'iin mie i skuat'er'iloida n'ieglain, nu kaikki oma: pokrivualat n'ieglotut, skuat'er'it n'ieglotut, ikkunapaikat prošvaz'iinke. Kaikki omilla káz'illä. Vot... Káz'ipaikat oldih. Uzorat oldih ka näin ris'tyz'inke, ris'tyz'inke bol'eje luajittu. Ruškiet da i s'in'izet kaimazetten... A kuin káz'ipaikat oldih? N'e s'ravn'a! Oldih valgiezekši luajittu. I millä hiän valgai? Talvella hiän... Keviällä ka kuvottih, ka ynnäh vet keldazet ollah. Lumella pid'i hiän, lumella hiän pid'i, šidä hiän, t'ijätten, ennen poruo vet luajittih. Porošša piet't'ih, ennen vetten midä ol'i? Porošša piet't'ih, šidä tuaš lumella, valgai... Ol'i miwla i kuvottu sver'ez'in'e. Muamo, t'ijät, millä kruas'i? L'epänkorkalla, l'epänkorkalla kruas'i. Kellappan'e. I ka pos't'el'n'ikkoida, tämä on hyvällä kruaskala kruas'ittu. A polovikkoida kruas'i tällä ka, l'epänkorkalla. Ewllun muuda, muuda ewllun. No polovikat hyvät oldih... Milma mama nagol'e opašti: "Opaššu kez'r'iamäh! Opaššu kez'r'iamäh! Lapšet l'ietäh, štobi omat noskat, štobi lapšet ei port'ankoissa kävel'däis'en, oldais' noskaz'inke."... Miwla i sčas ka vielä noskua on n'ieglottu. I yhellä n'ieglalla, ka...

– *Kaikki keit'et't'ih kiwguášša.*

– A kiwguášša ves'ma hyvä ruadua on! Kiwguah panet spokoino, ei pie gazua, lämmität kiwguan, kiwgua lämbiew, pane hot' nuat't'irokka, hot' gribarokka ennen keit't'imä, i sv'oklarokka, i buklarokka, ennen vet meilä ewllun midä šyvvä.

– *Kuin lujittih nuat't'irokkua?*

– A nuat’t’irokkua? Tämä, kapussašta muššašta, hienozeh jär’itätten, puizeh panet i šinne pidäy morkus’t’a panna, šuolua pidäw panna. Ennen vielä pandih rugehis’t’a jauhuo, štobi hiän paremmiin muigois’en, vähäzel’d’i, stobi, tädä, pr’ijatnoimban’e l’ien’iis’. No hiän muiguow naverno kuul’l’izen ka, šygyžyllä jär’ität Pokrovoin aigah, nu kuul’l’izen...

– *A gribarokka?*

– Gribarokka? Gribarokka, mie jes’l’i keitän gribarokan kiwguašša, odd’el’no mie morkuzet žuar’in, luwkkazet, jäiččäzen keitän ob’azatel’no. I ka rokkah i panet, kuorehutta il’i mainessua. Ennen ewllun mainessua. No kuor’ienke otl’ičnoi rokka. Miwla lapšet tullah, n’iin ei pie n’imidä rokkua. Luajin oman nuat’t’iroke. A piiruat mie jogo pyhäpäiviä paissan. Paissan i hernehpiiruada. Hernehpiiruat otl’ičnoit... Vobsčeto, šiämi luad’ie kuin pidäw, ka kuin obarn’iekkah, obiknovennoi šiämi. Nu šinne panet maidoh i jawhon, i voida, pyhävoida vobsčeto mie panen. No mie jäiččöidä näidä en pane. Štob hyvä šeppä ois’, hiän nowžow. I luajin sul’činan, i ka tällä ka sul’činalla, otan ka tällä panen. I ka näin randazet luajin. Hyö l’ietäh pišnoit. A hernehet jawhottua pidäw... No ei voi tädä hernehjawhuo aivoin. Pidäw vain yks’i stokana panna, da ei pie i šidä panna. Vehnän’e jawho da puol’i stokanas’t’a hernehjawhuo taiginah, i ka šotet, šotet, šotetten, štob ei šagie tahaš, štob hiän l’ien’iis’ ka, kui običnoi obarn’iekkah. A jes’l’i muuda paissat, valgiešta jawhošta, n’iin panet i ka, šien’dä paissat, i juablokkua paissat, i šien’ikukkuo paissat, i gribakukkuo paissat. Nu kaikki vobsčeto. I vavarnoloida, i mus’s’ikkapiiroida, dai midä l’uwbo voit paistua. Vain hernehpiiruah special’no šiämi otdel’no pidäw luad’ie, štob vain puol’i stokanas’t’a, jes’l’i äijän panet, hiän l’iew kova piirua, a pidäw vähän’e panna, hiän turbie l’iew, turbie. Vot! ... Muissan ka, l’eibiä paissoin iče, a vet huomneksella, ruat dojarkana, lawkkoista vet ewllun vielä l’eibiä, otat, kolobazen luajitten, paissat, pyhävoilla voijat, ollow pyhävoida n’iin hyvä, ev n’iin šuolazella pirotallat dai. Ennen i täh rukah... A buolua, luajit korkatten, šiämeh panetten buolat, buolah panet i peskus’t’a, i mus’s’ikkazeh peskus’t’a, i vavarnozeh peskus’t’a. Vot, pišnoit l’ietäh, da.

– *Держали ли Вы скот?*

– У меня было три ребенка, конечно, я скот держала. Я одна была, маленькие дети. Муж умер. Старший остался... во втором классе мальчик, средней было четыре годика, а младшему два года. И все одна, все... Я жила в деревне Долино, со свекровью. Муж умер. Остались маленькие дети. Со свекровью жила ведь четыре года. А у меня в этой деревне родители жили, мама. И вот этот дом я купила. Я одна накопила деньги. Вот. У нас был лес заготовлен. Хотели там строиться. Ну, конечно, муж умер,

лес я продала, и вот этот дом купила. Здесь жили председатель сельского совета и врач. Помню, мне и говорят: "Откуда ты денег взяла столько? Наверное, заняла?" Я говорю: "Мой горб занял!" Все я сама. На своем горбу... Трудно было, трудно, трудно... Конечно, мама была в этой деревне, так мама ко мне пришла, ко мне жить, с братом она жила. Ну, с мамой было очень хорошо. Дети маленькие, со двора приду, а у мамы... Каждый день она готовила. Чистота, порядок. Чайку выпью и лежала, отдыхала. Еще бойкая у меня была мама. Она умерла в восемьдесят четвертом году. Конечно, другой стала жизнь... Но, конечно, все время скот я держала. Все время, корова, девять штук овец, теляток.

— *Что делали из овечьей шерсти?*

— Сама делала, пряла, вязала для детей. Все сама. Я на веретене умею прясть, и у меня прялка была, и сейчас прялка есть. Умела, умела. Вязала, и кружево вязала, и рукавицы, и носки вязала. Все, все сама.

— *Лен выращивали...*

— Лен. Лен мы, ходили, и приходилось вот, дояркой работала, и приходилось идти лен теребить. А там платили двадцать копеек за сотку. Руками теребили. Вот. А вот у нас для коров, сами косили. Проценты нужно было в амбар положить. Не давали домой сено. Дадут, измерят, а зимой уже приносим домой, для скота. Нужно было вот оттуда, километра за два, на себе тащить. Когда немного овцам. Потом дают это, давали проценты. А носили, из тресты сделаешь место, изо льна. И несешь вот. И веревочки были изо льна...

— *Сколько раз в году стригли овец?*

— Мы стригли два раза. Стригли и три раза, так мне было только хоть два раза постричь: осенью и весной. Но весной стригли обычно, вот, овец выпустим, они чистыми станут. Ведь сразу грязные. Шерсть чистая станет, мама-покойница держала, а я стригла ножницами для стрижки овец. А это, потом в поле отводим дай... И уже когда мама не могла, так дети стали держать. Была чистая шерсть. Когда вот прядешь, тогда уже у меня, это, чтобы не пахло шерстью, чтобы чистой ниткой вязать. Затем свяжешь носки да, их постираешь дай...

— *А нитки красили?*

— Мы не красили. Нет-нет-нет-нет! У нас овцы и серые, и белые были, и черные, какой цвет есть, потом в полоску и вязали, и как получалось.

— *Ткали ли?*

— Это я нет. Мама, мама, мама. Подожди, я вам покажу. Показать? Вот, мама, вот такие постельники она делала, постельники вот делала. И у меня и сейчас есть два постельника. Еще мамин подарок! Да, и половики, и... Этот вот льняной, льняной. И знаешь, мы эти постельники набивали соломой, соломой. Таких ведь не было тюфяков, у нас ничего не было.

У нас были вот, постельники, да. Обычно, к праздникам по шесть, по семь постельников разложим по всей избе, расстелем, гости, знай, спят спокойно. ... Мама моя и половики ткала. Ну, мастерица была хорошая! Да, вот сделано мамой-покойницей! Я вышла замуж, так я и скатерти вязала, ну все свое: покрывала вязанные, скатерти вязанные, оконные занавески с кружевом. Все своими руками. Вот... Полотенца были. Узоры были вот так с крестиками, с крестиками больше делали. Красные и синие каемки... А какие полотенца были? Не сравнить! Были отбелены. А как она отбеливала? Зимой она... Весной вот ткали, вот совсем ведь желтые. На снегу держала она, на снегу она держала, потом она, знаешь, раньше щелок ведь делали. В щелоке держали, раньше ведь что было? В щелоке держали, потом опять на снегу, отбеливала... Был у меня и домотканый ферязь. Мама, знаешь, чем красила? Корой ольхи, корой ольхи красила. Желтоватая. И вот постельники, этот хорошей краской покрашен. А половики красила этой вот, корой ольхи. Не было другого, другого не было. Но половики хорошие были... Меня мама всегда учила: "Учись прясть! Учись прясть! Дети пойдут, чтобы свои носки были, чтобы дети не в портянках ходили, с носками были бы."... У меня и сейчас вот еще носки навязаны. И одной иглой, вот...

— *Все в печи варили.*

— А в печке очень хорошо готовить! В печку поставишь спокойно, не нужен газ, затопишь печку, печка стопится, поставь хоть серые щи, хоть грибной суп раньше варили, и свекольный суп, и брюквенный суп, раньше ведь у нас нечего было есть.

— *Как делали серые щи?*

— А серые щи? Это, из капусты черной, мелко нарубишь, в бочку положишь и туда надо моркови положить, соли надо. Раньше еще добавляли ржаную муку, чтобы она лучше скисала, немножко, чтобы, это, приятнее была бы. Но она квасится, наверное, месяц вот, осенью порубишь в Покров, ну месяц...

— *А грибной суп?*

— Грибной суп? Грибной суп, я если варю грибной суп в печи, отдельно я морковку жарю, лук, яйцо варю обязательно. И вот в суп добавляю, со сметаной или майонезом. Раньше не было майонеза. Но со сметаной отличный суп. Ко мне дети приезжают, так не надо никакого супа. Делаю свои серые щи. А пироги я каждое воскресенье пеку. Пеку и гороховые пироги. Гороховые пироги отличные... Вообще-то, тесто делать как надо, вот как на обарники, обыкновенное тесто. Ну, туда положишь в молоко и муки, и масла, растительное масло вообще-то я наливаю. Но я яйца не добавляю. Чтобы хорошие дрожжи были, оно (тесто) поднимется. И делаю сканец, и вот на этот вот сканец, беру вот и на него кладу. И вот так края

делаю. Они будут пышные. А горох перемолоть надо... Но нельзя эту гороховую муку только. Нужно только один стакан положить, да не надо и того. Пшеничная мука да полстакана гороховой муки в тесто, и вот месишь, месишь, месишь, чтобы не густое тесто, чтобы оно было вот, как обычное, на обарники. А если другие (пироги) печешь, из белой муки, так положишь и вот, грибов нажаришь, и с картошкой, и закрытый пирог с грибами спечешь. Ну, все вообще-то. И с малиной, и пироги с черникой, да что угодно можно спечь. Только в гороховые пироги специально тесто отдельно нужно делать, чтобы только полстакана, если много положишь, пироги будут жесткие, а нужно немного добавлять, тесто крутое будет, крутое. Вот! ... Помню вот, хлеб пекла я, а ведь утром, работаешь дояркой, в магазинах ведь не было еще хлеба, возьмешь, колоб сделаешь, испечешь, растительным маслом помажешь, если есть масло так хорошо, нет так солью посыплешь дай. Раньше и так (делали)... А бруснику, сделаешь корки, внутрь бруснику положишь, в бруснику положишь и песочку, в черничку песочку, и в малинку песочку. Вот, пышные будут, да.

Текст № 8

Информантка 1908 г. р. из д. Курганы Лихославльского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1969 г.

ФА – 1236.

– Kun olet dorogašša da hyvä hebon’e, pane ohjakšet šebäzeh, kiär’ieče tuluppah i magua. Nu jogo hebozella oma taba, on sluhmannoida, on laiskua hevos’t’a. Tätä šanel’i: “Ka meilä ol’i gn’iedan’e boikoï kun piil’i, val’l’aššat, a hiän koččiw kahella jalgua. Ohjakšie et kergie panna, ohjakšitta i lähtöw hyppiämäh”.

On i potiččua hevos’t’a. Ol’i ka kyläššä yhellä izännällä žemmuon’e hebon’e. Hiän tahto vain kohennaldua šl’ejua, a hebon’e potkai l’ewgah i tappo. A kun vielä ol’i meilä hebon’e čiganoilda oššettu, n’in ka Muasl’enčana čuravolla istuočemma myö lapšet regeh, n’in ei kehtua hypätä, ruošalla pidäw höšt’iä. Omah pihah doijimma, omah zavulkah i vedäw.

Gos’t’ih nagol’e heboz’ella ajeldih, hot’ kymmen’ellä virššalla, hot’ kuwvella. Ka mamman čikko miehellä ol’i Nazarovašša, nu ka svajakakši mužikat oldih. Miän läht’iet’t’ih gos’t’ih šin’n’e Talvimiikkulalla, tuldih voskalla, a sidä vihma l’ien’i, kaikki šubi i šulai. Kaikki lumet šulai. Midä täššä talvie vuottua? Äijägo aigua pidäw viet’t’iä. Šiel’dä Kurginalla t’el’egällä läht’iet’t’ih.

Vier’issällä n’in Tolmaččuh ajeld’ih. Tätä šanow: “Pidäw ajua Vier’issällä, oštua sn’iit’t’ie, hyviä kalua”.

A kun Muasl’enčakši, n’in heboz’ie šyöt’el’l’etäh kagralla, varuššetah hyvät val’l’ahukšet, vaškizet, töppähät näissä. Töböl’it vielä ripahutetah voskalla tagah päit’, našein’ikat vain čilahellah.

– Когда ты в пути и хорошая лошадь, положи вожжи на передок сaney, закутайся в тулуп и спи. Но у каждой лошади свой характер, есть послушные, есть ленивые лошади. Отец говорил: «У нас была гнедая бойкая как стрела, запрягаешь, а она прыгает на двух ногах. Вожжи не успеешь привязать, без вожжей и побежит».

Есть и лягающиеся лошади. Была вот в деревне у одного хозяина такая лошадь. Он хотел только поправить шлею, а лошадь лягнула в подбородок и убила. А как еще была у нас лошадь, у цыган купленная, так вот в Масленицу кататься садимся мы дети в сани, так не хочет бежать, кнутom нужно хлестать. До своего двора доберемся, в свой заулук и везет.

В гости всегда на лошади ездили, хоть за десять верст, хоть шесть. Вот мамина сестра замужем была в Назарове, ну вот свояками мужья

были. Наши поехали в гости туда на зимнего Николу, приехали на возке, а затем дождь начался, все буквально и растаяло. Весь снег растаял. Что тут зимы ждать? Сколько времени нужно тянуть. Оттуда в Курганы на телеге поехали.

На Крещение так в Толмачи ездили. Отец говорит: «Надо ехать на Крещение, купить снеток, хорошей рыбы».

А как к Масленице, так лошадей подкармливают овсом, запрягают в хорошие упряжи, медные, кисточки на них. Что-нибудь лохматое еще вешают на возок сзади, ошейники только позванивают.

Текст № 9

Информантка 1908 г. р. из д. Спорное Лихославльского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1970 г.

ФА – 1592.

– Vejenizän'däh tože pidāw t'ied'ia, mahtua kuin podoid'ie, osobenno... S'orovno hot'i virdavez'i, hot'i šeizoja vez'i, s'orovno, i šeizoja vez'i tož on pattie, vähägo on vigahis't'a šeizojista vez'ilöis'tä. Toko šanotah, miwla ol'i že d'ielo, što miwla nagole šanottih, što ka mie kuin lāz'ewvvin, što bruwduw šeizoja vez'i šiwlā on, šanow, izän'dā gor'ewtettu... Mie toko i duwmaičiin, štobi hot' ollow i tože... A šidā ol'iin vielā toizen t'iedājān luo, tuaš hiān šeže šidāže i šanow, što, šanow, on šiwlā šeizojašta veještā vijalla, što on ves'ma, šanow, miān bruwduwla pattie vejenizän'dā, pidāw t'ied'ia, mahtua kuin podoid'ie bruwduw luo, da pidāw läht'iessā prosken'ie nogole pakota, a to i yl'en rahvaš lāz'ewvytāh toko, ken milläigi.

N'iinže i virdavejet ollah, tože ves'ma ollah hyö kallehet i pidāw mahtua hiān luo tože i podoid'ie. Hyö ollah ves'ma jo pattiet. Vain kun et ugod'i, n'ii i hiān šilma makšuačow šiwnkena, i šen jāl'geh kodvah rubiet muistamah i stradaimah. A pidāw tože t'ietā, mahtua jogohizen luo, vejen luo i mečän-izännān luo tože pidāw t'ietā kuin. Meččāh mānet, n'iin štobi ei gor'ewttua tože, kävel'et pidāw kaikki t'ietā, štobi ei vain missā koh hairahtua kuin n'ibud' pahoin šanoin. A šidā i läht'iessā pidāw, lähet n'iin pidāw kumarduačie da i šanuo: "Pros't'i milma meččān'e, možot millä i gor'ewtiin." N'iin že i vez'ilöl'dā. Hot' pežemāh mānet, al'i vettä ottamah juodavakši, al'i midā. Nagole blahosloven'n'anke pidāw männā, podoid'ie. I pidāw i läht'iessā kumarduačeldua: "Passibo šiwlā, vejenizän'dā, elā gor'ewvu. Engo millä mie obied'iin?" I kaikki. Nagole pidāw yl'en t'ietā i mahtua.

– *A kun midā n'ibud' l'iew, kuin piäššä voit?*

– On äijäšt'i lāz'itāh vejen täštā vigahizešta, i pidāw lahjua šin'n'e tože laškīe. T'iedājāt kuin t'ietāh toko. Ol'i miwla tože vetten, n'iin miwla ka ando l'entua. L'entua ando miwla, valgiēda l'entua ka mittai ka nāin šyl'ellā, kolme šyl'dā ando. "I ka tämä, šanow, šie l'enta, šanow, ka šez'ih i kaivozeh, šanow, i lašše. I pidāw, laššet dai... Mānet, šanow, kun kaivozen luo, n'iin šie, šanow, šano vain ka nāin: Vo imja otca i sina i svjatago duha. A "amin" elā šano, ei voi "amin" šanuo. N'iin že i, šanow, laššet dai n'iin že i läht'iessā, šanow, elā hairaha, konža, šanow, kun mānet, podoid'i kaivozen luo, tämä šano... Šidā, šanow, kun laššet lahjan hān'ellā vejenizännällä, šidā tuašen, šilloin vain, šanow, "amin" šano, žen jāl'geh, läht'iessā jāl'l'ičekši. Da i pakkuot pros'ken'ieda: Pros't'i, mie šiwn gor'ewtiin. Ota šie omaš hyvyöt, anna miwla oma t'erveyhyš. Da kumarduačet dai lähet." ...

Mečänizän'd'ia miän tätä el'ias's'eh näg'i. Ajo hiän Tver'is'tä hebozella, yöllä, jo ennen omua kyl'ia šuwr'i meččä ol'i. I ka mečan proid'i, mečällä ei nähny, mečan proid'i. Jäl'l'es't'i kačahti, n'in kuin mužikka, n'in pit'embi puwloida žemmuon'e kopittaw hän'ellä jäl'l'es't'i. No. Tätä pölläšty: "Mi on tämä, tämämmuon'e, el'ias's'eh tämämmuos't'a mie en nähny. Otiin da, šanow, kiännyin hän'en päit' da ka ruošalla i ris's'iin kolme kerdua i, šanow, ka ših i kado. Tul'iin kod'ih da i šanelen midä, kuin miwla ožuttuači še n'in." A d'edo i šanow: "Tämä, šanow, ol'i mečänizän'dä, šanow. Hyvä, šanow, kekšiit, ka vielä šie, ris's'iit šen'iin. Ei n'iin, šanow, možet midä šie gor'ewtiit, šanow, hän'en. Etgo ollun šolahtan mečällä midä, hot' kužella, al'i midä šielä?" Ka hiän šanow: "Gor'ewtiit, naverno, šiwn jäl'l'es't'i, šanow, i läks'i. Da ka hyvä vielä, kun kekšiit ris't'ie, ei n'iin šiwla oldais' pahat d'ielat. Šie, šanow, piäz'iit hän'eštäh, ka kuin on d'ielat." N'iin ka miän d'iedo i šanow: "Hyvä što ka vielä ris's'iit, ei n'in šiwla, šanow, ois'en vembel'en katannun da i šie, šanow, oiz'iit ka šihi i jiänyn, da kod'ih et doid'innun. N'iin ka šin'n'e i tänne, i šeizo ka täššä i kačo hän'eh. Ei n'in, možot, šanow, vielä i šiwn ois'en kuakistannun." Ka on kuin mečänizännöinken. Pidäw tože mahtua heinken. A kun olet vielä nuor'i da kaikki et t'ijä, n'in et i duwmaiče ka tädä vardeil'iečie. Ka on!

– *A vommel' tämä katkiew, n'iin ei jo n'imidä hän'enke...*

– Vommel' katkiew, n'in jo dal'se n'e pojedeš. Jo i kaikki, jo i šeizo ka šez'iin'e, ei šua hebozella ved'ia jo, vommel' vet vain i vedäw, hiän pidäw, da. ...

Meččiä toko varatah kaikilla aigua, talvella dai kežällä, osobenno šygyžyllä da keviällä, konža vielä evle l'eht'ie puwloissa, žiivattoida ves'ma hiän pidäw. Vain lašše blahosloven'n'atta žiivatta jo elä i vuota hyviä. Ruaga meččä vain on, vielä evle hän'eššä l'eht'ie n'imidä. I ka šillä aigua mečänizän'dä ves'ma žiivattoida hiän jättäw meččäh... Jo i ečit mon'iin n'ed'el'ilöin. Meil'dä kun l'ehmä ol'i, tämä ol'i suššoi toži, ka sus'iedan l'ehmänkena, n'in kolme n'ed'el'ie eččimä. I jäl'l'et ollah, kävel'emmä dorogaz'ie myöt'en, troppaz'ie myöt'en. I duwmait, ka, možot, täššä läššä i on, jo i löwvämmä. Myö nagole i kävel'immä N'inanke eččimäh. Viikon myö eččimä, viikon yl'en. ...

Kado važa, kado važa, ei tule važa. Kävellä mečäššä, nähäh važua. Kekši w rist'ikanžan, n'in lähtöw n'in kuin d'iikoi zvier'i hyppiäw, i hän'däh i el'ias's'eh i pywd'ia ei šua. I ka šen'iin hän'dä jäl'l'iečkši, no yhellä kohalla hiän bol'se elät't'el'ieči. Jäl'l'iečkši jo ruvettih kaikin miän kylän'e käwmäh ka šes'tä važua pywdämäh. Jo oldih i nuorat otettu keralla, štobi kui n'ibud' hän'däh pywd'ia. Männäh, vain kekši w rist'ikanžan i kuin uid'iw, missä vain tuagiembi meččä, šin'n'e nagole i tungiečow, šin'n'e nagole i uid'iw. I ših rukah rahvaš kaikki muokkuačettih šes'tä važua löwd'iäššä. A šidä jäl'l'iečkši šai pywd'ia, šai. Ših rukah kolmen mužikat pywvet't'ih nuoralla. Tuhjoh tungieči, n'in ka mon'i kerdua, pit'kä nuora ol'i, ka tuhjošša ymbär'i hän'en ka kiär'it't'ih, kiär'it't'ih, da hän'en šielä šorkašta hvat'ittih dai vejet't'ih tuhjošta.

N'iin kun oldih nällä d'iikozella, kumban'e otti važan, tämä, mečänizän'dä, n'in kuin oldih ripčit ka nämä kulmih kažvannut villat pität, n'in mänt'iijämin pidahuot oldih, hiän duwmait ewlun i važoin nägön'e, ol'i mänt'iijämin nägön'e i važa. Kaikilla ol'i d'iiva ka šes'tä važua kaččuos's'a. N'in i važan is'kei. Hiän rahvašta varai, i žiivattoida rubei varajamah, ei vain. Ei ruvennun i štuadašša pizymäh. Jo i n'iin varattih, tuaš uid'iw, n'in ei šua i piäšt'ia. I ka ših rukah hiän kun ottaw kätz'illä n'in on ruaduo hän'däh järelläh tuwva.

– *A eigo ka mečänizän'dä ka i rist'ikanžua ved'i?*

– On. Oi, ol'i meilä iččieellä kätz'issä tämä, kun myö läks'imä vavarnoh. Oi! Vavarnoh läks'imä, keräimä, keräimä, a on nagole mečikkölöidä myöt'en aššunda. Toppazet jo i tuttavat oldih... No vs'o ravno tullesša kuin myö yökšymä. Vedäw, vedäw mänt'iijä kuin toizeh i ilmah vedäw. Menemmä, midä? Nagole on n'eznakomoi mesta. Nu kunne tämä? Kiännymmä, järelläh toizeh randah lähemmä, kävel'emmä, kävel'emmä, pyör'immä, pyör'immä, tuaš järelläh šillä že mestalla popad'imma. I ših rukah kuin muokkuačima myö, vaibuma, jo i päivän'e on laškiečemiz'iin, a vain päiväzen laššetešša pušša vielä hiän ved'elöw mečänizän'dä, vielä pušša ševottaw. Hiän omah käd'eh kun ottaw, konža päivän'e laškiečow, jo i šuwri gor'a i l'iew. Äijä mečäšša i muatah, yöllä vaštah vain jiahäh. N'iin ka tože pidäw ka t'ietä, pidäw ka mol'itvoida, šil'mie ris't'ie da mol'itvoida lugie, štobi hän'el'dä kätz'is'tä piäššä äššen...

– К хозяину воды тоже нужно знать, уметь, как подойти, особенно... Все равно, хоть текущая вода, хоть стоячая вода, все равно, и стоячая вода тоже опасная, мало ли есть хвори от стоячих вод. Обычно говорят, у меня было это дело, что мне постоянно говорили, что вот я когда заболела, что от стоячей воды пруда у тебя, говорит, хозяин (воды) огорчился... Я обычно и думала, чтобы хоть если бы было и тоже... А потом была я еще у другой знахарки, опять она тоже и сказала, что, говорит, у тебя все от стоячей воды, что очень, говорит, на нашем пруду злой хозяин воды, надо знать, уметь как подходить к пруду, и нужно уходя прощения постоянно просить, а то очень (часто) люди болеют обычно, кто чем.

Также и текущая вода, тоже очень она почитаемая и нужно уметь к ней тоже подходить. Она очень уж опасная. Как только не угодил, так она с тобой расплатится, и после этого долго будешь помнить и страдать. А нужно тоже знать, уметь к каждому, к воде и к хозяину леса, тоже надо знать как. В лес идешь, так чтобы не обидеть тоже, ходишь, так нужно все знать, чтобы только где-нибудь не ошибиться, как-нибудь плохими словами. А потом и уходя нужно, уходишь, так нужно поклониться и сказать: "Прости меня лес, может чем и обидела." Также и у воды. Хоть

стирать идешь, или воды берешь для питья, или что. Постоянно с благословением нужно идти, подходить. И нужно и уходя поклониться: "Спасибо тебе, хозяин воды, не горюй. Не обидела ли я чем." И все. Постоянно нужно все очень (хорошо) знать и уметь.

— *А если что-нибудь случится, как избавиться можно?*

— Много болеют хворьями от этой воды, и нужно дары туда тоже опускать. Знахари знают только. Было у меня тоже ведь, так мне вот дала (знахарка) ленту. Ленту дала мне, белую ленту вот отмерила вот так саженью, три сажени дала. "И вот это, говорит, ты ленту, говорит, в тот колодец, говорит, и опусти. И нужно, опустишь и... Пойдешь, говорит, когда к колодцу, так ты, говорит, скажи только вот так: "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". А "аминь" не говори, нельзя "аминь" говорить. Также и, говорит, опустишь и также и, уходя, говорит, не ошибись, когда, говорит, когда пойдешь, подойди к колодцу, это скажи... Потом, говорит, когда опустишь подарок ему, хозяину воды, потом опять, тогда только, говорит, "аминь" скажи, после этого, уходя, напоследок. Да и просишь прощения: Прости, я тебя огорчила. Возьми ты свое добро, отдай мне мое здоровье". Поклонишься и пойдешь." ...

Хозяина леса мой папа когда-то видел. Ехал он из Твери на лошади, ночью, уже перед своей деревней, большой лес был. И вот лес проехал, в лесу не видел, лес проехал. Назад посмотрел, так как мужчина, так выше деревьев такой шагает за ним вслед. Ну. Папа испугался: "Что это такое, в жизни такого не видел. Взял да, говорит, повернулся к нему и вот кнутом и перекрестил трижды, говорит, вот там и пропал. Пришел я домой да и рассказываю, как мне показался тот. А дед и говорит: "Это, говорит, был хозяин леса, говорит. Хорошо, говорит, сообразил, вот еще ты перекрестил так. Нет так, говорит, может как ты обидел, говорит, его. Не слезал ли где в лесу, хоть по нужде, или что там?" Вот он говорит: "Обидел, неверно, за тобой следом, говорит, и пошел. Да вот хорошо еще, что сообразил перекрестить, если бы нет, так плохи были бы твои дела. Ты, говорит, избавился от него, вот какие дела." Так вот наш дед и говорит: "Хорошо, что вот еще перекрестился, если бы нет, так у тебя, говорит, он дугу сломал бы и ты, говорит, там бы и остался, и домой не доехал бы. Так вот туда и сюда, и стой тут и смотри на него. Нет бы, может, говорит, еще и тебя задушил бы." Вот как с хозяевами леса. Нужно тоже уметь с ними. А когда молодой еще и всего не знаешь, так и не думай вот его остерегаться. Вот как!

— *А дуга эта ломается, так уже ничего нельзя с ней...*

— Дуга ломается, так уже дальше не поедешь. Уже и все, уже и стой там, нельзя уже на лошади везти, дуга ведь только и тянет, она держит, да. ...

Леса обычно боялись во все времена года, зимой да и летом, особенно осенью и весной, когда еще нет листьев на деревьях, скот очень он держит. Только пусти без благословения скот, уже и не жди хорошего. Голый лес только будет, еще нет в нем листьев нисколько. И вот в этот период хозяин леса очень (часто) скот оставляет он в лесу... Уже и ищешь несколько недель. У нас когда корова была, это была сущая правда, вот с соседской коровой, так три недели искали. И следы есть, ходим по дорогам, по тропинкам. И думаешь, вот, может, здесь рядом и есть, уже и найдем. Мы постоянно и ходили с Ниной искать. Долго мы искали, долго очень. ...

Пропал теленок, пропал теленок, не приходит теленок. Ходят в лесу, видят теленка. Заметит человека, так уходит, как дикий зверь бежит, и его и в жизни не поймать. И вот так его напоследок, но в одном месте он больше обитал. В конце уже стали всей нашей деревней ходить вот этого теленка ловить. Уже и веревки взяли с собой, чтобы как-нибудь его поймать. Пойдут, только заметит человека и как уйдет, где только погуще лес, туда постоянно и пробирается, туда постоянно и уходит. И так вот народ весь мучался, когда этого теленка искали. А потом в конце удалось поймать, удалось. Так втроем мужчины поймали веревкой. В кусты забился, так вот несколько раз, длинная веревка была, вот в кустах вокруг него вот обматывали, обматывали, да его там за ногу схватили да и вытащили из кустов. Так когда были у этого дикого, который забрал теленка, этот, хозяин леса, так как ресницы вот на бровях выросли, шерсть длинная, так поди знай какой длины, он, думаешь, и на теленка не похож, был поди знай какой и теленок. Для всех было диво на такого теленка смотреть. Так и теленка зарезали. Он людей боялся, и скотину стал бояться, не только. Не стал и в стаде держаться. Уже и так боялись, опять уйдет, так и не вызволить будет. И вот так он (хозяин леса) как возьмет в руки, так будет работы, чтобы его обратно привести.

— *А было такое, что людей хозяин леса водил?*

— Есть. Ой, было с нами такое, когда мы в лес пошли за малиной. Ой! В лес пошли, собирали, собирали, а идти надо постоянно по перелеску. Тропинки уж и знакомые были... Но все равно, возвращаясь, как мы заблудились. Водит, водит, поди знай как, в другую и сторону ведет. Идем, что? Постоянно незнакомые места. Ну, куда это? Разворачиваемся, обратно в ту сторону идем, ходим, ходим, кружим, кружим, опять обратно на то же место и попадаем. И таким образом как намучались мы, устали, уже и солнце садится, и только солнце садится, еще пуще он водит, хозяин леса, еще пуще сбивает. Он в свои руки как возьмет, когда солнце садится, уже и большое горе будет. Многие в лесу и спят, к ночи остаются. Так вот тоже нужно знать, нужно вот молитвы, перекреститься и молитвы читать, чтобы из его рук вырваться...

Текст № 10

Информантка 1893 г. р. из д. Устюги Рамешковского р-на.

Запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1960 г.

ФА – 124.

En'n'ein el'iäs's'eh el'et't'ih ukko da akka. Ol'i heilä kolme vel'l'eštä. Kakši oldih hajukašta, a kolmaš ol'i, vrod'e kuin gluuppazella hän'dä kučuttih. Ka, nu hyvä. Nyt't'en vain veikot läht'ietäh ohottuolla, a Van'ua tädä houkkua, hän'dä kučuttih Van'akši. A Van'ua šes'tä ei oteta, kun on gluuppan'e.

– Šie, – šanow, – miät tapat.

– Että ota, n'iin el'giä ottakkua. Mie lähen yks'iin.

Ottaw ružjan i läks'i. Män'i, a täššä ev edähänä ol'i kir'ikkö, a kir'iköššä papit oldih. A šillä papilla ol'i stuada. Pappi paimendi žiivattua. Papilla ol'i äijä žiivattua. A hiän kuin män'i šin'n'e tuhjoh, enžis'täh lambahan tappo. Toi kod'ih i šanow:

– Veikot, veikot, toittago työ midä?

– Emmä n'imidä, Van'a, tuonun.

– A mie toin.

– Min?

– Ka min! Kogonazen jän'issän.

– Mittyön jän'issän?

Kačo, män'i, toi šieldä čerdakalda hän'ellä papin lammaš. Veikko i šanow:

– Midä šie ruat? Vet papilda lambahan tapoit.

– El'giä šanokkua, ev papin, mie mečäštä tapoin.

No hyvä. Toispiänä läks'i, važan tappo. Tuaš veikot hän'dä ei otettu. Tuaš veikot tuldih:

– Mi šie ruat? Vet papilda tapoit.

– Ei papin tapoin, mečäštä.

Pappi kaččow, što vähä l'iew žiivattua, ubavl'ajeca. Läks'i ogordah, šiezuači saduh, da i kaččow, konža tulow vora voruimah žiivattua. A Van'a män'i da kuin papin i tappo. Tappo papin, toi da čerdakalla pan'i da i šanow:

– Veikot, veikot, toittago midä?

– Emmä tuonun n'imidä.

– A mie čortan toin.

– Mittyön šie čortan toit? Ka missä on?

– Ka čerdakalla.

Toi šiel'dä.

– Pappi! Midä šie ruavoit? Vet papin šie tapoit! Midä nyt meilä l'iew?

– Kuin on pappi? On čorta!

No hyvä, veikot šen'e uspokojil'is'. Ilda l'ien'i, šežen papin otettih da šillan alla i šuatettih. Šuatettih šillan alla.

– A nyt midä ruadua meilä?

Hiän tul'i sus'iedah. Hiän šanow:

– Mie tämpiän ol'iin ohottuolla da čortan šain.

Veikko i šanow:

– El'giä kuunnelgua. Hiän valehtelow. Ei pravil'no šano, ei.

Pölläššyt't'ih veikot, oldih hajukkahat. No hyvä, hiän šilloin otti. Midä ruadua?

Papad'i kaččow yöllä jo. On pappi, šillan alla löyvet't'ih, kuol'i. Nyt't'en ker'jāw pominkat. Kaikkie kučču, kaikkie prihodua. Pidāw kaikkie kučču. A hān'ellä i šanotah:

– Van'a, šie elä lähe pappie kāt'kimāh. Jes'l'i šie lähet, meidä oven sn'imitāh. Ovenšuu otetah kuin, a šidä midä myö rubiemma ruadamah? Vet kyl'mämmä el'ias's'eh.

No hyvä, Van'a jai kod'ih. Nyt't'en ei otettu hān'en. Läht'iet't'ih vel'l'et, kaikiin läht'iet't'ih, štobi ei t'iettäis', što papin tappo, na pohoroni. Mänd'ih šin'n'e. A hiän otti, oven šogoroilda šai, da olgupiällä da i läks'i šin'n'e že, tože pominaimah pappie. Tul'i šin'n'e, a šielä i šanotah:

– Van'a, a midä šie tul'iit ovenkena?

A hiän i šanow:

– Papie tappuamah n'iin mie, a pominaimah n'iin työ tul'ija? Da?

Nu midä luad'ie papad'illa? Ev midä ruadua, mi šie gluupašta otat? Istuoči Van'a stolah, šöi, joi. I kaikki läht'iet't'ih dovol'noit da nagretah:

– Ka, – šanow, – papin Van'a tappo, a myö pominaiččima kaikiin.

Жили-были старик и старуха. Было у них три брата (сына). Двое были умными, а третий был, вроде как глупым его называли. Вот, ну хорошо. Только братья отправляются на охоту. А Ваню этого глупого, его звали Ваня, а Ваню этого не берут, потому что глупый.

– Ты, – говорит, – нас убьешь.

– Не берете, так не берите. Я пойду один.

Берет ружье и идет. Пошел, а здесь недалеко была церковь, а в церкви попы были. А у попа стадо было. Поп пас скот. У попа было много скота. А он как пошел туда в кусты, сначала овцу убил. Принес домой и говорит:

– Братья, братья, принесли ли что?

– Ничего, Ваня, не принесли.

– А я принес.

– Что?

– Вот что! Целого зайца.

– Какого зайца?

Смотри, пошел, принес оттуда с чердака ему овцу попа. Брат и говорит:

– Что ты наделал? Ведь овцу попа убил.

– Не говорите, не попа, я в лесу убил.

Ну, хорошо. На следующий день пошел, теленка убил. Опять братья его не взяли (с собой). Опять братья вернулись:

– Что ты наделал? Ведь теленка попа убил.

– Не попа, а в лесу.

Поп смотрит, что мало становится скота, убавляется. Пошел в огород, встал в саду, да и смотрит, когда придет вор скот воровать. А Ваня пошел, да попа и убил. Убил попа, принес да на чердак положил, да и говорит:

– Братья, братья, принесли ли что?

– Не принесли ничего.

– А я черта принес.

– Какого ты черта принес? Где он?

– Так на чердаке.

Принес оттуда.

– Поп! Что ты наделал? Ведь попа ты убил! Что теперь с нами будет?

– Как попа? Черт это!

Ну, хорошо, братья те успокоились. Настал вечер, того попа взяли, да и под мост отнесли. Отнесли под мост.

– А теперь что делать нам?

Он (Ваня) пошел к соседу и говорит:

– Я сегодня был на охоте и черта убил.

Брат и говорит:

– Не слушайте. Он врет. Неправильно говорит, нет.

Испугались братья, умные были. Ну, хорошо, он взял. Что поделать?

Попадья смотрит ночью уже. Вот поп, под мостом нашли, умер. Собирает поминки. Всех зовет, весь приход. Нужно всех позвать. А ему (Ване) и говорят:

– Ваня, ты не ходи попа хоронить. Если пойдешь, так у нас дверь снимут. А если дверь заберут, так что мы будем делать? Ведь замерзнем совсем.

Ну, хорошо, Ваня остался дома. И теперь не взяли его. Пошли братья, вместе пошли, чтобы не узнали, что попа убил (Ваня), на похороны. Пошли туда. А он взял, дверь с петель снял, на плечи (поднял) и пошел туда же, тоже попа поминать. Пришел туда, а там и говорит:

– Ваня, а что ты с дверью пришел?

А он и говорит:

– Попа убивать так я, а поминать так вы пришли? Да?

Ну что делать попадье? Нечего делать, что с глупого возьмешь? Сел Ваня за стол, поел, выпил. И все пошли довольные и смеются:

– Вот, – говорят, – попа Ваня убил, а мы поминали все.

Текст № 11

Информант 1908 г. р. из д. Пальцево Рамешковского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1967 г.

ФА – 856.

– Šanon tuul'imel'l'iččä iellä kuin srojittih t'ialä mužikat i kuin hyö ruattih: tuul'imel'l'ičän mužikka srojju, staraičči srojje goralla, missä bol'se ollah tuulet. Mel'l'ičät srojječettih hyö kuužišiibihizet, što tuulella heidä pyör'ittäis'. Ustroistvo heiläh ol'i luajittu: šiibilöi... šiivet vualušša, ložiešta hirreštä luajituot, dolbittu i ažetettu hyö, i zakr'epittu. Kuin tuul'i l'ieu, ruvetah pyör'imäh. Toizešša n'okašša on šuur'i kol'essu peigaloloinke, pyör'ittäy vualuo, že vualu pyörittäy toista vualuo, kumban'e šeizualleh on vualu. A alahana vualušša vielä on kolessu, ženže muon'e, vain šuurembi razmerua. Pyör'ittäy uže kivivualuo, kumbazeh vualuh on kivi, tämä, žornovat, kumbazet ruvetah jauhomah, luad'imah jauhuo. I vot rubieu konža pyör'imäh i jo kaikki vualu i kivi, šielä on luajittu ylähänä late keššellä mel'l'iččä, mis's'a on rugehet mužikoin tuodu jauhokši. Kuatah šin'n'e luar'ih, nazivaiččiečow luar'i. Luar'ista rubieu läht'emäh ruis' il'i kagra alah kivilöih, missä kivet pyör'itäh.

Mel'l'ikkä že, izän'dä, mužikka kaččou kuin ruadau, hyviingo, tagou hän'en, podgotovit, i jauho rubieu rugehešta luad'iečemah, i ves'ma hyvä. Kun tuulou hyviin konža, i jauhou boikko, värčie kolmekymmendä, n'elläkymmendä yön aloh talvella i jauhou. I ka n'iin hiän i ruado, tuul'imel'l'iččä mužikalla luad'i jauhuo.

Vez'imel'l'iččä kuin luajittih. Tože mužikat luajittih, vet iellä gosudarstva ei luad'innun t'ialä hot' miän mestalla kaikki. Vot. Luajittih ših rukah. Mužikka podber'ot mestan, kunne luad'ie hän'ellä mel'l'iččä. Luad'iu ših kohtah, missä jogi bol'se on so skatom, šuuremmanken virranken, i vrod'e vez'i hyppiäy. Hiän ottau, ajottau joven, štob jogi ših ei virdais', a läks'iis' randah. A kuin ajottau, a ajotti iellä vet, ka nyt luajitah cementašta, a iellä vet cementua evllun, kaikki. N'in hiän luad'i puuhizen, vedäy šin'n'e kive. Vedäy koista kaikki l'ehmän da hebozen tuahet, štobi jogi zagrod'ie, vez'i štobi laškie šin'n'e mel'l'iččäh, missä hän'ellä rubieu pyör'imäh. Nu kun luad'iu zaplotan i luad'iu mel'l'ičän, puuhizen ambar'in, joven rannan piällä, kunne vez'i randua myöt'en dolžen läht'ie. A mel'l'ičän alla jiäy väl'i, hiän paččahilla šeizottau, štob vez'i hyppäis' mel'l'ičän alla, čuas't'i. Šin'n'e laud'iu kol'essun, puuhizen kol'essun. Puuhine kol'essu rubieu, kuin šanuo, pyör'ittämäh, vejellä hän'dä pyör'ittämäh. A kuin pyör'ittämäh, luad'iu tak nazivajemoit l'iipačinat, kuin šiivet, lauvoista, tože puuhizet. I vot rubieu vez'i lotokkua myöt'en hyppiämäh mel'l'ičän alla, puuhin'e lotokka on luajittu, štob

boikko, so skatom. Hyppiäy, jo rubieu pergamah ka n'iih l'iipačinoih, jo, vez'i. Il'i pr'i pomošči l'iipačinoida kol'essu že rubieu pyör'imäh, vejellä. A kol'essu, šiih on luajittu tože samoi toin'e vualu, kumban'e hān'en sojed'in'ičou kivenvualunken. Jo šeizualleh šeizou kol'essušša. I vot hiān rubieu pyör'ittämäh šidā kol'essuo. A yl'izeh n'okkah, ka luajittu raudan'e n'okka, n'okkah on issutettu kiivi tože samoi, ei yl'en šuur'i. I rubieu pyör'imäh kivi, žornovat hyö šanottih, ka miān kar'ielat šanottih kivet, jauhonda. I vot ših že ruhak. Ylähänä on lagi, kuin per't'issä. Luan piällä ollah šielä jyvät. I jogohin'e mužikka jauhoja šielä. Čer'oda tulou, po očer'ed'i, šiun jauhuo. Kuat i rubieu jauho tāt'n'e tulemah. A mužikka tāmā iče special'ista, kaikki ruadau, izān'dā. A jauhomua hiān otti iellä bol'se ei d'en'gana, a jauhona. Jes'l'i on šiula, šanomma, viiz'i vār'čie. Viijel'dā vār'čil'dā hiān ottau, puudat iellä oldih, puudalda funtan. On, šanomma, dvadcat' pudov, dvadcat' funtov ottau jauhuo.

A kivilöidä tože hyö iellä luajittih jauhuo varoin, što evldu zal'ivnoin iellä kivet, kuin ka nyt't'en. A d'iikoista kiveštā. Ka podber'iu d'iikoin harmuan kiven, ei ois' ruškīe, kumban'e yl'en murenou il'i ves'ma kova, ei šua i taguo hān'dāh. Podber'iu kiven, harmuan, bol'ee pehmiemmān, tuou kod'ih. Štobi hān'dā luad'ie kruugloiks'i, n'in molotkoilla hiān kl'eučalla pergau, pergau, možet bit' mon'i kuuda, i luad'iu kruugloi, keššellä luad'iu loukkozen, i alah i yläh luad'iu ženže muozet kivet, podgon'iu plotno, kuin i pidäy. I šidā ruadau mel'l'iččā jo n'iih šielä kymmen'en päiviä, hiān noštāu hān'en i tuašen tagou, pergau molotkoilla, kuin zubila. Tagou, tuaš panou, tuašen rubieu hān'ellä jauhomah, luad'imah jauhuo. I luajittu ol'i kaikki kąz'iillā omiilla da pajašša raudoida, prostoilla ruavolla.

Nu miel'l'iččällä vielä oldih ustroistvo heiläh, štobi i šuur'imua luad'ie. Šuur'imua iellä luajittih hres'ijanāt... Laukoista vähān oššettih, a luajittih omua. Kyl'vet't'ih ozrua, kagrua. I luajittih bol'se ka ozrašta šuur'imua, i šuur'imat ves'ma i hyvāt.

A kuin luad'ie? Tože mel'l'iččällä luajittih. Ženže muozet kivet, no kiven že izān'dā noštāu yl'embiāh, ol'i žemmuon'e nuoran'e luajittu, i šin'n'e prosto laudazet pr'icepitty, a tāššā pyör'ittāy dubinazella, štob kivi nouz'iis'. Šielä on laudazen piällä, laudan'e noštāu hān'en yl'embiāzeh, i vot kivi noužou yl'embiāh i rubieu luad'imah ei jauhuo, a šuur'imua. N'e šuur'imat ottau, a šidā on vejalka heiläh, provejivajet, aganat pois'en ottau, pölyt pois'en, a jiāhāh čistoit šuur'imat, i šuur'imašta keit'et't'ih ka prosto kuašua i pudruo, nazivaiččieči tak, ka tāt rukah.

A vielä šuur'imua luajittih i koissa, daže i mie tādā muissan vielä. Koissa kivet, ložiešta čurkašta, pil'it kakši čurkua, san't'imetrua kakšikymmen'dā ložehutta, alah i yläh varoin. Yl'immāzeh luajit ručkazen, luajit loukkozen, kobralla panet šin'n'e ozrua, a keššellä, štobi hiān luad'iis' šuur'imua, murendelen čugunan, il'i

murendelou ken mužikkan'e, i kolot't'iu r'ebrom čugunapalua. Šin'n'e puuh tuagenah i yl'izeh. I ka, vaššakkeh panou, keššellä štir'kazen panou, štobi hiän štir'azešša pyör'iis' že yl'in'e kivyť, i ka panou jyviä i rubieu pyör'ittämäh, pyör'ittämäh. I vot l'eikkou šuur'imua. Tože tuulella ottau laškou aganat i pölyť i vručnuju ka täh rukah, konža ei žen verdua pie kun. I luad'iu šuur'imua, rubieu kaštašiän'dä piiruada paistamah i kuašua keittämäh.

— Скажу ветряную мельницу раньше как строили здесь мужчины, и как они работали: ветряную мельницу мужчина строит, старался строить на горе, где больше ветров. Мельницы строили они шестикрылые, чтобы ветром их крутило. Устройство у них было сделано: крылья... крылья к валу присоединены, из толстого бревна сделанные, выдолблены и уставлены они, и закреплены. Когда ветер будет, будут крутиться. На другом конце большое колесо с пальцами, крутит вал, этот вал крутит другой вал, который стоя расположен вал. А внизу к валу присоединено еще колесо, такое же, только больше по размеру. Крутит уже каменный вал, к которому жернов приделан, эти, жернова, которые начинают молоть, делать муку. И вот начнет когда крутиться и уже все валы и жернов, там сделан сверху пол посередине мельницы, где находится мужиками привезенная на муку рожь. Высыпают туда в ларь, называется ларь. Из ларя начинает сыпаться рожь или овес вниз на жернова, где жернова крутятся.

Мельник же, хозяин, мужчина следит, как работает, правильно ли, зазубрит их (жернова), подготовит, и мука будет из ржи делаться, и очень хорошая. Когда ветер сильный, и мелет быстро, мешков тридцать, сорок за ночь зимой и мелет. И вот так он и работает, ветряная мельница мужчине делала муку.

Водяные мельницы как делали. Тоже мужчины строили, ведь раньше государство ничего не строило здесь хоть в нашей местности. Вот. Строили так. Мужчина подберет место, куда построить ему мельницу. Строит на том месте, где река больше со скатом, с более сильным течением, и, вроде, вода течет. Он возьмет, отгородит реку, чтобы река туда не текла, а текла бы в сторону. А как оградить, а огораживал, раньше ведь, вот сейчас делают из цемента, а раньше ведь цемента не было, все. Так он делает деревянную (ограду), возит туда камней. Возит из дома весь коровий и лошадиный навоз, чтобы реку загородить, чтобы воду пустить туда на мельницу, где у него будет крутиться. Ну, когда сделает заплоту и строит мельницу, деревянный амбар, на берегу, куда вода вдоль берега должна течь. А под мельницей остается промежуток, он на столбы устанавливает, чтобы вода текла под мельницей, часть. Там устанавливает колесо, деревянное колесо. Деревянное колесо начинает, как сказать,

крутить, водой его крутит. А как крутит, делает так называемые лопасти, как крылья, из досок, тоже деревянные. И вот начинает вода по лотку течь под мельницей, деревянный лоток сделан, чтобы быстро, со скатом. Течет, начинает бить вот в эти лопасти, уже, вода. Или при помощи лопастей этих колесо начинает крутиться, водой. А колесо, к нему присоединен, тоже самое, второй вал, который его соединяет с каменным валом. Уже стоя стоит, к колесу присоединен. И вот она (вода) начинает крутить это колесо. А к верхнему концу, вот сделан железный конец, на конец насажен жернов, тоже самое, не очень большой. И начинает крутиться жернов, жерновами они называли, вот наши карелы говорили камни для молотбы. И вот так же. Сверху потолок, как в избе. Над потолком там зерно находится. И каждый мужчина мелет там. Очередь подойдет, по очереди, твоя очередь молот. Насыплешь и будет мука сюда выходить. А мужчина этот сам специалист, сам делает, хозяин. А за молотбу он брал раньше больше не деньгами, а мукой. Если есть у тебя, скажем, пять мешков. За пять мешков он берет, пуды раньше были, с пуда фунт. Есть, скажем, двадцать пудов, двадцать фунтов берет муки.

А жернова тоже они раньше тоже делали для муки, что не было заливных раньше жерновов, как вот сейчас. А из дикого камня. Вот подберет дикий серый камень, чтобы не был красный, который очень ломается или очень жесткий, нельзя и отбить его. Подберет камень, серый, более мягкий, принесет домой. Чтобы его сделать круглым, так молотком он, клевцом отбивает, отбивает, может отбивать несколько месяцев, и делает круглый, посередине делает отверстие, и вниз и вверх делает такие же камни, подгоняет плотно, как и надо. А потом поработает мельница уже так там десять дней, он поднимет его и опять отбивает, отбивает молотком, как зубилом. Отобьет, опять поставит, опять будет у него молот, делать муку. И сделано было все руками своими да в кузнеце железки, простой работой.

Ну, на мельнице еще были устройства у них, чтобы и крупу делать. Крупу раньше делали крестьяне... В магазинах мало покупали, а делали свою. Сеяли ячмень, овес. И делали больше вот из ячменя крупу, и крупа очень хорошая была.

А как делать? Также на мельнице делали. Те же жернова, но жернова эти хозяин поднимает повыше, была такая веревочка сделана, и туда просто доски прицеплены, и тут крутит дубиной, чтобы жернов поднялся бы. Там есть над доской, доска поднимает его повыше, и вот жернов поднимается повыше и начинает делать не муку, а крупу. Эту крупу возьмет, а затем уже веялка у них, провеивает, шелуху прочь убирает, пыль прочь, а остается чистая крупа, и из крупы варили вот просто крутую кашу и рассыпчатую кашу, называлась так, вот таким образом.

А еще крупу делали и дома, даже и я это помню еще. Дома жернова, из толстой чурки, напилишь две чурки, сантиметров двадцать толщиной, снизу и сверху. На верхнюю делаешь ручку, делаешь отверстие, ладонью кладешь туда ячмень, а в середине, чтобы они (жернова) делали бы крупу, раскалываешь чугуном, или раскалывает кто мужчина, и колотит ребром кусок чугуна. Туда в дерево часто и сверху. И вот, друг напротив друга ставит, посередине штырь ставит, чтобы он на штыре крутился бы, этот верхний жернов, и вот кладет зерно и начинает крутить, крутить. И вот разрезает крупу. Тоже на ветру берет, пускает шелуху и пыль, и в ручную вот таким образом, когда не столько нужно (много крупы). И делает крупу, будет открытые пироги с крупяной начинкой печь и кашу варить.

Текст № 12

Информантка из д. Коровкино Краснохолмского р-на.

Запись М. И. Муллонен, 1958 г.

ФА – 38.

– Mie šanon kuin miän kolhozašša kažvatetah pelvašta. Pelvahašta annetah šuuret den'gati. Iellä kyl'vetäh, s'id'ä kit'kietäh, s'idä syöt'etäh udobr'en'n'alla. Potom pelvaš rubieu kažvamah. Kažvau avgustah šiaten. S'idä kaiket rahvahat mobil'izuijah d'er'imäh. I pien'et, i nuor'et, i ukot, i akat, kaikin ollah pellošša. S'en jäl'geh d'er'itäh, s'idä bjapkat šeižatetah, s'idä kolot'itah. Kolot't'iu mašina, en'n'en kolot'ilka. S'en jäl'geh vejetäh logih, lojišša l'evit'etäh. S'idä l'evit'etäh, noššetah, šivotah kuboloihi. Potom vejetäh lapšet guomnoloihi. Guomnoloišša šivotah kuboloihi šuur'ih, tr'estah varoin.

– Я скажу, как в нашем колхозе выращивают лен. За лен дают большие деньги. Сначала сеют, затем пропалывают, затем подкармливают удобрением. Потом лен начинает расти. Растет до августа. Затем весь народ мобилизуется теребить. И маленькие, и молодые, и старики, и старухи, все в поле. После теребят, затем бабки ставят, затем околачивают. Околачивает машина, раньше колотилка. После этого отвозят на луга, на лугах расстилают. Затем расстилают, поднимают, связывают в связки. Потом отвозят дети в гумна. В гумнах связывают, на тресту.

Текст № 13

Информант 1903 г. р. из д. Мосеевское Весьегонского р-на.

Авторская запись, 1959 г.

ФА – 67.

– Mjas'l'enčan'ed'el'illä jogo kylässä on oma päivä, konže s'ih kyläh ajetah lähiz'is'tä kyl'is'tä, a rod'n'akunda i edähian'dä, täh kyläh čurjamah i gos't'iečemah. Molodoit ajellah Mjas'l'enčana gos't'ih mučon rowd'inalla i toiz'ih kyl'ih, missä on rod'n'akunda.

Šuurešša pyhässä nuorda muččuo laškietah yhtä kod'ih, rowd'inalla, n'ed'el'iks'i kaheks'i. Štobi min'n'a ei laiskewduis', mjatko andaw hăn'ellä kez'rätä pelvašta, a langat tuwva šulahaz'en taloh. Missä min'n'a on miel'ehin'e mjatkolla, s'ielä pelvašta l'iew keralla vähembi, missä ew miel'ehin'e – enämbi. Nuor'imuččo ihaštuw, kod'ih ei aššu, a hyppiäw. Vielä ei keer'in har'jawduo hiän šulahaz'en taloh, vierahah kyläh, missä vähä kedä i t'iedäw. Oma randa! Ei nar'ekoin šanta: "Oma randa – rodnoi mjammo, vieraš randa – mjamond'imo".

Kačot, päivän-toiz'en nuor'i muččo eläw tjadošša i mjammošša, a hăn'ellä jäl'l'es't'i i šulahan'e kabahtaw: igäwä l'ien'i mučotta. A ken viinja šuvaččow, s'e i toiz'ičči tulow: t'iedäw, što vävyö ei vain yhellä čajajulla juottamah ruveta.

T'ied'el'emäh nuorda muččuo tullah päiväkezroh työt – hăn'en tovarkat. Pajinja, pajinja heilä, ei šja loppie! Ollow mučolla paha el'ia šulahaz'ešša, täh näh muččo omja elän'd'ia ei šanele: t'ijušetah šulahaz'en rod'it'el'at – elän'd'ia ei l'ie.

T'irpja pidäw vuoži-toin'e, har'jawduo, a s'iidä, mil'l'eh, voit i vaštah kuot'ella šanuo. Vain tjadošša da mjamolla nuor'i muččo avjau kaiken hengen, a n'et n'ikellä n'imidä ei šanota. Ollow yl'en kargie tyttär'ellä elän'dä, tjado humaz'enpiässä rubiew pakkuomah vävyö äbäzöijä muččuo, ei andja rod'it'el'oilla hăn'dä abewttja.

Ei yl'en himota mučolla šulahaz'en kod'ih, no tul'i aiga männä. Kjalaw hiän vywht'ilöinke vierahalla rannalla. Harvah mjatko pagiz'ow min'n'anke kuin omanke tyttär'enke. Ožakaš s'e min'n'a, kumbaz'ella moin'e mjatko. A tjiagemma jogo n'euvonda mjatkon šanuočow abienke. Työn'däw mjatko min'n'ia aittah šaharuo vaš, a min'n'a vielä ei t'ijä, missä mi viruw, ei löwvä, tulow n'iin, mjatko abienke šanow: "Kunne työnnän – šuu šalbja, s'il'mät avja". T'irpja pidäw.

Keviäpuoleh äijä rjadioo kudomiz'enke, a s'iidä, tul'i keviä – rjadio pellošša. Sygyzyn šjat mjamozen luoh et puutu. Mudjanžena prjazn'iekkapäivänä pyrgiw päiväčün hyppiäl'd'ia kodvaz'eks'i, no i s'e harvah laškietah: "Tois's'piänä vaibuhuoh myttynän'e rjadaja l'iet?"

Sygyzylä, konže rjavot loppiečetah, konže ruvetah žiivattja is'kemäh, tjašen n'ed'el'iz'eks'i laškietah nuor'en mučon "kiiškoilla". Tjatto is'kõw važan, lammašta, a mjamõ äbäzõiččõw tytär'dä, kumban'e kezän aloh laihtu i vähemmän rubei nagramah. Kois's'a hiän syöl'däw kulläl'd'i, ei n'ikedä varja, a šulahaz'en talošša mjatko ei hairaha l'igja palja panna. Ka n'iin i el'et't'ih.

Proid'iw vuotta kymmen'en, mučolla l'ietäh lapšet, jo ei l'ie mois't'a himuo lapšista hypätä tjaton da mjamon luoh. Da i mjatko vanhenow, pyör'iw vain kiwgjan luona i lapšie kaččow, piestuiččow. A lapšet i mjatkollla armahat vunukkaz'et. Lapšie myöt i min'n'anke rubiew paremmin elämäh.

El'etäh hyö vuotta kaks'ikymmen'dä, muččo rowd'inalla ajelow keran vuuvešša, äijä kaks'i i s'e prjazn'iekkana. Hiän jo l'iew tjaגיע'eh iče emän'dä talošša, a d'iedon da bjabon luoh hypelläh konžato nuoren mučon poijat i tyttär'et.

– На масленичной неделе у каждой деревни есть определенный день, когда из ближних деревень, а родня также и из дальних, едут в эту деревню кататься и гостить. Молодые в Масленицу ездят в гости на родину жены и в другие деревни, где есть родня.

Во время Великого Поста молодуху отпускают одну домой, на родину, на пару недель. Чтобы невестка не обленилась, свекровь дает ей льна, чтобы та пряла, а нитки принесла домой, где замужем. Где невестка люба свекрови, там льна дается с собой меньше, где не люба – больше. Молодуха обрадуется, домой не идет, а бежит. Она еще не успела привыкнуть в доме мужа, в чужой деревне, где она мало кого и знает. Своя сторона! Не зря говорят: «Своя сторона – родная мать, чужая сторона – мачеха!»

Смотришь, день-другой молодуха живет у отца и матери, а вслед за ней муж приходит, скучно стало без жены. А кто вино любит, тот и второй раз придет: знает, что зятя не только одним чаем поить будут.

Проведать молодуху на посиделки придут девушки – ее товарки. Разговоры у них не кончаются. Если молодухе плохо жить у мужа, про это она не рассказывает: узнают родители мужа – житья ей не будет.

Терпеть надо год-другой, привыкнуть, а потом, может быть, можно против и попробовать сказать. Только своему отцу с матерью откроет

всю душу, а те никому ничего не скажут. Если дочери житье очень горькое, отец под хмельком будет просить зятя беречь жену, не давать ее обижать родителям.

Молодой жене не очень хочется в дом мужа, но время пришло и надо идти, бредет она с мотками ниток на чужую сторонушку. Редко свекровь говорит с невесткой как со своей дочерью. Счастливая та невестка, у которой такая свекровь. А чаще всего всякий совет свекрови бывает высказан с укором. Пошлет свекровь невестку в клеть за сахаром, а невестка еще не знает, где что лежит, не находит и придет с пустыми руками, тогда свекровь с укором скажет: «Куда пошлю – рот закрой, глаза открой.» Терпеть надо.

К весне много работы с тканьем, а потом придет весна, нагрянет и работа в поле. До осени к маменьке не попадешь. Иногда, в праздничный день, попроситься на денек сбегать домой, но отпускают редко: «На следующий день из усталой работницы не будет.»

Осенью, когда работа кончается, когда будут скотину резать, опять на недельку отпустят молодуху «на кишки». Отец зарежет теленка, овец, а мать угощает дочь, которая за лето успела похудеть и стала меньше смеяться. Дома она поест досыта, никого не боится, а в доме мужа свекровь не ошибется лишним куском угостить. Вот так и жили.

Пройдет лет десять. У жены появятся дети, и уж не будет такой охоты бежать от детей к отцу и матери. Да и свекровь постареет, будет возиться у печки и за детьми смотреть, да пестовать их. А внуки и свекрови милые, через детей и с невесткой будет лучше жить.

Живут они лет двадцать, жена на родину ездит один раз в год, многие два, и то по праздникам. Она уже становится частенько сама хозяйкой в доме, а к дедушке и бабушке бегают некогда молодой жены сыновья и дочери.

Текст № 14

Информант 1896 г. р. из д. Яснево Весеьгонского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1975 г.

ФА – 1976.

– Kaivo kaivuačow, missä ollah pikul’at, nämä suamoi pis’t’el’ijat heinät, täššä ob’azat’el’no vs’egda löwdyw vez’i, da žiila. Kaivettih zuastupoilla, po dvenaccat’ sažon, meilä miän kylä on goralla, n’in dvenaccat’ sažon.

– *Tämä yl’en šyvä kaivo l’iew?*

– Da, šyvä l’ienöw kaivo, on ka Obakan pihalla kaivo tr’inaccat’ sažon. Da šielä ol’i muon’e vez’i paha, što ei voinun i juwva, vows’o šuolan’e. A nyt’t’en ka kaivettih täh piäh kyläh kaivo, vez’i vows’o hyvä, tož on dvenaccat’ aršin, al’i dvenaccat’ sažon.

– *A kuin händä kaivetah?*

– Sruubua pannah, ylähäl’dä min kaivetah i srazu sruubua lad’jatah. Sruubua tädä zašivajut nuagloilla, r’iwguzella, štob ei langeis’ sruuba. Vielä aršinan kaivetah, tuašen sruuban pannah, ka n’iin i prodolžajut, kun’i ei... Alah n’in i männäh, kun’i ei loppieta, kun’i ei l’ien’e vez’i, ka n’iin.

– *A mytynäžeštä puušta paremmi sruubua luad’ie?*

– Aivin kuužin’e meil’ on, pričom kuiva meččä što ol’iis’, ei n’in rubiew tulomah ruvalle vez’i, viikon. Meilä t’iälä kol’čie ewl, cementua ewle, da i nyt ei šua šuaha, aivin sruubat ollah kuužizešta meččäštä.

– *A ka oligo ših rukah, što kaivo kuivaw il’i vettä vähä hän’eššä?*

Ol’i kyläššä ka Prohoran pihalla ol’i, ka kumban’e šuolan’e vez’i ol’i i r’ewnalla sus’iedalla ol’i, tože ei voinun juwva. Vez’i paha dai, prosto šuolan’e vez’i, ei voi juwva.

– *Muan piällä tože sruuban pannah?*

– Da, na metr šenäin, okolo metra, što žiivatta ei puuttuis’, dai koirat i kaz’it i...

– *Ongo šil’mäläht’ie?*

– Da, a ka ferman luo, n’in šielä vettä hvat’t’iis’ monella kylällä, a nyt fermalla annetah vettä. Šielä on dviška n’in, vodokačka, šielä hyvä vez’i, mois’t’a vettä ewle i v oblast’i daže.

– *A ongo ših rukah, što kaivo luajitah ka missä šil’mälähe?*

– Aivoin meilä oldih čurkat, moin’e puin’e luajittu, aršin na vos’em, puiz’en luajitah, kolmella obručalla zat’anut, kun nastojaššoin puiz’en, nu vain hiržilöistä pakšuloista. Ščas on sruuba, a täh šuaten ol’i čurkista. N’in tällä kaivolla ol’i naverno godof sto, n’in hyppäi, ol’i kl’uča muon’e hyppäi piäl’ičči, oldih loukot luajittu. Ka puin’e, ka tämän korgie ol’i, na metr hyppäi piäl’ičči. Aivin, kruglie god’a, i kylmän hiän n’ikonža ei. I talvella, jes’l’i on

puin'e ka kyl'män, n'in čeres čas nal'eičet, čeres čas ei jiä n'i yhtä jähyttä, kaikki šulaw. I pr'ičom talvella on vielä lämbymembi čem kezällä, kezällä nyt on vilu, hambahat kyl'metäh juwvešša, kąz'i ei t'irpun, žen viluhuš vez'i.

– *Vettä millä šuatta kaivošta?*

– A l'eikoilla, r'iwguzeh r'engi pr'ilaženo, nu vez'i ol'i meilä šielä kaivošša läššä n'in, prosto ka, ammullat dai. Nyt hiän hyppiäw narawn'e mjancken, kaiken aijan, možet tišču godof tällä s'il'mällä.

– *A jes'l'i šyvä kaivo?*

– Da šielä šyviä ei šua i kaivua, a t'ialä n'in čieppi, vualu, vualuo pyör'ität. Vielä oldih nämä, kuurret nazivajuca. Meilä ewlun, a näin, šeizatat paččahan kakšišuarahizen, šidä r'iwvut, šid'ä r'iwguh r'engin i ka, näin i šuadih, da, r'engi aivin šielä i on, r'engi. Ken tulow, pidäw vettä i zal'ivajet. Ka n'in pačas, ka näin, kumban'e kumual'iečow na os'i. A t'ialä kaivoh šolahuttua hän'eh r'iwgu na glubinu, vibu, vibu, a t'ialä značit bad'ja, čerpaiččow i noštaw.

– *A jes'l'i ka on jygie painua?*

– N'iin šin'n'e pannah gruuzua enämmän, kumbane noštaw vettä. Tällä puol'i on riwgušša r'engi, a šielä puol'i, kol'essun l'izätäh, ei n'in čurkan l'izätäh, štobi kebiembi noštua vettä.

– *Kuin bruwduo luajitah?*

– Bruuduo kaivet't'ih alovalle paikalle, alovalle, missä on pohja l'ienöw šavi. Jes'l'i pesku on, bruuvušša vettä ei l'ien'e, uid'iw, a missä vain on šavi, šielä i vez'i. Kaivettih kyläl'l'eh, yheštäh kaikin soopča, i pol'zoval'is', žiivattah varoin vez'i i dl'a n'eščasnogo sluučaja tämä vez'i pidäw kyläššä. Puhaššima toko ka, r'eduo vedäw vihmoilla, puhaššamma toko. Kolahamma mužikat, a šidä i juollamma yheššä i...

– *Lapšet kyl'biet't'ihgo?*

– Kyl'biet't'ih i lapšet i daže mužikat kyl'bietäh. Kyl'vet'et't'ih heboz'ie, aivomma tämä ol'i n'iin zaved'ittu. Ol'i ka, ajo kyl'vettämäh, hebozella, hebon'e viäl'd'i, hiän bruuduh i löpšäht'i iče, raččahilla, nagrauo ol'i kaikilla. Ewlun lapši, ol'i jo šuwr'ikkan'e, nowz'i.

– *Žiivattua juotettihgo en'n'ein?*

– Kar'ja kod'ih tullah illalla, konešno juwvah i bruuduloista. A vejen tuačči meilä n'ičevo on! Ka nytten zapust'ittih bruuwun kolhoza n'in, ewle missä bel'jua st'iraija, poloskat' ewle missä šobie, puhaštua.

– Колодец копается, где растёт пикульник, эта самая колючая трава, здесь обязательно всегда найдется вода, да, жила. Копали заступами, по двенадцать саженой, у нас, наша деревня на горе, так двенадцать саженой.

– *Это очень глубокий колодец будет?*

– Да, глубокий будет колодец, есть, вот во дворе у Аввакума колодец, тринадцать саженей. Да там была такая вода плохая, что нельзя было и пить, очень соленая. А теперь вот выкопали в этом конце деревни колодец, вода очень хорошая, тоже двенадцать аршинов, или двенадцать саженей.

– *А как его копают?*

– Сруб ставят, сверху сколько выкопают и сразу сруб ставят. Сруб этот зашивают гвоздями, жердью, чтобы не упал сруб. Еще аршин выкапывают, опять сруб ставят, вот так и продолжают, пока не... Вниз так и идут, пока не закончат, пока вода не появится, вот так.

– *А из какого дерева лучше сруб делать?*

– Всегда еловый у нас, причем сухой лес чтобы был, нет так будет со смолой вода, долго. У нас тут колец нет, цемента нет, да и теперь не достать, всегда срубы из ели.

– *А вот было ли так, что колодец высох или воды мало в нем?*

Был в деревне вот, у Прохора во дворе был, вот в котором вода соленая была и рядом у соседа был, тоже нельзя было и пить. Вода плохая дай, просто соленая вода, нельзя пить.

– *Над землей тоже сруб ставят?*

– Да, на метр так, около метра, чтобы скот не попал, да собаки и кошки, и...

– *Есть ли родник?*

– Да, а вот у фермы, так там воды хватило бы на несколько деревень, а сейчас на ферму подают воду. Там движок есть, так, водокачка, там хорошая вода, такой воды нет и в области даже.

– *А бывает ли так, что колодец делают там, где родник?*

– Раньше у нас были чурки, такая бочка сделана, аршинов на восемь, бочку делают, тремя обручами затянут, как у настоящей бочки, ну только из бревен толстых. Сейчас сруб, а до сих пор было из чурок. Так этому колодцу было, наверное, лет сто, так бежала (вода), был ключ такой, что сверху текла, были отверстия сделаны. Вот бочка, вот такой высоты была, на метр, так сверху бежала. Всегда, круглый год, и не замерзала никогда. И зимой, если бочка вот замерзла, так через час нальешь, через час не остается ни льдинки, все растает. И причем зимой еще теплее, чем летом, летом теперь холодная, зубы замерзают, когда пьешь, рука не выдерживает, такая холодная вода.

– *Воду чем из колодца достаете?*

– А лейками, к жерди ведро приделано, ну вода у нас была в том колодце рядом, просто вот, зачерпываешь дай. Теперь она течет наравне с землей, все время, может тысячу лет в этом роднике.

– *А если глубокий колодец?*

– Да там глубокий и не выкопать, а здесь так цепь, вал, вал крутишь. Еще были эти, журавлями называются. У нас не было, а видел, установишь столб двуразвилый, затем шесты, затем к шесту ведро и вот, так и доставали, да, ведро всегда там, ведро. Кто придет, нужно воды и наливает. Вот так столб, вот так, который опрокидывается на оси. А тут в колодец опустить ее, жердь, на глубину, журавль, журавль, а тут, значит, бадья, черпает и поднимает.

– *А если вот тяжело тянуть?*

– Так туда положат груза побольше, с той стороны, которая поднимает воду. С этой стороны на жерди ведро, а та сторона, колесо добавляют, нет, так чурку добавляют, чтобы легче поднимать воду.

– *Как пруд делают?*

– Пруд копают в низинных местах, в низине, где дно будет глиняное. Если песок, в пруду воды не будет, уйдет, а где только глина, там и вода. Копали всей деревней, все вместе, сообща, и пользовались, для скота вода и для несчастного случая эта вода нужна в деревне. Чистим обычно вот, грязи наносит дождями, чистим обычно. Чистим мужики, а потом пьем вместе и...

– *Дети купались?*

– Купались и дети, и даже мужчины купаются. Купали лошадей, раньше так было заведено. Был вот случай, поехал купать, на лошади, лошадь дернула, он в пруд и шлепнулся сам, верхом ехал, смеялись все. Не ребенок был, уже был постарше, поднялся.

– *Скот поили раньше?*

– Стадо домой приходит вечером, конечно, пьют из прудов. А с водой у нас ничего! Вот сейчас колхоз запустил пруд, так негде белье стирать, полоскать негде белье.

Текст № 15

Информантка 1901 г. р. из д. Васильевское Зубцовского р-на.

Запись А. В. Пунжиной, 1980 г.

ФА – 2834.

– *Midä ol'i pert'issä en'n'ei?*

– Mid ol'i ennen pert'is's'? Mid ol'i? Osobennoid n'imid ei ollun. Kiwgu šeiz'ow. Kiwgull on, značit, šial' čun'at, port'ankat. Kiwgušš ollah pečurkat, pečurkah alzi pannah šial'. Ka ruavold tullah määräť pannah. Osobennoid kiwgull n'imid ei ollun hyvi ka... čun'at i kud mid, kud mid, hattarat... A potom, ei ollun kiwgull ni zaveskas't', n'imid, n'imid, kiwgull. A pert'is's' oldih vain lawčat, lawčat yhet, lawčat, skammit. Magaimm tož, skammiloill piäl' l'evit't'el'imm. Post'el'n'ikat oldih, ič kuvomm holssan, kruas'im doroškoill. Šomat oldih, hyvät. A konž kattučči, d'er'uugan kovomm, tr'apiccu ka revitt'emm vanhoi plat't'oi šial', kitaiku, kud mid. I langat luamm, ruavamm d'er'uugan. Od'd'uloi ei ollun meil'. Kattučima tulupoilla, turkill, kud mil'l'. Hyvie ei ollun, od'd'uloi meil' ei ollun n'imid. Poduškoiss oldih nuavločkat tož holstizet. Poduškat moiz'et šuwret, kaikkeh postl'ih podušk, magaimm. A kežäl'l' magaimm zavs' lattill. Post'el'n'ikk ollell nabeid. Post'el'n'ikat ollell nabeid, mahumm lattill, i ägi ol'i. Muat muwvnet kravat't' s'inčošš on. Kuvomm holstuw. Omblemm rangzen holstizen, riptetah i muatah. A pert'is's' n'imid osobennoid n'imidä ei ollun. No oldih ka täšš posuudat, šial' čugnat, padat. Mal'l'at oldih ran's puwhzet, luz'ikat puwhzet.

Mid ol'i osobennoid? Mid täšš viäl' ol'i? Ei ollun n'i z'irkalloi, n'imid, n'i sviettu. Ruadoim ka, pannah täšš butilkzeh vähzen kars'inu. Propkzen ruatah i vir't'etäh, kopt'elkanke tämänke issuimm, i kez'räim. I pär'il'l', oldih pär'it. Svičč on. Muan' dubin šeiz'ow ka šen'iin. Hänešš ollah täšš rawdan' pribeid. I ollah šorkzet tänne, štob päre pizyis'. Vir't'etäh, keššel'l' pert'i šeiztetah, i ymbär'i issutah, kez'rätäh. Zaslonkan pannah i kartzen pannah, štobi langeis', kartzen pannah, štob ei lattill, a kartzeh män'i.

Ikkunoiss ei ollun zaveskoi, oldih bumašket. Bumašket gaz'itašt. Ruavamm, hambuizet ruatah, lowkkozet ruatah hambuz'in kohtah. Näm zaveskat. Viäl' osobennoid mid?

– *Nu a jesi' ka pruazn'iekka?*

– A pruazn'ikk? A lattiloi peštih ennen vain Roštukš, sv'atoiks', a tuad latett kaiken Muasl'enčakš. Ka še šuw'r'iks' i pruazn'ikoiks'. A ei kui jo meil', jogo šuavatt. A kuin peštih? Peššäh, kaštah, viäl' pidaw labill skr'ebitä vihkoz'ell... Ol'i pert'is's' i kaikki, i lut'ikku, i kurpu, i kaikki, revuš. El'im kuin...

Kiwgušš oldih šawhizet padat, keit't'ii šial' rokku, da supu. Šawhin' pad, oššat padan. Män'et, šial' gordašš mywväh, jo i oššat. A čugunoi obl'ivnoid

näid' ei ollun, mal'l'at oldih puwhzet, luz'ikat puwhzet i pavarč puwhin', i puwhin' torelk. Emän'd' šuaw l'ihan puwhzell torelkall, pilktah, i mal'l'ah panow, puwhin', kaikk oldih puwhzet.

– *Nu a kiwgualla midä on?*

Opečkall pannah šinn, ka i truban panet, i pär'it panet šinn. I päret', halgu luakšitah, luakšitah kiwguh, a šid kissotah, ruatah päret'. Pannah tož očall täh zapossuh. A to vet' rubit istmah pär'inke, vet' et rubi kiskomah, sirije pannah, zapossu pidäw varuštu ennen, ruadu, štob ois minke istu.

– *A kuin l'eibiä ka paistua pid'i?*

– A l'eibi paistu? L'eibi pais'ettih, ševotetah l'eivät. A jo pais'etah, labi on muan', puwhin' labi. Labill posipl'utah jawhu, panow šinn. Ymbär' šil'ittäw, šil'ittäw määril'l' káz'il'l'. Möwkyn luad'iw. I kiwguh pihniw labill. A kiwgun on puad'i podvoi, hoikzešt kirpičäšt, puad'it oldih hyvät, i havull pywhkitäh. Havun hyvin kašštah, havull pywhkitäh. Kork jo hyv, ei ol tuhkašš, puad'in hyvän ruatah. L'eibi hyvi pais'ettih, konešn, kun on hyv emän'd'... Protvin'u ei ollun. I kapustl'issall muwvet ruavettih. Muwvennet daž kuivettih talvekš kapustl'istuw. Kapustl'istu pannah, no kapustl'issall viäl' on parembi... A to i n'iin pihaidih, pannah, pywhkitäh kiwgun i pannah. I pirošku pais'ettih tož niin ž puad'ill, pywhkitäh, pywhkitäh puad'in, pirošku pais'ettih. Ka. Ukrainašš šantah "koršiki", a meil' on kartoškanke piroškat. Kartošku šurvotah, majjoll rozved'itah i pannah piroškah tuata.

– *Ka kuin toko stuwd'en'ie luajittih?*

– Kuin ruavettih? Ka pannah piäšt' da šäl' hot' yhen jallan, da piäšt' palas't' čugunah. Kiwgušš kiahtetah hänen. Potom jäl'geh zatoppu kattah hänen r'iaht'läl'l' i popar'ut hän'd' šäl' ildah šu poč't'i. A illall veitäh, luwt hänešt' razberut i pannah hänen nal'eijah. Ran's ei nal'ivaid mal'l'oieh. A nal'eijah, ollah muazet doin'ikkzet šawhzet, täh doin'ikkazeh šawhzeh nal'eijah, hin hywdyw. Männäh šäl'd' luz'ikall čerpaijah, ottah mal'l'ah, min pidäw šywv. A tämän tuaš kattaw mil'l' n'ibut't'en. I ka i šyvväh n'iin. Mal'l'oieh ei valettu ran's. Doin'ikkazešt täšt čerpaijah. Al' mož mityš n'ibud' pada, nal'eijah, täšt i ottah. A l'ihast mid ruavettih? Ran's vet' ei ruavettu n'i katl'ettoi n'imid, n'i pel'men'oi, vain rokašš keit'et't'ih, supašš keit'et't'ih. Konža krupen', a konž mityš pohl'opk, rokk. Ka vain l'ihašt mid ruavettih. No ka konž kunn männäh urhot meččäh al' kunn ruavoll, keit't'äh kerall palzen.

– *Что раньше было в избе?*

– Что было раньше в избе? Что было? Особенного ничего не было. Печь стоит. На печке, значит, там чуни, портянки. В печи есть печурки, в печурки рукавицы кладут туда. Вот с работы приходят, мокрые кладут. Особенного на печке ничего не было, хорошего, вот... чуни и у кого что,

у кого что, портянки... А потом, не было на печке ни занавески, ничего, ничего на печке. А в избе были только лавки, лавки одни, лавки, скамейки. Спали мы тоже, на скамейки расстилали. Постельники были, сами ткем холст, красим дорожками. Красивые были, хорошие. А чтобы укрываться, дерюгу ткем, тряпки вот рвем, старые платья там, китайки, кто что. И нитки бросаем, делаем дерюгу. Одеял не было у нас. Укрывались мы тулупами, шубами, кто чем. Хороших не было, одеял у нас не было никаких. На подушках были наволочки, тоже холщевые. Подушки такие большие, на всю постель, спали. А летом спали, завсе, на полу. Постельник был соломой набит. Постельники были соломой набиты, расстилались на полу, и жарко было. Спали некоторые, кровать в сенях есть. Соткем холст. Сошьем полог холщевый, повесят и спят. А в избе ничего особенного, ничего не было. Но была вот тут посуда, там чугуны, горшки. Миски были раньше деревянные, ложки деревянные.

Что было особенного? Что тут еще было? Не было ни зеркал, ничего, ни света. Работали вот, наляют сюда в бутылку немного керосина. Пробку сделают и разжигают, с коптелкой такой сидели и пряли. И при лучине, были лучины. Светец есть. Такая дубина стоит и так вот. К ней здесь железка прибита. И есть ножки тут, чтобы лучина держалась. Зажгут, посреди избы поставят и вокруг сидят, прядут. Заслонку поставят и корытце поставят, чтобы падала, корытце поставят, чтобы не на пол, а в корытце падала (лучина).

На окнах не было занавесок, были бумажки. Бумажки от газет. Делаем, зубчики делают, дырочки делают напротив зубчиков. Такие занавески. Еще что особенного?

— Ну, а если праздник?

— А праздник? А полы мыли раньше только к Рождеству, Пасхе, а так пол весь к Масленице. Вот к этим большим праздникам. А не как сейчас у нас, каждую субботу. А как мыли? Моют, намочат, еще надо лопатой скрести, тряпкой... Было в избе всего, и клопов, и блох, и всего, от грязи. Жили как...

В печке стояли глиняные горшки, варили в них похлебку, да суп. Глиняный горшок. Поедешь, там в городе продают, так и купишь. А чугунов обливных этих не было, миски были деревянные, ложки деревянные и половник деревянный, и деревянная тарелка. Хозяйка достанет мясо на деревянную тарелку, порежет, и в миску положит, деревянную, все было из дерева.

— Ну, а печь из чего состояла?

На опечье ставят туда, вот, и трубу ставят, и лучины кладешь туда. И лучины, дрова бросают, бросают в печку, а потом щепают, делают лучины. Складывают тоже в чело — это про запас. А то ведь будешь при лучине

сидеть, ведь не будешь щипать, сырые ставить, про запас нужно приготовить заранее, сделать, чтобы было с чем сидеть.

— *А как вот хлеб надо печь?*

— А хлеб печь? Хлеб пекли, ставят тесто. И уже пекут, лопата есть такая, деревянная лопата. На лопату посыплют муку, положит туда. Вокруг гладит, гладит мокрыми руками. Каравай делает. И в печку пихает на лопате. А в печи под, из тонкого кирпича, поды были хорошие, и помелом подметають. Помело хорошо смочат, помелом подметут. Корка тогда хорошая, без золы, под хорошо подготавливают. Хлеб хороший пекли, конечно, когда хорошая хозяйка... Противней не было. И на капустном листе некоторые делали. Некоторые даже засушивали на зиму капустные листья. На капустный лист положат (хлеб), но на капустном листе еще лучше... А то и так пихали, подметають печь и толкают. И пироги пекли также на поду, подметут, подметут под, пирожки пекли. Вот. В Украине говорят «коржики», а у нас пирожки с картошкой. Картошку толкут, молоком разводят и в пироги кладут это.

— *А как обычно холодец делали?*

— Как делали? Вот берут с головы и там хоть одну ногу, да с головы кусок в чугунок кладут. В печке кипятят. Потом после печки выливают все это на сковороду и парят там до вечера почти. А вечером вытащат, кости выберут и выльют это. Раньше не наливали в миски. А наливали, есть такие большие горшки глиняные, в эти глиняные горшки нальют, он и застынет (холодец). Пойдут, оттуда ложкой черпают, в миски кладут сколько надо. А его (горшок) опять накроют чем-нибудь. И вот и едят так. В миски не наливали раньше. Из горшка этого большого черпают. Или, может, какой-нибудь другой горшок (поменьше), нальют, из него и берут. А из мяса, что делали? Раньше ведь не делали ни котлет никаких, ни пельменей, только в похлебке варили (мясо), в супе варили. Когда крупня, а когда какая-нибудь похлебка. Вот только из мяса что делали. Ну, вот когда куда пойдут мужчины в лес или куда на работу, варят с собой кусочек (мяса).

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова 2007 – Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: КомКнига, 2007. 572 с.

Атлас – *Диалектологический атлас карельского языка*. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с. карт.

Беляков – Беляков А. А. *Результаты влияния русского языка на карельскую фонетику и лексику*. Рукопись. Петрозаводск: НА КарНЦ РАН: Ф. 15, Оп. 1, № 20.

Беляков 1947 – Беляков А. А. *Фонетика села Толмачи*. Рукопись. Петрозаводск, 1947. 75 с.

Беляков 1948 – Беляков А. А. *Грамматика карельского языка. Калининское наречие собственно-карельского языка*. Рукопись. Петрозаводск: НА КарНЦ РАН, 1948. Ф. 1, Оп. 43, № 110, 181 с.

Беляков 1949 – Беляков А. А. *Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской области* // СФУ 5. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1949. С. 67–98.

Беляков 1958 – Беляков А. А. *Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в КарАССР* // *Прибалтийско-финское языкознание* 12, 1958. С. 49–62.

Бубрих 1946 – Бубрих Д. В. *Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка*. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1946. 174 с.

Бубрих 1947 – Бубрих Д. В. *Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах* // *Ученые записки ЛГУ* 2. 1948. С. 129–159.

Булкин 2005 – Булкин А. А. *Географическая разобщенность и субэтносы карел*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 197 с.

Вершинский 1932 – Вершинский А. Н. *Список карельских селений Московской области*. М.; Калинин: Тип. изд-ва «Пролетар. правда», 1932. 22 с.

Воскресенская 1997 – Воскресенская Н. В. *Переселение карел в Россию* // *История и культура тверских карел: Перспективы развития*. Тверь: Тверской государственный университет, 1997. С. 37–40.

Головкин 2000 – Головкин А. Н. *Рождение карельской письменности*. Тверь: Чудо, 2000. 91 с.

Головкин 2001 – Головкин А. Н. *История Тверской Карелии*. Тверь: Чудо, 2001. 302 с.

Громова 1997 – Громова Л. Г. *Двуязычие как условие и перспектива сохранения и развития языка и культуры тверских карел* // *История и*

культура тверских карел. Перспективы развития. Тверь: Тверской государственный университет, 1997. С. 12–14.

Громова 2011 – Громова Л. Г. Фонетические особенности языка тверского памятника карельской письменности Евангелия от Матфея // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2019-14.VIII.2010.* Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. С. 127–134.

Зайков 2000 – Зайков П. М. *Глагол в карельском языке.* Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 294 с.

Зайцева 1990 – Зайцева Н. Г. Пути освоения русской диалектной лексики // *Вопросы финно-угорской филологии.* 5. Л.: Издательство ЛГУ, 1990. С. 91–102.

Зайцева 2002 – Зайцева Н. Г. *Вепсский глагол.* Петрозаводск: Периодика, 2002. 288 с.

Злобина 1963 – Злобина В. Е. О русско-карельских языковых контактах (на материале лексики собственно-карельского диалекта карел Калининской области) // *Научная конференция, посвященная итогам работы Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР за 1962 г.* Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1963. С. 67–68.

Злобина 1967 – Злобина В. Е. О некоторых звуковых изменениях в одном из говоров карельского языка // *СФУ 2*, 1967. С. 97–99.

Злобина 1967 – Злобина В. Е. Русско-карельские языковые контакты и изменения в грамматической структуре имен в одном из говоров карельского языка // *Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию: Тезисы к докладам и некоторые доклады.* Ижевск, 1967. С. 9–10.

Злобина 1971 – Злобина В. Е. Языковые контакты и изменения в грамматической структуре языков // *Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками.* Л.: Наука, 1971. С. 33–37.

Итоги – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/

Йоки 2011 – Йоки Л. Архивные материалы и исследования по тверскому диалекту карельского языка // *Тверские карелы: история, язык, культура.* Тверь: ТвГУ, 2011. С. 81–87.

Карелы в центре России – *Карелы в центре России.* Тверь: Триада, 2009. 48 с.

Карелы Карельской АССР – *Карелы Карельской АССР.* Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.

Кочкуркина 1987 – Кочкуркина С. И. *Древние карелы.* Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.

Кузьмин 2015 – Кузьмин Д. В. *Полевые дневники экспедиций в Тверскую Карелию 2010–2015 гг.*

Лаанест 1966 – Лаанест А. *Ижорские диалекты*. Таллин: АН ЭССР, 1966. 183 с.

ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Маньжин 1964 – Маньжин К. В. *Очерк весьегонского говора собственно-карельского диалекта карельского языка*. Рукопись: НА КарНЦ РАН, 1964. Ф. 1, Оп. 5, № 263, 129 с.

Маркус, Рожанский 2011 – Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. *Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк*. Т. II. СПб.: Нестор-История, 2011. 384 с.

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук.

Новак 2014 – Новак И. П. *Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 220 с.

Орлов 1995 – Орлов М. Карелы Тверской губернии // *Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов*. Ювяскюля: Афина, 1995. С. 465–483.

ОФУЯ 1975 – *Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*. М.: Наука, 1975. 346 с.

ОСНИСГ – *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*. М.: Наука, 1970. 456 с.

Пунжина 1971 – Пунжина А. В. О некоторых лексических заимствованиях в карельском языке // *Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками*. Л.: Наука, 1971. С. 42–45.

Рягоев 1977 – Рягоев В. Д. *Тихвинский говор карельского языка*. Л.: Наука, 1977. 288 с.

Салохеймо 1995 – Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // *Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов*. Ювяскюля: Афина, 1995. С. 455–464.

СОСД – *Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 337 с.

СФУ – *Советское финно-угроведение*.

ТСГТО – *Тематический словарь говоров Тверской области*. Т. 1. Тверь: Золотая буква, 2003. 240 с.

Gromova 2009 – Gromova L. Kirjakielen kehitys alkoi kolme kertaa // *Karjalan heimo* 9–10. 2009. S. 136–138.

- FUF – *Finnisch-ugrische Forschungen*.
- Hakulinen 1979 – Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Otava, 1979. 634 s.
- Häkkinen 1985 – Häkkinen K. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa*. Turku: Abo Akademi, 1985. 132 s.
- ISK – *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: SKS, 2010. 1698 s.
- Itkonen 1968 – Itkonen T. Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // *Fenno-Ugrica: Juhlakirja Lauri Postin kuusikymmenvuotispäiväksi 17.3.1968*. Helsinki: SUS, 1968. S. 76–116.
- Itkonen 1983 – Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // *Vir.* 87, 1983. S. 190–229, 349–386.
- Kalima 1934 – Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // *Vir.* 38, 1934. S. 254–256.
- Kalima 1952 – Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme*. Helsinki: SKS, 1952. 234 s.
- Kettunen 1909 – Kettunen L. *Descendenttis-äännehistoriallinen katsaus Keski-Skandinavian metsäsuomalaisten kieleen*. Suomi IV: 8. Helsinki, 1909.
- Kettunen 1915 – Kettunen L. Passiivin tunnuksesta // *Vir.* 19, 1915. S. 107–112.
- KKS – *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: SUS. I – 1968. 576 s.; II – 1974. 591 s.; III – 1983. 584 s.; IV – 1993. 610 s.; V – 1997. 634 s.; VI – 2005. 782 s.
- Kukk 1989 – Kukk T. *Vesjegonskin karjalaisten tšastuškoja*. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1989. S. 82.
- Laasonen 2005 – Laasonen P. *Novgorodin imu: Miksi ortodoksit muuttivat Venäjälle Käkisalmen läänistä 1600-luvulla?* Helsinki: SKS, 2005. 171 s.
- Lehtinen 2007 – Lehtinen T. *Kielen vuosituhannet*. Helsinki: SKS, 2007. 305 s.
- Leskinen 1933 – Leskinen E. *Tulemajärven murteen vokalismi*. Helsinki: SKS, 1933. 140 s.
- Leskinen 1963 – Leskinen H. *Luoteis-Laatokan murteiden äännehistoria. I. Konsonantit*. Helsinki: SKS, 1963. 306 s.
- Leskinen 1964 – Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // *Vir.* 68, 1964. S. 97–115.
- Leskinen 1998 – Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1999. S. 352–382.
- Palmeos 1962 – Palmeos P. *Karjala valdai murrak*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962. 228 s.
- Palmeos 1966 – Palmeos P. Über den Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen // *CΦY* 1. 1966. S. 1–5.

Rapola 1966 – Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SUS, 1966. 498 s.

SKS – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

SUS – Suomalais-Ugrilainen Seura.

Tunkelo 1938 – Tunkelo E. A. *Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta*. Helsinki: SKS, 1938. 44 s.

Turunen 1946 – Turenen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Konsonantit*. Helsinki: SUS, 1946. 338 s.

Turunen 1950 – Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit*. Helsinki: SUS, 1950. 266 s.

Tverin Karjalaiset – *Tverin karjalaiset*. Tver: Studia-S, 2006. 30 s.

Vir. – *Virittäjä*.

Virtaranta 1946 – Virtaranta P. *Eteläkarjalaisten murteiden s. Suomi* 104. Helsinki, 1946. 39 s.

Virtaranta 1961 – Virtaranta P. *Tverin karjalaisten entistä elämää*. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1961. 271 s.

Virtaranta 1972 – Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // *CΦY* 8, 1972. C. 1–15.

Virtaranta 1973 – Virtaranta P. Über den olonetzischen Konduši-Dialekt // *FUF XL*. 1973. S. 259–277.

Virtaranta 1984 – Virtaranta P. Über das s im Karelischen // *Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen*. Budapest, 1984. S. 259–274.

Virtaranta 1992 – Virtaranta P. *Tverinkarjalaisista nimistä*. Helsinki: SUS, 1992. 182 s.

Wiik 2004 – Wiik K. *Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus*. Turku, 2004. 75 s.

Õispuu 1985 – Õispuu J. Zur Synkope und Apokope in Verbparadigma der Djorža-Mundart des Karelischen // *CΦY* 3, 1985. S. 171–181.

Õispuu 1988 – Õispuu J. *Djorža–Karjalan nominitaivutus*. Tallinn: Eestin SNT:n tiedeakademia, 1988. 43 s.

ИСТОЧНИКИ

КПКС – Расшифровки экспедиционных материалов А. В. Пунжиной 1966–1973 гг. по Тверской Карелии // *Культура повседневности карельской семьи*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 84–154.

ОКР – *Образцы карельской речи: Калининские говоры*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 196 с.

Программа – *Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка*. НА КарНЦ РАН: Ф. 1, Оп. 5, № 79–94, 105–141, 160–166, 228–229.

РМЗ – *Расшифровка магнитофонных записей, произведенных М. И. Муллонен, Г. Н. Макаровым, В. П. Тарасовым в 50-е – 60-е гг. XX в. в Тверской области*. Рукопись, Петрозаводск, 2011. 50 с.

СКГ – *Слушаю карельский говор* / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.

СКЯ – *Словарь карельского языка: Тверские говоры* / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

DKV – Õispuu J. *Djorža karjala vormisõnastik*. Tallinn, 1995. 128 s.

DKT – Õispuu J. *Djorža karjala tekstid*. Tallinn: Tallinna pedagoogiline instituut, 1990. 198 s.

KKN – *Karjalan kielen näytteitä*. I. / Toim. E. Leskinen. Helsinki: SKS, 1932. 166 s.

LSK – *Lähisukukielet* / Toim. P. Virtaranta, S. Suhonen. Helsinki: SKS, 1978. 78 s.

LSKL – Virtaranta P. *Lähisukukielten lukemisto*. Helsinki: SKS, 1967. 240 s.

NKK – *Näytteitä karjalan kielestä*. I. Joensuu – Петрозаводск, 1994. С. 236–270.

TJNKS – *Tverin- ja Novgorodinkarjalaisia satuja*. Helsinki: SKS, 1932. S. 95–134.

СОКРАЩЕНИЯ

Диалекты и наречия карельского языка

всг.	весьегонский диалект
држ.	держанский диалект
ливв.	ливвиковское наречие
люд.	людиковское наречие
пвс.	повсеместно
с.к.	собственно карельское наречие
тлм.	толмачевский диалект

Словоизменение

абесс.	абессив
абл.	аблатив
адесс.	адессив
акт.	актив
аппр.	аппроксиматив
ген.	генитив
ед.	единственное число
илл.	иллатив
имп.	императив
имп.	имперфект
инд.	индикатив
инесс.	инессив
инф.	инфинитив
ком.	комитатив
конд.	кондиционал
л.	лицо
мн.	множественное число
ном.	номинатив
осн.	основа
парт.	партитив
пасс.	пассив
през.	презенс
прич.	причастие
сильн. осн.	сильная основа
слаб. осн.	слабая основа
сравнит. ст.	сравнительная степень

транс.	транслатив
элат.	элатив
эсс.	эссив

Прочие сокращения

д.	деревня
диал.	диалектное
дим.	диминутивный
напр.	например
п.	поселок
поэт.	поэтическое
прил.	приложение
прост.	просторечное
с.	село
см.	смотри
совр.	современный
ср.	сравни
ур.	уроженка / уроженец
ФА	Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- Андреева Валентина Васильевна*, 1949 г. р., д. Пасынки, ур. д. Пасынки.
Беляков Александр Федорович, 1936 г. р., д. Нестериха, ур. д. Еремеевка.
Беляков Петр Михайлович, 1957 г. р., д. Еремеевка, ур. д. Еремеевка.
Белякова Валентина Васильевна, 1956 г. р., д. Еремеевка, ур. д. Линдино.
- Белякова Мария Егоровна*, 1940 г. р., д. Нестериха, ур. д. Нестериха.
Белякова Мария Егоровна, 1941 г. р., д. Тимошкино, ур. д. Малая Каменка.
- Бодрякова Любовь Ивановна*, 1932 г. р., д. Медведково, ур. д. Сажиха.
Булкина Валентина Васильевна, 1955 г. р., д. Воробьево, ур. д. Поповка.
Вахтерова Антонина Васильевна, 1946 г. р., п. Мирный, ур. д. Павлово.
Веселова Валентина Алексеевна, 1938 г. р., д. Станино, ур. д. Станино.
Ветрова Нина Петровна, 1930 г. р., д. Мяммино, ур. д. Климово.
Воронова Евгения Николаевна, 1936 г. р., с. Толмачи, ур. д. Воскресенское.
- Голубева Антонина Матвеевна*, 1932 г. р., д. Овсяники, ур. д. Овсяники.
Григорьева Софья Николаевна, 1959 г. р., п. Мирный, ур. д. Бобрище.
Гусева Нина Петровна, 1941 г. р., д. Малое Козлово, ур. д. Пивоварово.
Добрякова Анна Михайловна, 1948 г. р., д. Лежа, ур. д. Еремеевка.
Дорофеева Анна Александровна, 1938 г. р., д. Тимошкино, ур. д. Обросово.
- Заболотная Вера Ивановна*, 1934 г. р., д. Тимошкино, ур. д. Веснено.
Зайцева Клавдия Михайловна, 1929 г. р., с. Толмачи, ур. д. Осташково.
Иванова Анна Николаевна, 1931 г. р., д. Сажиха, ур. д. Сажиха.
Калинина Лидия Федоровна, 1964 г. р., д. Чамерово, ур. д. Кесьма.
Капралова Нина Васильевна, 1954 г. р., д. Линдино, ур. д. Линдино.
Комолова Антонина Лаврентьевна, 1937 г. р., д. Линдино, ур. д. Линдино.
- Кудяков Александр Михайлович*, 1930 г. р., д. Мяммино, ур. д. Мяммино.
Кузнецова Алевтина Михайловна, 1928 г. р., д. Чистая Дуброва, ур. д. Медведково.
- Кузнецова Мария Ефимовна*, 1928 г. р., д. Овсяники, ур. д. Винжа.
Морозова Нина Макаровна, 1932 г. р., с. Толмачи, ур. д. Митецкое.
Петрова Нина Викторовна, 1959 г. р., с. Толмачи, ур. д. Васильки.
Пискунова Галина Федоровна, 1941 г. р., г. Тверь, ур. д. Пасынки.
Пономарев Валентин Андреевич, 1945 г. р., с. Толмачи, ур. д. Василево.

Романова Любовь Гавриловна, 1935 г. р., д. Сажиха, ур. д. Сажиха.
Салева Валентина Васильевна, 1927 г. р., п. Мирный, ур. д. Климово.
Семенов Алексей Семенович, 1934 г. р., д. Еремеевка, ур. д. Еремеевка.
Семенов Василий Семенович, 1939 г. р., д. Еремеевка, ур. д. Еремеевка.
Семенова Валентина Васильевна, 1936 г. р., д. Еремеевка, ур. д. Павловское.
Тормозов Михаил Васильевич, 1938 г. р., г. Тверь, ур. д. Бор.
Фадеева Валентина Васильевна, 1937 г. р., г. Тверь, ур. с. Толмачи.
Филиппова Мария Петровна, 1946 г. р., д. Горня, ур. д. Горня.

Административно-территориальная принадлежность населенных пунктов

Весьегонский район: д. Веснено, д. Кесьма, д. Малая Каменка, д. Медведково, д. Обросимово, д. Тимошкино, д. Сажиха, д. Станино, д. Чаме-рово, д. Чистая Дуброва;

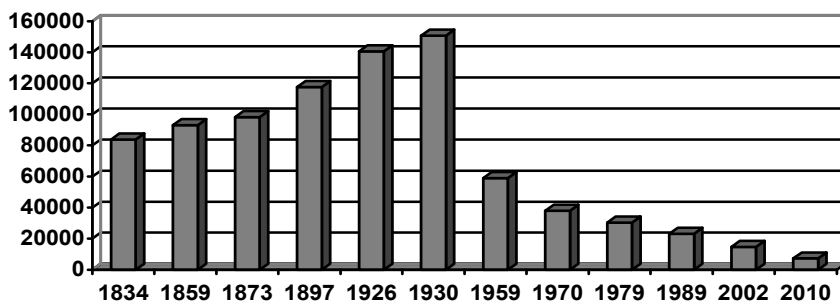
Лихославльский район: д. Бобрище, д. Бор, д. Василево, д. Васильки, д. Воробьево, д. Воскресенское, д. Климово, п. Мирный, д. Митецкое, д. Мяммино, д. Осташково, с. Толмачи, д. Павлово, д. Поповка;

Спировский район: д. Винжа, д. Горня, д. Еремеевка, д. Линдино, д. Малое Козлово, д. Лежа, д. Линдино, д. Нестериха, д. Овсяники, д. Павловское, д. Пасынки, д. Пивоварово, д. Тихменево.

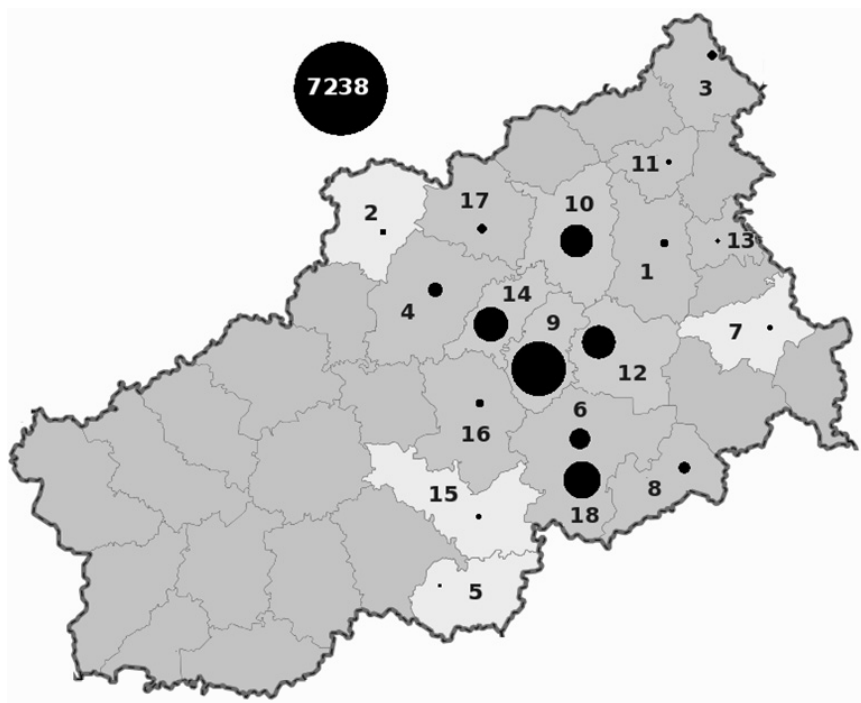
Наречия и диалекты карельского языка



**Динамика численности карельского населения
Тверской области, тыс. чел.**



**Расселение карелов в Тверской области
по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.**

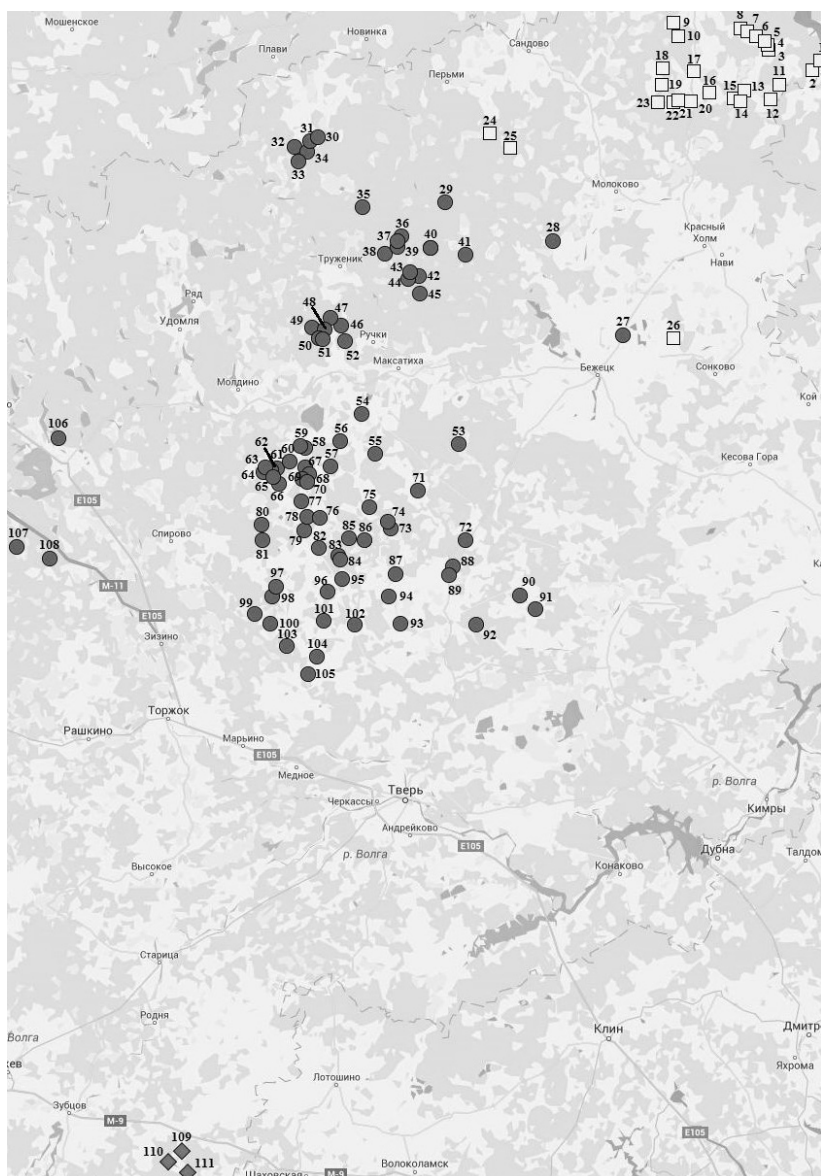


№	Название района	Районный центр	Население, человек (2010)	Карелов, человек (2010)	Карелов, %
1	Бежецкий район	г. Бежецк	34625	42	0,12
2	Бологовский район	г. Бологое	36124	26	0,07
3	Весьегонский район	г. Весьегонск	11943	61	0,51
4	Вышневолоцкий район + г. Вышний Волочек	г. Вышний Волочек	23742 + 48488 = 72230	69 + 101 = 170	0,24
5	Зубцовский район	г. Зубцов	16676	10	0,06
6	Калининский район	г. Тверь	51536	332	0,64
7	Кашинский район	г. Кашин	26761	18	0,07
8	Конаковский район	г. Конаково	81687	90	0,11
9	Лихославльский район	г. Лихославль	27257	2462	9,03

Окончание табл.

10	Максатихинский район	пгт Максатиха	16546	881	5,33
11	Молоковский район	пгт Молоково	5221	17	0,33
12	Рамешковский район	пгт Рамешки	13755	903	6,57
13	Сонковский район	пгт Сонково	8346	12	0,14
14	Спировский район	пгт Спирово	11911	978	8,21
15	Старицкий район	г. Старица	22430	21	0,09
16	Торжокский район	г. Торжок	21349	49	0,23
17	Удомельский район	г. Удомля	37294	57	0,15
18	г. Тверь		352151	1119	0,32
19	Остальные районы			156	

Говоры тверских диалектов карельского языка



Номер	Название населенного пункта	Район
Весьегонский диалект		
1	Беняково	Весьегонский
2	Дюдиково	Весьегонский
3	Чамерово	Весьегонский
4	Станино	Весьегонский
5	Сажиха	Весьегонский
6	Медведково	Весьегонский
7	Чистая Дуброва	Весьегонский
8	Поцеп	Весьегонский
9	Копаево	Весьегонский
10	Бухрово	Весьегонский
11	Мосеевское	Весьегонский
12	Головково	Весьегонский
13	Покрышкино	Весьегонский
14	Коровкино	Краснохолмский
15	Петряево	Краснохолмский
16	Остолопово	Весьегонский
17	Можайка	Весьегонский
18	Старое Шилково	Весьегонский
19	Тимошкино	Весьегонский
20	Чухарево	Весьегонский
21	Терпигора	Весьегонский
22	Чернягино	Весьегонский
23	Яснево	Весьегонский
24	Батиха	Сандовский
25	Волховицы	Молоковский
26	Климантино	Сонковский
Толмачевский диалект		
27	Иевлево	Бежецкий
28	Карельский Городок	Молоковский
29	Райда	Максатихинский
30	Свищево	Лесной
31	Лукино	Лесной
32	Лопатиха	Лесной
33	Спирово	Лесной
34	Городок	Лесной
35	Заболотье	Лесной
36	Кожино	Максатихинский
37	Дымцево	Максатихинский
38	Быки	Максатихинский
39	Ремчино	Максатихинский
40	Горячево	Максатихинский

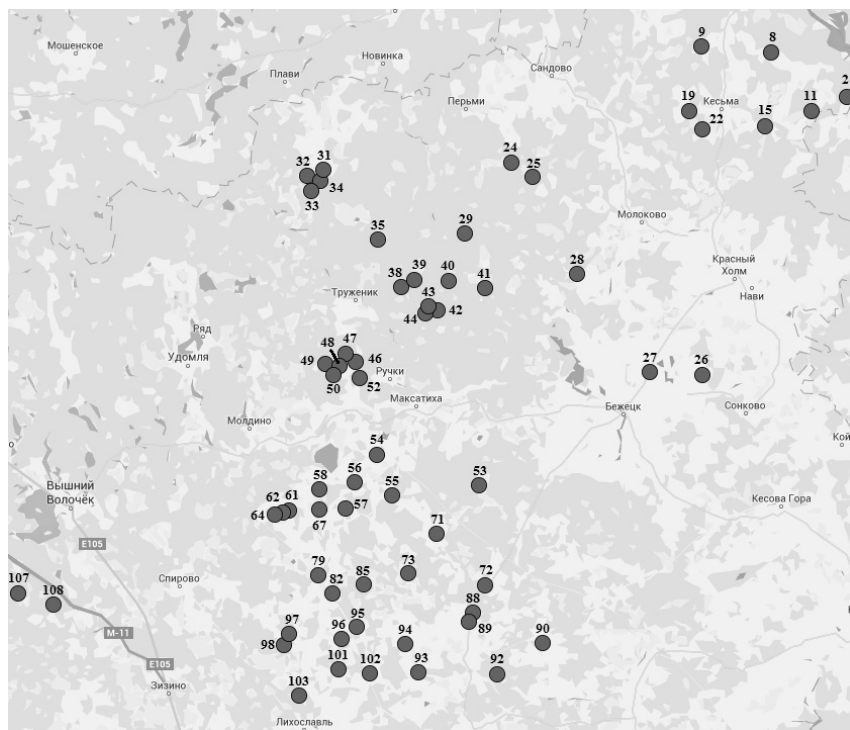
Продолжение табл.

41	Афимьяново	Максатихинский
42	Нарехово	Максатихинский
43	Кулаково	Максатихинский
44	Стыково	Максатихинский
45	Сельцы	Максатихинский
46	Асташиха	Максатихинский
47	Пархово	Максатихинский
48	Раевское	Максатихинский
49	Куничиха	Максатихинский
50	Хмелево	Максатихинский
51	Андрониха	Максатихинский
52	Андрианиха	Максатихинский
53	Ключевая	Максатихинский
54	Кострецы	Максатихинский
55	Большая Воздвиженка	Максатихинский
56	Острые Луки	Максатихинский
57	Лухново	Спировский
58	Аржаное	Спировский
59	Ямное	Спировский
60	Малое Козлово	Спировский
61	Нестериха	Спировский
62	Еремеевка	Спировский
63	Лежа	Спировский
64	Линдино	Спировский
65	Горня	Спировский
66	Овсяники	Спировский
67	Пасынки	Спировский
68	Малое Нивище	Спировский
69	Прудовка	Спировский
70	Морозовка	Спировский
71	Трестна	Максатихинский
72	Алексеевское	Рамешковский
73	Прудово	Лихославльский
74	Курганы	Лихославльский
75	Гаврилково	Лихославльский
76	Воробьево	Лихославльский
77	Никулино	Спировский
78	Яблонька	Лихославльский
79	Ветчино	Лихославльский
80	Кручинка	Спировский
81	Дербужье	Спировский
82	Бор	Лихославльский

Окончание табл.

83	Мирный	Лихославльский
84	Мяммино	Лихославльский
85	Толмачи	Лихославльский
86	Спорное	Лихославльский
87	Пальцево	Рамешковский
88	Бакшино	Рамешковский
89	Шуя	Рамешковский
90	Алешино	Рамешковский
91	Устюги	Рамешковский
92	Баскаки	Рамешковский
93	Никольское	Рамешковский
94	Денисово	Рамешковский
95	Залазино	Лихославльский
96	Волхово	Лихославльский
97	Гайново	Лихославльский
98	Анцифарово	Лихославльский
99	Большое Плоское	Лихославльский
100	Тимошкино	Лихославльский
101	Сальницы	Лихославльский
102	Микшино	Лихославльский
103	Домантово	Лихославльский
104	Лукино	Лихославльский
105	Кава	Лихославльский
106	Пашино	Вышневолоцкий
107	Жальцы	Вышневолоцкий
108	Иваньково	Вышневолоцкий
Держанский диалект		
109	Ивановское	Зубцовский
110	Семеновское	Зубцовский
111	Васильевское	Зубцовский

Населенные пункты, отмеченные на картах распространения отдельных фонетических явлений



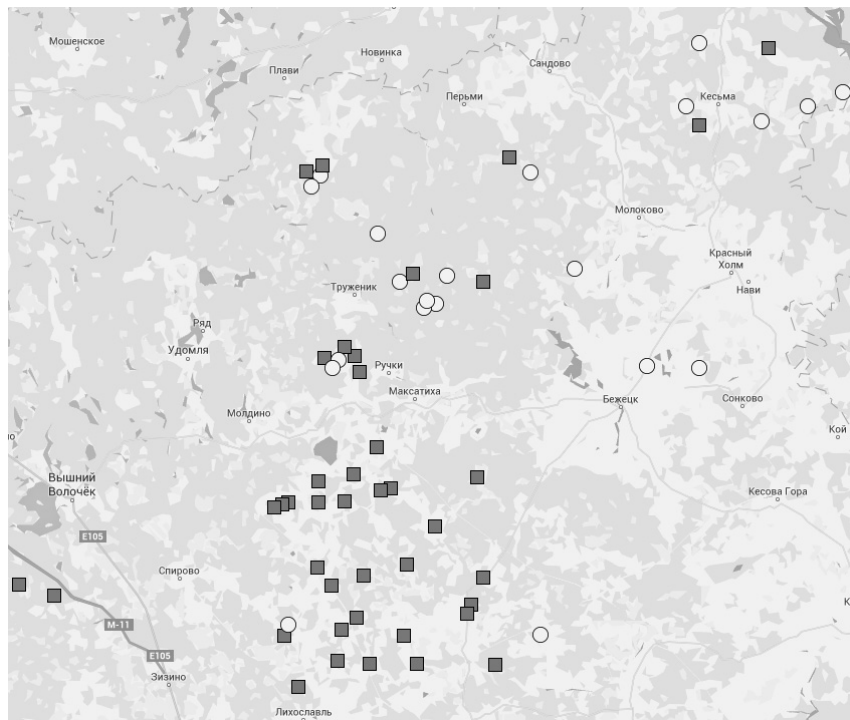
Лабиализация гласных

- lugomah
- lugemah



Лабелизация гласных

■ vāgōvā
○ vāgevā



Долгие гласные *ии, уу* / дифтонги *иу, уи* ударного слога

■ тул'и
○ туwl'и



Дифтонг *ѡа / ѡа*

- *тѡамо*
○ *туамо*



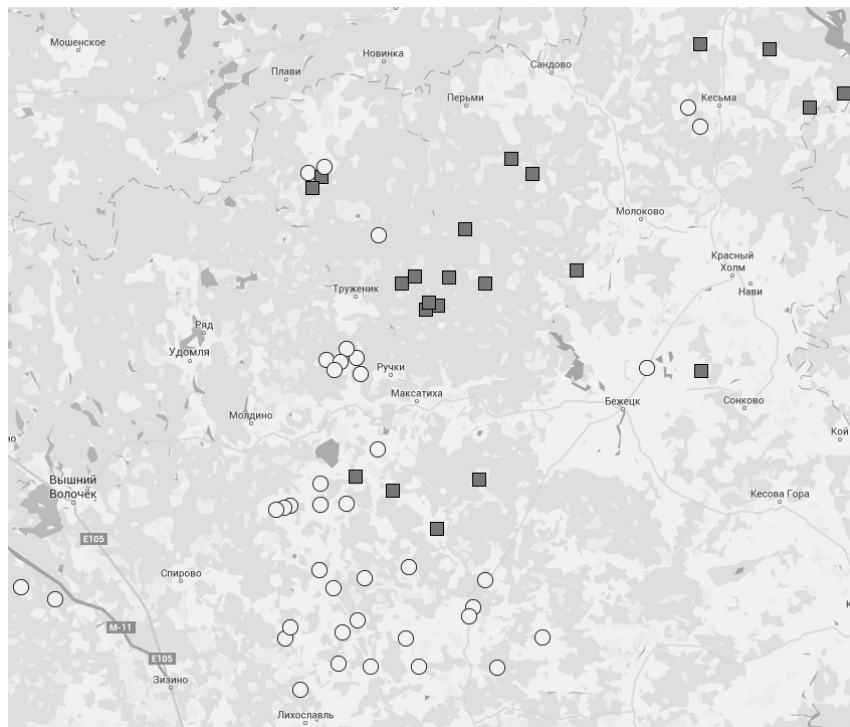
Свистящие и шипящие согласные

- s'el'ga, s'ie
○ šel'gä, šie

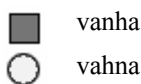


Свистящие и шипящие согласные

■ s'iegla
○ šiegla



Сочетание согласных *nh* / *hn*



Палатализация *n* в начале слова

- nellä, nenä
- n'ellä, n'enä
- ◆ n'ellä, nenä
- ◊ nellä, n'enä



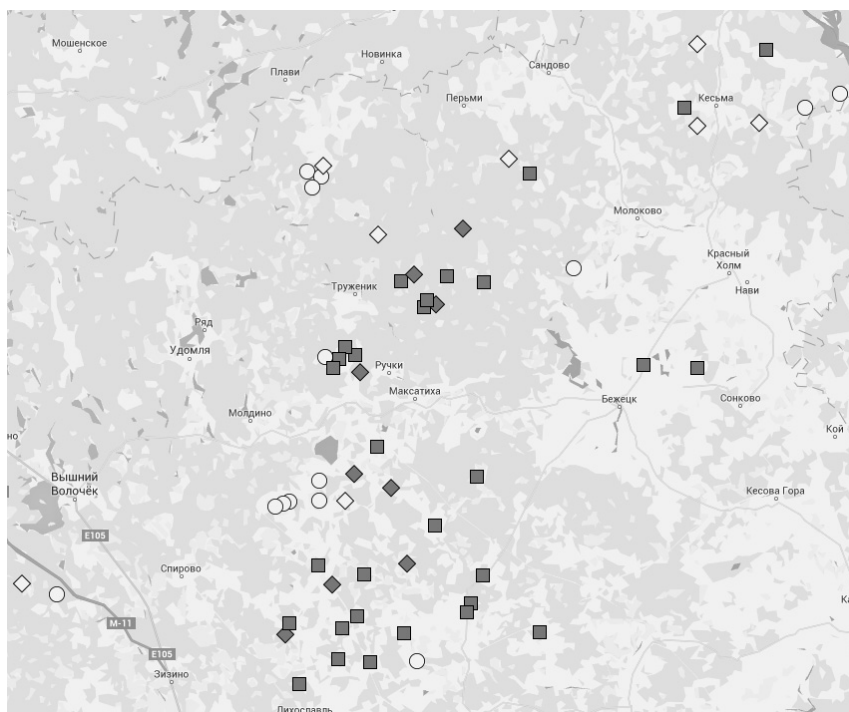
Палатализация *r* в начале слова

- *r*'ebo, *r*'ihma
- rebo, rihma
- ◆ rebo, *r*'ihma
- ◇ *r*'ebo, rihma



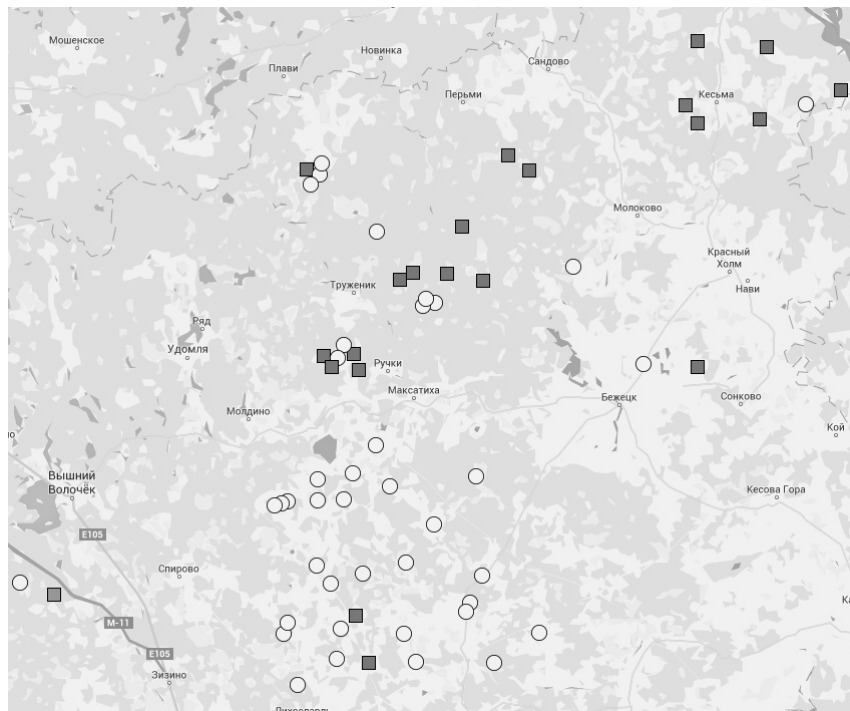
Палатализация *n* в середине слова

- hern'eh, kywn'el', pien'et
- herneh, kywnel', pienet
- ◆ hern'eh, kywn'el', pienet /
hern'eh, kywnel', pien'et /
herneh, kywn'el', pien'et
- ◇ hern'eh, kywnel', pienet /
herneh, kywn'el', pienet /
herneh, kywnel', pien'et

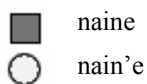


Палатализация *r* в середине слова

- hiir'et
○ hiiret

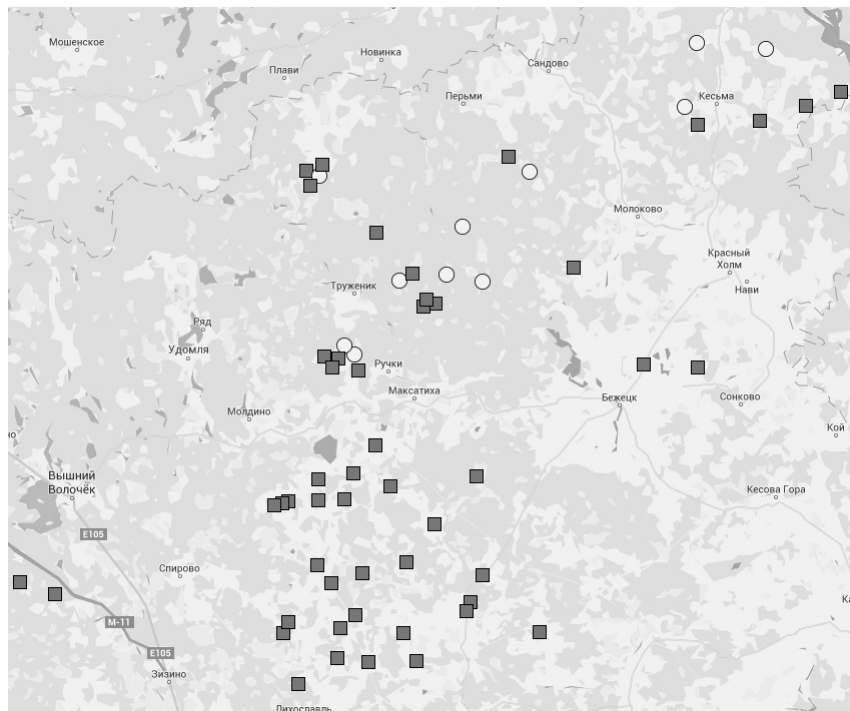


Палатализация *n* в именах на *-ne*



Палатализация *z* в именах на *-ne*

- akkazet
- akkaz'et



**Тверские карельские говоры,
тексты образцов речи которых представлены в работе**



Научное издание

Ирина Петровна Новак

**ТВЕРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА:
ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Редактор *М. А. Радостина*
Оригинал-макет *Т. Н. Люрина*
Обложка *А. Н. Трифанова*

Подписано в печать 10.10.2016.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 13,8. Усл. печ. л. 14,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 382.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50